

The background of the entire page is a vibrant sunset. The sky is filled with large, billowing clouds in shades of orange, yellow, and red. A bright sun is positioned in the lower-left quadrant, partially obscured by a dark silhouette of a building or structure. The foreground is dark, showing the silhouette of a rocky outcrop or cliffside on the right side.

И. Коулд

Шелест.

Том 1

Хочешь знать правду – пожертвуй самым дорогим...

И. Коулд
Шелест. Том 1

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Коулд И.

Шелест. Том 1 / И. Коулд — «ЛитРес: Самиздат», 2009

ISBN 978-5-5321-2602-2

День станет ночью, а жизнь окажется сном. Он должен пробудиться, чтобы понять. Он должен сделать правильный выбор, чтобы спасти любовь. Но стоил ли знать правду? Стоит ли принять все на веру? Если ты сам несешь погибель, а темный город станет могилой многих. Нужно принять истину, либо уйти. Ведь тот, кто за тобой – голоден, а его ненависть безгранична. Его имя – страх, его воля – само зло... Джеку предстоит решить: продолжить борьбу, идти дальше, либо закончить все прямо здесь и прямо сейчас... У него нет ничего, кроме желания спасти ее. У него нет ничего, кроме желания спастись самому...

ISBN 978-5-5321-2602-2

© Коулд И., 2009
© ЛитРес: Самиздат, 2009

Содержание

Том 1	5
ПРОЛОГ.	6
1	9
2	22
3	34
4	46
5	56
6	66
7	82
8	91
9	102
12	135
13	143
14	149
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Том 1

Приходит момент, когда ты можешь рассказать правду. То, о чем вынужден молчать слишком долго. Рассказать, не боясь последствий, не тревожась за судьбы дорогих людей.

Когда наступает время подвести итог и закончить историю жизни, ты волен выбирать, как поступить дальше.

Сейчас я могу поведать о противостоянии с самой смертью, стоящей за нашими спинами, об ужасе, сводящем с ума и о выборе, который предстояло сделать каждому из нас...

***

Настанет час, в который тьма на крыльях дня погасит свет.

Над головою вой и демонов приход зальет кровавой падалью рассвет.

Врата огня открыты, с этой минуты в голове лишь крики.

Брат спасает брата, не ведая, что нет возврата.

Святая жертва умрет на алтаре.

И наш покой не ведам миру ненависти, царящий ужасом теперь и на земле.

Уж близок час и тьма зовет: закрой глаза, идя вперед...

Игорь Хардвок.

ПРОЛОГ.

...Стараясь двигаться тише, он на ощупь брел вдоль поросшей мхом стены. Потеряв счёт времени, не зная, как долго блуждает по холодному сырому подземелью: час, день, неделю, год. Время здесь остановилось. Оно просто не существовало. Сотни поворотов, развилок, тупиков. Он возвращался назад и снова шел вперед. Произошедшее казалось нереальным, напоминая один из ночных кошмаров.

Пальцы кровоточили и жутко болели, будто побывали в дробилке. Израненное тело реагировало на малейшее движение мгновенной ослепляющей мучительной вспышкой. Ноги казались чужими, существующими отдельно, словно неказистые протезы, сделанные пьяным мастером – самоучкой.

Человек потряс головой, пытаясь привести мысли в порядок. На это простое движение мозг отреагировал молниеносной вспышкой боли: сейчас он потеряет сознание, провалившись в черную дыру потухающего рассудка. Из рваной раны на виске снова потекла кровь. Руки дрожали, как после недельного запоя. Костяшки пальцев разбиты, а под изломанными ногтями засыхала кровь. Человек, затуманенным взглядом смотрел вглубь коридора. Перед глазами мелькали разноцветные блики, мешая разглядеть, что находится впереди. Он не имел понятия, в какую сторону идти. Все смешалось.

Голова гудела и пульсировала, как паровой котел, готовый взорваться в любую секунду. Кровь из раны пошла сильнее, заливая порванный воротник грязной рубашки. Разбитые губы опухли, а горло жгло, словно он наелся битого стекла. Он все отдал бы за глоток холодной воды.

Человек медленно продвигался вперед: шаг за шагом. Одна порция боли за другой. Оставляя позади кровавый след, как ковровую дорожку на приеме у маньяка – садиста, прилагая невероятное усилие, чтобы не оступиться на ногах-протезах и не упасть на острые камни. Холодный пот градом стекал по лицу, оставляя грязные разводы. Щипал глаза, заставляя тереть их ладонями, отчего разноцветные блики множились, словно бактерии – паразиты в гнойной ране. На плечах невероятная тяжесть, будто на спину водрузили мешок с землей. Еще немного, и он упадет, разбивая коленки, не выдержав непосильной ноши, которая погребет под собой, словно могильный камень.

Мысли путались. Человек уже не мог вспомнить, как оказался в этом месте – в темноте, совсем один. Что произошло в последние несколько часов?

Полузатопленный темнотой каменный коридор казался бесконечным. Скупой призрачный свет лился откуда-то сверху: тусклый и безжизненный, словно от коптившей старой замусоленной лампы. Возможно, всего лишь игра воображения, ведь глаза застилает кровавая пелена, а видимость от клубящегося впереди синего тумана практически сводится к нулю.

Дышать становится все труднее. Воздух наэлектризован, как во время грозы. Горяч, как во время лесного пожара. Кажется, достаточно лишь одной искры, чтобы он вспыхнул, сжигая легкие. Голубой свет пробивается из ниоткуда: потусторонний, словно огонек на болоте. По земляному полу расплзается светлая непроницаемая дымка, как от тлеющего костра, отчего его очертания все время меняются, извиваясь змеей на склоне сухой насыпи.

«Где я? Что это за место? Как я здесь оказался?»

– Пить, прошу... – короткая фраза отняла последние силы, и человек упал.

Голова откинулась назад, с глухим стуком ударившись о стену. Человек вскрикнул, теряя сознание, проваливаясь в пугающую бездну. Чернота окутывала, радостно распахивая объятия, ликовала, как паук, поймавший долгожданную жертву. Он падал вниз, отчетливо осознавая происходящее. Это снова походило на сон, страшный кошмар из детства. Он ощутил ледяной поток воздуха, затягивающий вниз, словно трясина.

Легкие сдавило железным обручем. Хриплое дыхание стало клокочущим. Он прилагал неимоверные усилия, чтобы сделать вдох. Но легкие отказывались подчиняться. Скорее подсознательно человек понял, что плачет, ощутив соленый привкус на губах.

Это словно очищение, успокоение. Боль... Она расплзается по телу, как яд от укуса кобры, отвоевывая с каждым мгновением все больше пространства израненной плоти.

Где-то там, в глубине потухающего рассудка, он отчетливо услышал тихий голос, звавший по имени, которое он почти забыл. Голос обещал, сулил свободу. Человек понял. Знал это с самого начала. Нужно идти на зов: сейчас, немедленно!

– Иди! Поднимись!!! – Голос звучал настойчивей, громче. – Ты же не допустишь?..

Пытаясь зацепиться за воспоминание, в смертельном падении вниз, израненными изломанными пальцами, остановить безумие, в безуспешной попытке он яростно рассекал воздух руками, как пловец на финише. Тщетно. Продолжая погружаться в черную пропасть, он четко осознавал: шансов почти не осталось. Водоворот смерти затягивал, растворяя в себе, подчиняя неумолимой воли.

Голос продолжал звать, нежные нотки исчезли. Теперь это больше походило на рассерженный рык животного, звучащий в голове все громче, пока резко не оборвался на высокой ноте криком боли и ярости.

Человек падал. И когда казалось все кончено, кто-то с силой встряхнул за плечи, приводя в чувство:

– Поднимись!!! Ну, же!

Он медленно открыл глаза, возвращаясь в реальность, в надежде увидеть обладателя странного голоса.

Никого рядом не было.

Гул в голове затихал, но сознание оставалось спутанным. Он попытался облизнуть пересохшие потрескавшиеся губы. Ничего не вышло. Язык распух. Превратился в наждачную бумагу, раздирающую нёбо. Воздух со свистом прорывался через отбитые легкие. Человек закашлял. Сплюнул кровь на землю. Попытка подняться. Голова закружилась, но расплывчатые предметы приобрели более четкие формы.

Темный коридор заканчивался голубым металлическим светом, так не похожим ни на один из виденных прежде. Держась за стену, шаг за шагом он медленно продвигался вперед, твердо осознавая: если вновь остановится – упадет, и сил подняться уже не будет. Они таяли с каждой минутой, растворялись как капли воды, нечаянно упавшие на сухой песок из полупустой фляжки проводника.

– Аниил, Аниил, – шептал человек, словно молитву, все еще надеясь на спасение. Все еще веря в чудо. Теперь он знает, что значит это имя. Теперь он понял, кто скрывается за словами. Смутные образы воспоминаний постепенно приобретали смысл. Все вставало на свои места. И чем яснее становилась картина, тем ужаснее было от этого.

В агонизирующем мозгу бесконечное множество раз проносилось одно и то же – видение, которое он никогда не сможет забыть. И пока человек, шатаясь, брёл по лабиринту темного коридора, перед взором стояли мутные, испещренные кровяными сеточками, светящиеся глаза, которые, казалось, жили отдельно от этого чёрного лица, причиняя почти физическую боль, лишь стоило заглянуть в пугающую своей ненавистью бездну. Они алчно заглывали тебя, тянули в трясину беспросветного мрака, откуда нет обратной дороги. Человек вспомнил, как падал в эту бездну. Как терял от животного страха последние проблески разума. Как отрицал то, что видели глаза. Напрасно...

– Ты не получишь его, Анаэль, – прошептал он. – Не получишь. Я не допущу...

С каждым следующим шагом сознание покидало, а гул в ушах становился всё тише и тише. Человек упал на острые камни, сжавшись в комочек, не дойдя всего несколько ярдов до голубого света, которым заканчивался, казавшийся таким бесконечным, коридор. Сухими

потрескавшимися губами он прошептал имя: то, которое никто не смеет произнести кроме него, то, ради которого он оказался здесь.

Шепот растворился, словно призрачный всадник, эхом затихая в каменном лабиринте. В последнем проблеске сознания он вновь услышал нежный голос, поющий колыбельную песню, чарующий, неземной. Голос манил, звал за собой, сулил избавление. Человек почувствовал, как легкое дуновение ветерка обдало лицо. Узнал запах цветов и аромат трав. Слезы скатились из ничего невидящих перед собой глаз. Кто-то бережно и осторожно коснулся лица. Ласково провел рукой по волосам.

– Теперь все будет хорошо. Ты правильно сделал, что пришел...

Человек улыбнулся невидимому спасителю, вздрогнув от неожиданно разлившегося по телу тепла, словно его погрузили в горячую ароматную ванну. Последняя судорога пробежала по телу, расслабляя мышцы, разглаживая черты лица. Безжизненные руки съехали на земляной пол. Судорожно сжатые кулаки разжались. Небольшой продолговатый предмет выпал из ослабевших пальцев и покотился по коридору.

Полуулыбка замерла на теперь спокойном лице. Широко открытые глаза тускнели, словно день в солнечное затмение. Последняя слезинка медленно скатилась по белой щеке, упав на грязные камни...

Далеко вверху солнце величественно поднималось из-за гор, ярко-красное пылающее, щедро одаривая землю теплом и светом. Природа оживала после ночного сна. Сотни оттенков и звуков наполняли живой мир.

Мир, в котором нет места мертвым. Мир, который он уже никогда не увидит. Мир, в который никогда не найдет дороги. Он больше не ощутит теплоту и ласку первых нежных лучей восходящего солнца, не подставит горящее лицо навстречу прохладному ветру, не почувствует пряный аромат цветущих бегоний...

1

Джек открыл глаза, потянулся, зевая во весь рот. Багровый горб солнца показался из-за горизонта, и солнечные лучи раскрасили мир разноцветными красками. Золотистый зайчик притаился возле полки с книжками, прошелся по плакату футбольной команды «Балтимор Рейвенс» и затерялся в глубине комнаты.

Легкий ветерок колыхал створки жалюзи у распахнутого окна. Утренняя прохлада наполнила комнату ароматом гортензии и жасмина, растущих в саду вокруг дома. Старый вяз лениво шелестел листвой, дирижируя неугомным сойкам, разместившимся на ветвях и перекрикивающихся друг друга.

Джек улыбнулся, поднявшись с кровати. Сегодня воскресенье и он знает, как проведет день.

– О работе и школе забудем до завтра. Боже, благослови выходные, – он зевнул, взъерошив пятерней темные непослушные волосы. Они немного длинноваты, но так даже лучше. Хотя мама на этот счет более категорична.

Тело покрылось мурашками. Но он обожает утреннюю прохладу, капельки росы на горячей после пробега коже, ветер, играющий с волосами. Подойдя к окну, Джек распахнул створки шире, свернув вверх жалюзи.

Включив музыкальный центр и выбрав любимую композицию из «Поющих акул» принялся за утреннюю разминку. Яростно отжимаясь от пола, он пел вместе с Джимом Грейбом: «Если сегодня ты уйдешь, я разобью машину, и ты, малышка, станешь плакать, потому что больше не сможешь прокатиться на моем лимузине».

Мыслями он был уже не здесь, не в своей уютной комнате на Файерстрит, а на стадионе, показывая команде новую комбинацию, разрабатываемую им несколько недель. Отшлифовывая последние детали. Оттачивая до автоматизма.

Американский футбол – смысл его жизни. Все, что не касалось футбола, автоматически отходило на второй план. С девяти лет Джек играл за сборную школы, и вот уже три года являлся квотербеком «Орланов». Тренер Ламар Уокер сулил Джеку большое будущее, всячески поощряя и культивируя в воспитаннике фанатичную страсть.

– Впереди НФЛ, ты будешь самым лучшим! После окончания школы я дам несколько рекомендаций в колледж. Такого игрока у них еще не было! Ты возьмешь Мемориальный кубок Хайсмона в первом же сезоне! Но сейчас нужно изрядно попотеть. И когда придет наш час, мы надерем задницы этим высокомерным выскочкам из Луизианы. Вручая нам «Сахарный кубок» они наконец-то поймут, с кем имеют дело.

– Дело не во мне, сэр. Не я один делаю игру. Вы тренировали нас последние несколько лет. Вы научили меня всему.

– Нет, Джек! С таким феноменом как ты я сталкиваюсь впервые за свою долгую жизнь. Иногда, кажется, ты знаешь какую комбинацию провернет соперник еще до броска мяча. А я повидал много чего, уж поверь.

Ламар лукавил. Ему всего тридцать, и он никак не выглядел стариком. Высокий, стройный, волевой и безжалостный он стал кошмаром для ребят. Бывало и так, что после тренировок игроки падали от изнеможения прямо на поле.

– Слабакам и нытикам нет места в спорте, а тем более в американском футболе! Кто ноет, убирайтесь к чертовой бабушке, сопливые девчонки, – это была коронная фраза тренера Уокера.

Прохаживаясь мимо измученных парней после нескольких часов непрерывной тренировки, сложив на груди мускулистые руки, он метал уничтожающие сердитые взгляды.

Но Джека Уокер обожал, возносил, восхищаясь нечеловеческой выносливостью, интуиции и неоспоримому таланту. Впрочем, не он один.

***

Последний год в высшей школе принес с собой легкую грусть и массу привилегий. Учителя души не чаяли в Джеке, наглым образом завышая оценки, прощая частые прогулы и пренебрежение к учебе. Футбол являлся одержимостью Файерлейка. Это лучшее, что есть у такого отдаленного и жившего обособленной жизнью городка с населением тысяча двести двенадцать душ, согласно последней переписи.

Каждая игра – огромное событие и праздник, заканчивающийся массовым гулянием и фейерверком. О таланте Джека в его семнадцать уже слагали легенды, распространившись далеко за пределы округа. Ни одна из игр с его участием не заканчивалась поражением команды. «Орланы» являлись призерами различных школьных соревнований среди юниоров штата Орегон.

В прошлом году команда привезла домой кубок «Серебряного бобра», но не это было для Уокера конечной целью – он подал заявку на участие «Орланов» в борьбе за «Сахарный» кубок, среди команд восьми штатов, делая ставку на Джека. Ничто не могло поколебать в нем уверенность насчет его лучшего игрока, скорее с неба начнут падать золотые монеты.

Джек продолжал делать зарядку, выкрикивая слова модной песни, когда заметил мать, стоявшую возле двери. Хрупкая невысокая женщина со светлыми волосами, забранными в небрежный пучок на затылке, уныло наблюдала за разминкой, как обычно, когда бывала не в настроении – покусывая нижнюю губу и хмуря брови. Обведя комнату грустным взглядом, Керол вздохнула:

– Нужно навести здесь порядок. Хоть какой-нибудь. Хоть когда-нибудь.

– Отлично, как только освобожусь...

– Ты обещаешь это третье воскресенье. Если ты позволишь...

– Нет, мам. Мы об этом говорили неоднократно, помнишь? Моя зона, моя территория!

Не хочу потом полдня потратить на поиски нужной мне вещи.

– Да, диска с фильмом об Уильяме Хеффелфингере, например, – она красноречиво кивнула на десятки дисков разбросанных по письменному столу, пылившихся на полках и даже валявшихся на полу. – Это звучит, как очередная отговорка. Ты просто...

– Я просто не хочу тебя напрягать.

– Прекрасно. Но я хотела поговорить о другом, конечно и об этом тоже. Ведь жить в конюшне...

– Мама!

– Хорошо, перейду сразу к делу. Ты давно не был в церкви. Это твоя постоянная занятость. Э... Нет таких дел, которые могут быть более значимыми, чем проповедь отца Сэмуила, и матушка просила тебя обязательно сегодня прийти – она будет очень ждать. Афения неоднократно пыталась с тобой встретиться, так что не нужно в который раз снова ее разочаровывать. Раз уж я не могу повлиять на тебя, так, возможно, настоятельнице удастся.

– Хорошо, после тренировки. Клянусь! Матушка вновь осчастливила нас своим присутствием? Когда она приехала? – Он поднялся и выключил стереосистему. На бронзовой от загара коже блестели бисерки пота. Темные спутанные волосы упали на глаза.

– Блаженная тишина, – Керол закатила глаза к потолку. – К тому же, это продлится до вечера, твоя тренировка. Все как обычно! Не мог ты, хотя бы сегодня, сделать исключение. Она очень просила. Матушка приехала помочь преподобному Сэмуилу. Скоро рождество Божьей Матери, и ты знаешь: нужно многое подготовить к празднику. Да и пробудет она лишь до завтрашнего утра. Матушка не может надолго оставить монастырь. Так что прошу, не забудь навестить ее... на этот раз. Она волнуется о тебе, – многозначительно добавила мать.

– О, да, нравы, молодость, тестостерон и прочая чушь!

– Не стоит так говорить.

– Извини. Но все, что скажет Афения мне известно. Но... я обещаю, – поспешно добавил он, предотвращая в ответ возмущенную реплику.

– Обещаешь? Здорово, – недоверчиво протянула Керол, нахмутив брови. – А, Рейчел? Ты давно не был у Скайуокеров, верно?

– Мама, у меня действительно не так много времени. Я не пытаюсь отмазаться! Через месяц игра с «Плохими парнями». Ты знаешь, что это за команда? Звери. Они взяли кубок Иллинойса в прошлом году. Один Алек Шейк может уложить разом пол моей команды. А ты говоришь – Скайуокеры.

– Но...

– Мама, я не виноват, о чем вы там договорились двадцать лет назад. Я здесь совершенно не причем.

– Джек, это уже не смешно. Не желаю обсуждать это снова! Мы говорили об этом неоднократно. Рейчел такая красавица, а ты просто болван, если думаешь иначе.

– Я не думаю иначе.

– Превосходно, может пора сделать шаг навстречу? Девушка надеется, что ты наконец-то признаешься.

– Мамуля, мне не в чем признаваться. Разве, что я очень тебя люблю.

Он обнял мать, чмокнув ее в нос. Керол взъерошила непокорные волосы сына, а затем, словно извиняясь, пригладила длинную челку.

– Но ведь у нас есть обязательства перед орденом. Твой покойный отец был человеком слова, и он был бы недоволен твоим поведением.

– Мама, ты единственный человек, который так говорит. Обещаю, все будет нормально. Вот только...

– Что?

– Разделаемся с «Плохими парнями».

– Ты просто невыносим, – она цокнула, нервно поправив белый в синий цветочек фартук. – Поговорим об этом потом. Серьезно поговорим. Я приготовила завтрак. Может, хоть сегодня поешь со мной или сразу отправишься к Майклу? Кстати, пора бы ему уже появиться.

– Кстати о Майкле: я сегодня возможно задержусь. Он просил зайти к нему вечером.

– Вы ведь и так весь день проведете вместе?

– У нас есть незавершенные дела. Мне нужно ему помочь. Я обещал.

– Как и с уборкой комнаты и посещением матушки Афении!

– Разумеется. И кстати: Рейчел я видел недавно, на прошлой неделе! И мы с ней даже очень мило побеседовали. Не думаю, что она успела по мне соскучиться.

Джек вспомнил, как она кричала за то, что он не соизволил появиться на заранее приглашенный ужин с ее отцом. И что с того? Он просто забыл! Стоило ли раздувать такую шумиху?

Это случилось в ювелирном магазине Петерсена. Джек проспорил Майклу, и должен был по договору проторчать в магазине битый час, выбирая подарок для Кетти, девушки Майкла. Рейчел в очередной раз примеряла дорогую безделушку, когда через витрину увидела Джека с Луисом. Жаль, что не он ее первый заметил!

– Не повезло мистеру сэру Петерсону. Вернее очень даже повезло, когда она пулей вылетела из магазина, сбив по пути стеклянную витрину с дорогой бижутерией. Шерифу Гордону придется раскошелиться.

– Иногда ты действительно бываешь просто несносным, – заметила мать.

Она прошла в комнату. Наклонилась подобрать брошенные возле кровати носки. Взяла со стула футболку. Переложила разбросанные диски с кровати на стол.

– Ты неисправим. Девочке придется потратить много сил, чтобы из тебя получился толк!

– О, да! Надеюсь, у нее хватит терпение. Хотя после последней сцены я бы не загадывал.

Забрав грязное белье, мать спустилась в столовую. Джек глянул на часы над овальным зеркалом и ужаснулся: сколько времени! Приняв душ и почистив зубы, он попытался причесать непокорные волосы, торчащие в разные стороны. Вышло не очень, но видит Бог, он сделал все, что мог. Надев джинсы и любимую футболку с изображением Майкла Джордана, хмыкнул, вспоминая слова матери.

– Вот еще! Рейчел! Не думаю, чтобы она очень уж скучала, разбивая сердце очередному поклоннику!

Джек извлек из стереосистемы диск и швырнул на кровать. Уныло обведя комнату взглядом, забросил выдавшие виды кроссовки под кровать, кое-как прикрыв ее покрывалом. Поставил на полку школьные книги, проведя по пыльной поверхности рукой, оставляя разводы. Уборка произведена!

Мать сидела за круглым столом, подперев голову рукой, мечтательно устремив взгляд в окно. Рядом остывал омлет. На фарфоровой тарелке лежал, нарезанный на тонкие ломтики бекон, свежие булочки, а в прозрачном графине апельсиновый сок.

– Привет! – Джек опустился рядом, взял вилку и улыбнулся. Она продолжала смотреть в окно. Тонкая струйка дыма медленно поднималась к потолку, и часть пепла от наполовину истлевшей сигареты в ее руках, грозил свалиться прямо в стакан. Джек помахал ладонью перед ее лицом.

– Земля вызывает Настромо! Мама спускайся вниз.

– О, извини. Просто... просто задумалась, вспомнила... Когда ты был совсем маленький и только научился ходить, а Сэму шел десятый год – вы постоянно спорили за завтраком, – Джек осторожно отодвинул от нее стакан с соком. – Ты пытался забрать вилку, а ему отдать пластиковую ложечку. Ты все время лепетал, это не справедливо, не честно. Дело доходило до крика и рева, и пока отец не отвесит каждому по подзатыльнику, не пригрозив ремнем, завтрак обычно не начинался. Прошло всего несколько лет, и теперь мы остались с тобой совсем одни, – ее рука дрогнула, и пепел упал на стол.

– Мама, эй, пожалуйста! – Джек дотронулся до холодной ладони, протянувшись через стол.

– Да ты прав, извини, – она сжала его руку. – Время так быстротечно. Ты вырос, почти мужчина: через год окончишь школу, поедешь учиться.

– У тебя сегодня плохое настроение?

– Нет. Все замечательно. Просто, не обращай внимание. Ты, почему не ешь?

Джек отметил черные круги под глазами, глубокую складку, пересекающую лоб, неестественную бледность лица. Опять мать провела очередную бессонную ночь в слезах. После трагической смерти старшего сына она долго приходила в себя, отстранившись от окружающих и спрятавшись в непроницаемой скорлупе. Когда вскоре после трагедии от инфаркта умер муж – его отец, она выжила лишь благодаря Джеку, не отходившему от ее постели ни на шаг. Он выходил, вытаскивал мать из пасти безумия, которое шаг за шагом поглощало ее. Но временами все возвращалось. Он не мог уловить факторы, способствующие этому, но депрессия снова открывала пасть, тянула на глубину, оставляя взамен страхи, тоску и слезы.

– Ты придешь на обед?

– Разумеется, если будет время, – Джек виновато посмотрел на мать.

– Понятно. Обед будет ждать в микроволновке. Если ты все же придешь – то просто разогрей. Сегодня у меня собрание в двенадцать, и я могу не успеть вернуться. К тому же, оттуда я поеду в галерею.

– Ты уже закончила картину? Покажешь?

– Конечно, в первую очередь. Хочу узнать твое объективное мнение прежде, чем она попадет на глаза критикам-садидам.

«Хорошо, что мать решила заняться живописью профессионально. Это отнимает все свободное время, не давая окончательно расклеиться и начать жалеть себя».

Керол продолжала делать вид, что занята завтраком, хотя рассеянный взгляд блуждал по кухне, шкафам с посудой, задержался на миг около посудомоечной машины, скользнул к окну.

– Мама, тебя что-то волнует?

– Только моя предстоящая презентация.

– Хм... Ты что-то недоговариваешь, верно?

– Меня действительно волнует, что скажут критики. Дело только в этом, уверяю.

Они продолжали завтрак в полной тишине, когда с улицы послышался свист. Керол вздохнула, отодвигая полупустой стакан сока:

– Я уже начала волноваться, почему Майкла так долго нет?

– Майки, заходи! – Джек засмеялся, когда из-за двери показалась виноватая конопатая физиономия. Рыжие пряди беспорядочно падали на бледный лоб. Казалось, на лице нет ни одного свободного места, где бы ни сидела рыжая клякса.

Он выглядел немного наивным, немного зажатым, но это лишь на первый взгляд. В глазах блестели озорные огоньки, а за робостью угадывалась тяга к безумным поступкам и чрезмерная импульсивность, временами граничащая с патологическим неумением сдерживать себя. Парень находился в отличной физической форме, играл с Джеком в одной команде и был закадычным другом.

Майкл, некогда гроза садов и головная боль мистера Гордона, шефа полиции, теперь заметно повзрослел, но от этого безумных идей в голове не убавилось. Его проделки продолжали сводить с ума церковного садовника мистера Паркера, не прекращающего лелеять надежду когда-нибудь застукать его за очередной шалостью. Но талант Майкла состоял именно в том, что он всегда чувствовал, когда необходимо «делать ноги». Линялые джинсы с порванными коленями и белая футболка с черепом на спине завершали облик бесшабашного парня.

– О мэм, приветствую! Я кажется не вовремя? Глубоко извиняюсь, проходил случайно мимо и...

– Майкл, отлично. Мило, что зашел! Присаживайся и позавтракай с нами, – Керол наконец-то улыбнулась, и Джек был благодарен другу за это наивное оправдание.

– Я, конечно же, с удовольствием! Я вас не стесню? Как-то не совсем удобно?

– Брось придуряться, Майки. Хитрая физиономия выдает тебя с потрохами! Садись уже, – Джек указал на стоящий рядом стул.

Керол поставила перед Майклом чашку с омлетом, пододвинула булочки, сок, поставила рядом бекон и чистый стакан.

– Как поживает Генриетта?

– О, она передает вам привет. Спасибо, все нормально.

Майкл говорил с набитым ртом, и поэтому сказанное произнесено примерно так: «Она пер...ет вам пивет, спсбо, вс номалн».

– Чем занимается маленькая Сью?

Майкл хрюкнул, тщательно переживал пищу, скривился, будто ему наступили на любимую мозоль:

– Только тем, что везде сует свой нос. Покоя от нее нет.

Керол звонко рассмеялась, подымаясь из-за стола.

– Твоя сестренка просто чудо! Вы уже уходите? – Растерянно спросила она, видя, что Джек поднялся вслед за ней и теперь нетерпеливо переминается с ноги на ногу, выразительно поглядывая в сторону жующего друга. – Но, Джек, Майкл ведь...

– Спасибо, мама, все было вкусно. Но нам пора, – Джек подтолкнул Майкла в бок.

– Ой, спасибо миссис Керол. Нам действительно пора.

– Джек, я надеюсь, ты не забыл о моей просьбе.

- Нет, мама конечно!
- Зайди к матушке и навести Рейчел!
- Э...м... конечно, как освобожусь!

– Ничего подобного. Сегодня же! И не забывайте делать пожертвования, – она сделала вид, что сердится, но Джек тут же раскусил уловку. Керол не умеет притворяться.

Джек с Майклом торопливо вышли из дома, направляясь к стадиону. По пути предстояло сделать круг и зайти за Луисом. Джека охватывала легкая дрожь нетерпения. Так всегда происходит в предвкушении тренировки. Чего нельзя сказать о Майкле, спокойно жующего булочку, стянутую из кухни Керол, и беззаботно мурлыкающего под нос мелодию:

- Тот темный лабиринт забытой бесконечной злобы,
Единственным моментом возвестил. Ты проклят и забыт. Ты проклят и забыт.

***

Утопающий в зелени городок оживал. За лесом, на склоне горы Маун-Худ, в монастыре зазвонили колокола. Мелодичный звук опустился на город, словно клубы тумана, проникая в каждый дом, через распахнутые настежь окна, который завораживал, манил, впечатлял. Люди поднимали головы, бросая взгляды в сторону старого замка.

Кто-то торопился в церковь «святого Доминика» на окраине Файерлейка, кто-то на службу, кто-то скорее внести пожертвования в чашу «Подношений», в надежде умиловить капризную, переменчивую удачу и обратить ее лик в свою сторону.

Старик Герри Дик, чинил на лужайке возле дома на Бруксонхилл старый разбрызгиватель, с завидной периодичностью выходящего из строя, смачно изрыгая проклятья на головы парней из службы наладки. Вся улица в который раз выслушивала о «зажравшемся Бене Сандовеле и ленивом Шоне Марке».

Местами облупившийся от старости фургон молочника проехал мимо, обдав Джека и Майкла порцией выхлопного дыма. Молочник работал даже в праздники и воскресенье. «Люди пьют молоко и выходные дни», – любил поговаривать мужчина, ворчливо отвечая на недоуменные взгляды жителей.

Белый фургончик с эмблемой фабрики «Скьюета» останавливался возле очередного коттеджа, и не высокий толстый человек, кряхтя, выходил из машины, неся в руках молочные бутылки. Из ушей торчали неизменные наушники. Он подпевал, покачивая головой в такт, совершенно не обращая внимания на неодобрительные взгляды. Молочник начисто лишен слуха.

Майкл хихикнул, глядя на него:

– И я еще думал, это тебе медведь на ухо наступил! От такого тромбона у кого хочешь крыша поедет. Интересный персонаж для комиксов ужасов!

– Да, и чем же?

– Да странный он какой-то чувак, нелюдимый. Ни разу не видел его в чьей-либо компании. По-моему, даже в «У Босса» не ходит, чтобы пропустить пару стаканчиков сливочного пива после трудового дня и потрепаться о своей паршивой жизни, как это делают все нормальные мужики! В церкви стоит особняком, возле самой двери, будто так и ждет момента, когда отец Сэмуил на проповеди закатит глаза к потолку, как он это любит делать, чтобы поскорее слинять незамеченным.

– Человек любит одиночество, и что с того? Есть такой тип людей, которые тяготеют общением. Я в этом ничего плохого не вижу.

– Ну да, ты никогда ничего плохого не видишь. А что если он маньяк? – Парень подозрительно покосился в сторону молочника. – Видел репортаж про тех типов, что живут особняком в каком-нибудь Богом забытом уголке? Классический случай.

– Майкл, ты почти в каждом видишь маньяка.

– Разумеется. У меня дар. Вот ты, к примеру, маньяк футбола.

– Отлично! К твоему сведению, мы увеличиваем тренировки еще на два часа. Думаю, необходимо больше сил отдавать подготовке к чемпионату. Предстоящая игра не за горами.

– Да это же... Это невозможно. Садизм. Ты и Уокер! Только не сейчас! Я и так прихожу домой, как выжатый лимон. У меня, по твоей милости, ни на что не хватает времени.

– Это не обсуждается, Майки. Я созвонился с тренером. Он только «за».

– Ну конечно, он будет «за». Он же чертов садист! Еще бы ему быть против.

– Нужно увеличить время. Это не садизм, а необходимость. И когда мы отделаем «Плохих парней» и возьмем кубок, ты станешь благодарить тренера. Мы должны взять кубок, и мы его возьмем, если для этого нужно будет ночевать на поле – значит так и будет, – упрямо сжал губы Джек, мимолетно глянув в небо на пролетающую мимо тройку черных птиц.

– Ты же, вернее мы всегда побеждаем! «Орланы» и так выиграют.

– Никто не может все время побеждать, Майкл. На каждого крутого игрока, найдется еще круче! Рекорды рано или поздно побеждаются, тебе ли это не знать. На спортивном пьедестале не удержаться лишь верой в свою непобедимость. Для этого требуются годы тренировок, самоотдача и, не скрою, доля фанатизма. Неоспоримый спортивный закон, друг. Луизиана – одна из сильнейших клубов. И ребята там далеко не слабаки. Поэтому...

– Поэтому мы увеличиваем время тренировок, бла-бла-бла, – проворчал Майкл.

– И не только, должен кое-что продемонстрировать. Я разработал прием для команды нападения.

– Что, еще один?! Надеюсь, меня не убьют, как это чуть не случилось в прошлый раз, – почесав затылок, нахмурился Майки. – Или его не запретят, как жесткий или опасный. Черт, ну надо же – фанатизм!

Совсем не хватало времени на девчонок. Майкл пользовался огромной популярностью, даже не смотря на порой бестолковый вид и глупые проделки. Но он обладает неповторимым шармом и может очаровать, просто рассказав слезливую историю про несчастную любовь очередной «жертве» – «Ромео и Джульетта» в современной интерпретации признанного гения Майкла Гранда!

Зато девчонки такие истории обожают, и, что немаловажно, он один из лучших принимающих в команде Джека. Все игроки «Белокрылых орланов» являются предметом восхищения более половины женского населения Файрлейка. И Майкл этим успешно пользуется!

Они решили срезать путь и, проходя мимо церкви, повернули на аллею вязов, ведущую к дому Луиса. Каждый думал о своем.

– Теперь я точно сегодня не успею встретиться с Кэтти! – Вздохнул Майкл. – Эх, через год уеду из унылого городка, вырвусь из-под опеки шерифа, с его нудными речами. Ему бы с отцом Сэмуилом в пару! Тот еще дуэт бы вышел! Поступлю в какой-нибудь престижный университет подальше от этого тоскливого городка с его неусыпным надзирателем Гордоном, и прощай беззаботная жизнь!

Джек улыбнулся. У Майкла все так просто: учеба, игра, жизнь, дом. У него же все спутано, а будущее туманно. Он хотел уехать, но как оставить мать совсем одну? Без него она пропадет. Жесткие правила ордена, чьим активным членом была Керол, не давали покоя. Он волновался за нее и небеспочвенно.

Настоятельница монастыря, она же одна из семи руководителей или «первых» ордена, для членов культа являлась главным лидером и вдохновителем. Уставы, написанные ей собственноручно, напоминали указы инквизиторов восемнадцатого века в борьбе с истринскими ведьмами. Джеку мало верилось, что это манускрипты древней пророческой книги огня, увековеченные его основателем, как она утверждала, демонстрируя толстый старый потрепанный фолиант в красной бархатной обложке, расписанный серебряными иероглифами.

Прочсть манускрипт, по ее словам, имели право и могли только прошедшие обряд «Просветления», то есть избранные, в число которых входила матушка. Кто были остальные, Джек

даже предположить не мог. Зная только, что его мать и Скайокеры входят в их число. Обряды, таинства, проводимые на частых собраниях, строжайше охранялись от посторонних глаз, и чем конкретно занимался орден – никто из непосвященных даже не догадывался.

Но все бы ничего, Джек был готов мириться с паранойей, как он называл правила ордена, если бы не одно из нерушимых законов этой организации. Дети руководителей – их приемники, не могут самостоятельно выбирать партнера. Лишь звезды и прорицатель может указать на избранного. Кровь не должна смешаться и прервать рождение очередного «первого».

Лишь руководители могут дать окончательное согласие и закрепить выбор. Сразу после рождения приемника настоятельница забирала малыша в монастырь, располагающийся на склоне горы Маун-Худ далеко в зеленых джунглях, чтобы провести с младенцем несколько дней.

Впадая в медитацию, она совершала ряд таинственных обрядов. После чего возвращала малыша родителям и объявляла решение: называя дату рождения другого ребенка, его имя и имя матери. Почти всегда это были коренные жители Файерлейка, как это произошло с Джеком, но иногда случались редкие исключения, как однажды рассказывала Керол.

Это все, о чем он знал.

– Не всегда люди имеют право выбора, но это не делает их несчастными. Дела и помыслы способны изменить мир, а любовь всегда приходит туда, где живет гармония. Чувство долга и обязательства перед обществом всегда должны быть приоритетом в наших желаний, этим человек и отличается от животного.

– Прежде всего, он думает о ближнем. Не этому ли учит Библия? Не много ли приводит примеров веры в нелегком пути и вознаграждения, достигающиеся тем, кто чтит испытания, выпадающие на его долю? Только пройдя тернистый путь, и исчерпав тяготы, уготованные свыше, мы возвысимся и сможем достойно исполнить то, что должны.

Естественно Джек, как человек, рожденный в век Интернета и нанотехнологий, относился ко всему с легким юмором. Он привык, что с раннего детства, ему постоянно твердят о Рейчел Скайуокер, как о спутнице, с которой проведет жизнь, но в серьез он никогда об этом не задумывался. Хотя городской шериф Гордон Скайуокер, отец Рейчел, часто любил напоминать об обязательствах перед городом, орденом и его жителями. Он говорил, что Джек избранный, и миссия, возложенная на него Богом – оберегать этот город и хранить ценности ордена, как это делали его отец, дед и дед деда.

– Оберегать от чего? – Спрашивал парень. Гордон багровел, открывал рот и замирал на некоторое время.

– Все узнаешь, когда пройдешь обряд.

Предназначение изменить нельзя – это судьба. Ведь мы лишь слепое орудие в руках Всевышнего, а наш путь предопределен заранее. После университета Джек обязан вернуться в город, чтобы возглавить орден и продолжить его работу.

– Ты как всегда, ничего не понял. Опять летаешь в облаках в объятьях красотицы – дочки шерифа? Ты слышишь, о чем я?

– Повтори.

– Вечером покажу, как сделал сцепление. Осталось только подкрасить мою малышку и можно прокатиться хоть сегодня. Как? – Лицо Майкла зарделось от радости.

– Отлично! Первым поедешь ты.

– При всем уважении, твое недоверие меня жутко задевает.

– Не то имел в виду. Наверное, самому не хочется отдавать первенство, даже мне. Ты же собрал его своими руками. Сколько потрачено сил, времен, средств и только поэтому ты должен быть первым! Хотя, я еще могу и передумать.

Они подошли к небольшому двухэтажному уютному коттеджу, утопающему в зелени кипариса. Позвонили в дверь, долго ждали, но никто не открыл.

– Может, он уже ушел? Эй, Луис!

– Нет, мы договорились встретиться здесь, – Джек завернул за дом, осторожно, чтобы не затоптать газон, прошел вдоль стены, заглядывая в окна. С заднего двора раздавались приглушенные звуки.

– Я так и знал, – Джек усмехнулся. – Где еще может быть наш Луис?

Посредине гаража развалился старый покореженный «Студебейкер», из-под ржавого днища которого торчали длинные ноги в больших грязных ботинках. Тишину нарушало сопение и легкий стук.

– Эй, кто подошел? Будьте добры передайте гаечный ключ, он где-то рядом со мной.

Рука говорившего ощупывала землю вокруг. Ключ лежал всего в дюйме, но достать его не получалось. Майкл поднес палец к губам, хитро подмигнул Джеку, огляделся по сторонам и схватил содовые ножницы.

– Ну же, кто там такой тормоз? Неужели нельзя быстрее!

Майкл сунул в раскрытую ладонь, торчащую из-под машины, ножницы. Через мгновение рука скрылась под капотом, а затем послышалось ругательство.

– Черт дери! Я знаю, это ты Майки, сейчас схлопочешь!

Парень с трудом, под звонкий смех Майкла, вылез из-под машины. Черные, коротко стриженные волосы, торчали в разные стороны, смуглое лицо измазано маслом, большие карие глаза прищурены, слегка полноватые губы плотно сжаты. В жилах парня течет индейская кровь. Он широкоплеч, высок, а под тонкой майкой играют внушительные мускулы.

– Что уже время? – Проворчал он, бросив недовольный взгляд в сторону рыжего паренька. Голос был глубокий и чувственный.

– И тебе доброе утро! Извините, что прервали, мистер, – захохотал Майкл, взглянув на чумазое лицо. – Как всегда пунктуален?

– Просто превосходно! Это ты говоришь вовремя собраться? Луис, ты должен быть готов пол часа назад и встречать нас возле дома, – Джек нетерпеливо махнул руками. – У нас и так недостаточно времени. Это необходимо было делать именно сейчас?

– Да! Всыпь ему по первое. Не мне же всегда сливки собирать.

– Ты прямо, как моя мамочка! Когда прикажешь этим заниматься, сэр? – Парень швырнул ножницы на полку и вытер грязные руки о заляпанный маслом комбинезон. – Я, между прочим, не по девкам бегаю, как некоторые. А занят делом.

– Я по девкам бегаю, как ты говоришь, в свободное время. А ты, что за танк ремонтируешь? Решил разбогатеть на антиквариате?

– Очень весело! Когда починю, сам увидишь. И не вздумай просить прокатиться.

– Ну, да. Это должно быть смешная шутка. Я в корытах не разъезжаю!

– Ладно, ребята, хватит, – прервал начинавшуюся перепалку Джек, зная, что неминуемо за этим последует: попытка повалить друг друга на землю, с признанием поражения своего соперника. – Луис, тебе пять минут на душ и сборы!

– Успею, – пробубнил парень, тут же сделав попытку толкнуть Майкла плечом, но тот предусмотрительно резво отпрыгнул в сторону, опасаясь реакции Джека.

Они прошли в коттедж. Луис поднялся в ванну, на ходу крикнув, чтобы друзья располагались, как у себя дома, но Майки не стоит воспринимать это буквально. Друг, фыркнув в ответ, со всего размаху шлепнулся на диван, закинув ноги на мягкий подлокотник.

Джек окинул гостиную взглядом: выдавший виды диван, обтянутый синим флокком, круглый низкий столик из орехового дерева со стопкой глянцевого журналов для автолюбителей, небольшой комод, заставленный причудливыми статуэтками, на полу цветной ковер, разрисованный ромбами и многогранными фигурами. На стене – несколько портретов счастливого семейства.

Родители Луиса отправились в очередную служебную командировку. Их сын, как человек, выросший практически без родительской опеки, был излишне самостоятелен и многое умел. Вот и теперь он ремонтировал машину, которую давно собирались отправить на свалку.

«Археологи – люди не богатые. Лишних денег никогда не бывает, поэтому машина на ходу не помешает», – здраво рассудил он.

Майкл, развалившись на диване, вяло листал журнал.

– В этом доме повеселее ничего не найдется?

Джек подошел к портретам, на которых, казалось, запечатлена вся жизнь семьи Смол. Вот молодые Дуглас и Ребекка возле церкви: светловолосый юноша в черных брюках и белой рубашке нежно обнимает девушку в красивом белом платье. Тяжелая черная коса перекинута через плечо. Смуглая кожа отлиывает бронзовым загаром, а черные миндалевидные глаза горят счастьем. «Луис так похож на мать», – подумал Джек, переводя взгляд на другую фотографию.

Малыш Луис, спящий в колыбельке: большой палец во рту, возле правой пухлой щечки выплунутая пустышка. Здесь он делает первые шаги под внимательным взглядом отца. А вот ему уже двенадцать: он возле первого собранного своими руками скутера, горделиво улыбается.

Луис отсутствовал недолго. Появившись на ступенях лестницы и увидев, что Джек с интересом рассматривает портреты, смутился.

– Э... Хм... Это мамина затея. С годами она становится слишком сентиментальной. Решила, так сказать, освежить интерьер.

– Ну, наконец-то! Не прошла и вечность! Ты готов? Долго же тебя не было, – перебил Майкл, отбрасывая от себя журнал и поднимаясь с дивана. – Мы сегодня дойдем до стадиона когда-нибудь, или я должен провести на поле весь сегодняшний выходной? Между прочим, у меня на этот день запланирована масса дел! А по твоей вине, Луи, если мы опоздаем, то не скоро сможем вырваться из лап садиста Уокера! Тот только рад лишний часок над нами поизмываться. Впрочем, не он один, – чуть слышно добавил Майкл, покосившись в сторону Джека.

***

Ребята быстрым шагом пересекли Флауэрс авеню. Майкл мурлыкал под нос песню, улыбаясь каждой встречной девушке. Луис же наоборот мрачно поглядывал то на Джека, то на жизнерадостного Майкла. Он был задумчив и явно не в лучшем расположении духа.

Джек в уме прокручивал комбинацию, которая не давала покоя последние несколько дней, для команды нападения, поэтому вздрогнул, услышав громкий окрик друга.

– Майкл, ты прекратишь когда-нибудь или нет?

– Что? Что я сделал?

– Хватит пялиться на каждую проходящую мимо девчонку. Тебе что, десять лет?

– Ха, это тебя задевает? Завидуешь, потому, как они на тебя внимания не обращают? Все призы – мне! Так?

– Ну, уж куда мне с тобой-то равняться! О приличии когда-нибудь слышал?

– Не ревнуй, друг. Отличный день! Если бы не предстоящая встреча с Ламаром, все было бы просто идеально! Да, кстати, я вчера не видел Дэнна.

– Он же говорил: будет на лесопилке.

– Ты, Джек, его там вчера встречал?

– Разумеется! Ты не забыл – я там работаю!

– Он придет на стадион?

– Может быть позже.

Майкл увидел Розы Стоун, тут же забыл про Дэнна и, улыбнувшись, смачно чмокнул, подняв большой палец вверх. Луис закатил глаза:

– Майкл, перестань. С тобой идти стыдно.

– Это еще почему? Учись, пока я жив, как нужно обращаться вот с такими крошками! – Он свистнул вслед Розы, которая тут же захихикала, помахав рукой. – Кстати, Джек, плохи дела у нашего Дэнна.

– О чем это ты?

– Ты до сих пор не понял, тоже мне – лучший друг? Он же по уши втрескался в твою Рейчел Скайуакер, по пятам за ней ходит. А ты разве еще не догадался?

Луис толкнул Майкла в бок.

– Эй! – Обиженно крикнул парень.

– Догадывался. Если еще не заметил, за ней половина мужского населения по пятам ходит.

– Ну а ты то что? Честное слово – я тебя не понимаю: такой шанс выпадает! Где еще встретишь такую красотку? Только из-за одного этого ей можно простить все, что угодно. С ума сойти! К тому же имеется один огромный жирный плюс: папочка – шериф.

– Ты, знаешь, Майкл, я как-то не планировал.

– Ну, ты даешь! Не планировал он. Святой Патрик! К тому же у вас это, как его, соглашение.

– Для меня это не имеет равным счетом никакого значения.

Джек и сам не мог разобраться в своих чувствах. Самая красивая девчонка города не волновала. Ее холодная красота не согревала. Для него Рейчел, как открытая книга – все понятно и предельно ясно: деньги, наряды, поклонники, восхищение собой, танцы и клубы. Ничего более. Красота – не самое главное. По крайней мере, для него это не столь важно.

Орден... Казалось, семья Скайуокеров относилась к этому слишком серьезно. Шериф называл его сыном, что просто выводило из себя. Джек всегда будет звать отцом только одного человека. Он несколько раз говорил шерифу о том, что будет жить так, как решит для себя сам. На такие заявления Гордон всегда загадочно улыбался и просил не делать поспешных выводов. Какое-то безумие!

– Теперь понятно, почему у него всегда такой виноватый вид. Ему стыдно перед нами. Да она из него веревки вить начнет, вот уж кому ни позавидуешь! – Сказал Луис.

– Она уже из него веревки вьет, – хмыкнул Майкл.

– Час от часу не легче! И что же теперь?

– Время – единственный лекарь, – многозначительно произнес Майкл, скосив глаза в сторону Джека.

Друзья подходили к стадиону. На поле не все еще собрались. Пока переодевались в раздевалке, подтянулись остальные.

Джеку потребовалось несколько минут, чтобы объяснить Ламару новую линию нападения и защиты. Тренер одобрил тактику, но высказал сомнения, что не все могут так блестящее выполнить комбинацию, как сделал бы сам Джек. Ничего не стоило убедить его в обратном. Уж что-что, а Джек блестяще владел даром убеждения. И после того, как Уокер разъяснил команде, что от них требуется, тренировка началась.

Небо заволочили тяжелые тучи, и скоро пошел ливень, что кардинально усложнило поставленную задачу. Принимающий Пол Хьюстон сегодня явно был не в форме. Он дважды сбил с ног Майкла и заехал в шлем Луису с такой силой, что тот едва удержался на ногах. Бегущие Том Хант и Билли Геллер никак не могли понять, чего от них требовал Ламар, который орал так, что под конец тренировки совсем охрип.

– Черт возьми, да вы просто девчонки. Толстая Мегги Хайт и то бегают быстрее вас. Какого... ты Стив виснешь на Ханте, он что, напоминает твою подружку. Маршалл, можешь быстрее шевелить жирной задницей? Чтобы пробежать хотя бы ярд, надо вспомнить, что ты спортсмен, а не беременная девица!

– Я сейчас ему точно двину, – Джим был в ярости. Он сбил с ног Оливера Хаймана, пытаюсь отобрать у него мяч.

– Да это же клуб умственно отсталых переростков! – Продолжал орать тренер. – Я что неправильно объясняю, черт возьми. Темпл и Смит, долго будете обниматься: это не гей-шоу, чертовы сопляки. Вам место у мамочки под юбкой, а не на поле. Гранд хватит цепляться за Дитертона, он твоя новая девица?

– Ну, гад, – прошептал Майкл вне себя от злости. – Когда-нибудь я ему все припомню.

– Смол, у тебя прицел сбило? Как ты мяч передаешь? Наведи резкость, мать твою...

– Милый добрый наставник, – буркнул Луис, сняв шлем и сплюнув на траву. – Мертвеца достанет.

В отличие от ребят Джек чувствовал себя превосходно: растворяясь, сливаясь с мечом в одно целое. Игра принесла радость, наполнила силой, возвысила. Он не бежит, а парит. Все происходит, словно в замедленной съемке, и Джек удивляется: отчего ребята двигаются так скованно и неуклюже. Четко предугадывая следующий маневр соперника, он легко обходит блокировку, тут же оказываясь впереди на несколько футов.

Душа ликует от экстаза, а тело кажется невесомым. Не испытывая усталости, он подбадривает ребят, с раскрасневшимися от изнеможения лицами. Главный козырь Джек оставит для себя. Для настоящей игры. Сюрприз «Плохим парням»!

После двух часов тренировки, тренер объявил небольшой перерыв, во время которого заново принялся объяснять команде предложенную Джеком тактику. Его лицо приобрело угрожающий багровый оттенок. Размахивая руками, тренер кричал так, что силе голоса позавидовал бы симфонический оркестр.

Тренировка продолжилась. Пол Хьюстон неудачно упал, подвернув ногу, и его пришлось срочно отправить в больницу. На замене остался Кевин Олдман.

Поле размокло, превратившись в грязевое болото. Тренировку решено было на сегодня закончить. Игроки мокрые, усталые, грязные и злые сидели в раздевалке, пока Ламар, расхаживая взад-вперед, охрипшим голосом разъяснял суть проигранных комбинаций.

– Завтра, после службы все ко мне! Начнем все сначала. Время тренировок увеличивается, пока мы не добьемся хоть какого-нибудь результата. Что вы сегодня показали? Это не игра, это пастбище сонных старых мулов.

– Но сэр, ведь было решено...

– Я тебя не спрашиваю Грант, чертова сопливая девчонка! Что ты сегодня показал? Если оценить твои жалкие попытки по десятибалльной шкале, я не дал бы и единицы. – Уши Майкла мгновенно вспыхнули, он дернулся вперед, но Луис успел схватить его за руку.

– Не стоит! – Прошептал он, качнув головой. К счастью тренер ничего не заметил, переключившись на Дитертона, и теперь орал на него.

– Он меня достанет!

– Легче тренировать стадо тупых орангутангов, чем возиться с вами. Только теряю время! Повторяю, завтра все ко мне!

– Слушайте! – Крикнул Джек, после того, как разъяренный тренер буквально вылетел из комнаты, хлопнув дверью. – Вы сегодня молодцы. Комбинации сыграны так, как я и предполагал. Немного не хватает агрессии, но уверен, мы покажем это «Плохим парням». Джорж, Оливер, Том, Билли, вы отлично справились. Джим просто будь чуть внимательней, не уходи далеко от Стива. Сделаем перерыв, а затем возобновим тренировку.

– Ты с ума сошел! – Охнул Майкл. – Даже этот чертов садист решил перенести тренировку.

– Джек прав.

– Что? И ты туда же! Луи, а как же твой танк? Так ты сроду его не отремонтируешь.

– Думаю, если тренер узнает, что мы продолжили тренировку – ничего страшного не произойдет, – поднимаясь, сказал Джек.

– Он решит, что мы спятили, и вместо четырехчасовой тренировки станет гонять нас часов шесть подряд, – протянул розовощекий парень и потянулся за каппой.

– Сейчас отдохните минут пятнадцать, затем продолжим, – улыбнулся Джек. У нас действительно не так много времени, в этом Уокер прав. Он неправ в одном: у нас самые лучшие игроки. Вы лучшие!

2

Джек остановился, переведя дух и подставляя солнцу лицо. Приятно ощущать тепло после прохлады ливня. Вдохнул полной грудью, наполняя легкие ароматом терновника. Только после дождя он может так пахнуть.

Приятная усталость овладела телом. Хотелось растянуться на лужайке за школой, прямо на мокрой траве, слушая возню птиц и шипенье «Озера», а еще просто закрыть глаза и помечтать. Уставшие Луис и Майкл плелись рядом, тихо переговариваясь между собой. Он почти не слушал, разговаривать не хотелось. Майкл периодически вздыхал, поглядывая на ребят, пока, наконец, Луис не выдержал и не пихнул его в бок.

– Если ты сейчас не прекратишь – схлопочешь!

– Ох! Только не это, Луи. Так боюсь того, что можешь сделать! Господи, только не начинай снова, – дурачась, как в молитве он сложил руки, посмотрев на друга взглядом побитой собаки. Луис засмеялся, приобняв Майкла. Снова началось шутовское противостояние.

Выталкивая друг друга с тротуара, они пыхтели, разбрызгивая вокруг себя грязь. За что сразу получили выговор от старушки миссис Грейс, проходившей мимо. Майкл попытался столкнуть Луиса в лужу, а тот в ответ шутовски саданул его по уху. Джек покачал головой:

– Ни минуты не можете провести спокойно, как дети!

Ребята гоготали во все горло, оба уже по щиколотку находясь в воде, но продолжая бороться. Джек достал из кармана джинсов сотовый и набрал номер.

– Можно доктора Снейка? Да конечно, подожду, – через минуту ему ответили. – Это Джек. Вы не скажите, как там Пол? Это серьезно? Как вы думаете, он сможет играть на... Да-да, разумеется... Нет, не настаиваю и понимаю. Тогда отлично, очень рад. Спасибо. – Джек отключил вызов и набрал следующий номер.

– Пол, ну как ты? Не извиняйся, не твоя вина. Просто вывих. Только что разговаривал с доком, он убежден – через два дня будешь как новенький. Так что отдыхай, силы тебе еще понадобятся. Нет ничего страшного, у нас еще есть время. Да не переживай ты так! Я же сказал, будешь играть. Ну и отлично. До встречи!

– Как он? – Прохрипел Майкл, на минуту переводя дух и готовясь к очередному нападению.

– Думаю, с ним все будет в порядке. Полежит денька два в больнице, отдохнет, а на следующей неделе снова вернется в команду. Ничего серьезного, небольшое растяжение, а вы поторапливайтесь. Мне еще надо успеть зайти в церковь – внести пожертвования.

– Ламар когда-нибудь получит свое, я едва сдержался. Если бы не миротворец Луис, драки не избежать.

– Он прав по большому счету. От того, как проходят тренировки, зависит итог игры.

– Ни черта он не прав. Я его убью, если еще раз позволит тупые шуточки насчет меня.

– Ну да, Майки – детка, Уокер, если захочет, придавит тебя одним левым мизинцем, так что и пукнуть не успеешь, а ты чем ответишь: укусишь его за руку? Не выпендривайся и работай, как следует, – Луис подтолкнул Майкла под бок. – А лучше не обращай внимания. Не забывай: главное в игре – вдохновение.

– У меня есть вдохновение намылить ему задницу.

– О! Это уже серьезно. Ему может понравиться!

– Ну, вы оба, прекратите, – засмеялся Джек. – Иначе он вам обоим задницу намылит, когда узнает, о чем вы тут треплетесь!

Они свернули на Уайтстрит, срезая путь и направляясь в сторону церкви «святого Доминика», в конце улицы, там же находился дом Луиса, потом решили зайти к нему. Майкл вер-

нулся к излюбленному занятию: оборачиваясь вслед каждой девушки и выкрикивая комплименты.

– О, вот это да! Джулия, ты сегодня просто сногшибательна. Я не смогу уснуть...

– Елизабет, милая Лизи, ты покорила мое сердце раз и навсегда. Как же мне теперь жить!

– Мэг, ну хоть разок взгляни на меня, не будь же такой жестокой!

Девушки, проходя мимо, мило улыбались. Они уже привыкли к выходкам Майкла, но его внимание льстило.

– Джес, стой! Я так страдаю... – Луис с Джеком засмеялись, когда девушка покрутила пальцем у виска и гордо проплыла мимо. Майкл обиженно скривился, махнув ей вслед:

– Вижу, у тебя сегодня неудачный день, что ж, я тоже счастлив тебя видеть!

Зайдя за угол магазина «книги Бентана», они столкнулись с миловидной девушкой с коротко стриженными каштановыми волосами, стоявшей скрестив руки на груди, словно Бонапарт на поле боя, и хмуро наблюдавшей за стараниями Майкла понравиться всем встречным девицам. Самодовольная улыбка на его лице постепенно таяла, как мороженное, забытое на окне в жаркий день.

– Ну и что ты скажешь мне? – Взвизгнула она.

– Э... Ну ты чертовски хороша... Э... Маг... Джи... Кетти... – заблеял Майкл, выпучив глаза.

– О! Ты даже помнишь мое имя? Я просто сражена наповал! – Она топнула ногой и, не обращая внимания на Джека и Луиса, набрав в легкие воздуха, закричала:

– И это все? А где очередное оправдание? – Глаза метали молнии.

– Кэтти, ты же не думаешь, что я...

– Что – ты?

– Ну, что это серьезно. Я ведь тебе уже говорил – просто игра.

– Игра, значит? А ты не помнишь мой ответ? Свои обещанья? Если ты еще раз позволишь такие глупые идиотские игры ко мне можешь вообще не подходить. Никогда! Ты об этом помнишь, нет? Ты понимаешь, что ставишь меня в неловкое положение?

Думала, ты прекратил, а оказывается то, о чем твердят мои подруги – правда. Какая же я глупая, воображая, будто они наговаривают на невинного мальчика. Все время защищала и выгораживала тебя. Какая мерзость! Ведь все в конечном итоге оказалось правдой. Ты ничуть не изменился! И никогда не изменишься!

– Нет, все не так! Ты не поняла! – Его физиономия превращалась в одно большое красное пятно.

– Увидела и услышала предостаточно, чтобы понять одно: ты самый лживый и гнусный человек, какого знаю. Не желаю о тебе ничего знать! Не видеть тебя! Не слышать! Не приходи ко мне больше ни сегодня, ни завтра, никогда, – на глазах блестели слезы. Девушка нервно всхлипывала, готовая вот-вот разревется.

– Нет, Кетрин, ты просто не поняла, – вступился за друга Луис. – Ему никто не нужен кроме тебя. Это точно! Уж мы-то знаем! Верно, Джек? – Парень смущенно кивнул в подтверждении слов друга.

– Э...

– Да, верно: ему никто не нужен! Второе можешь опустить, – она была непреклонна.

– Кетти, успокоиться. Луис не виноват.

– Кетти, я ничего такого и не думал. Это всего лишь глупая шутка, – Майкл попытался взять ее за руку, но та отдернула ее, всхлипывая. По щекам текли слезы. На них оборачивались прохожие.

– Ты обманщик! Обманщик! И я не хочу тебя больше видеть, – она развернулась, бросившись в противоположную от них сторону.

– Кетти, пожалуйста, ты должна понять!

– Ничего тебе не должна!

Майкл, дернулся вслед, но передумал:

– Не смотрите на меня так. Ее лучше сейчас не трогать: поостынет, после поговорим.

– Да, Казанова, ну что, доигрался? Ведь предупреждал.

– Но только ты еще не начинай, Луис! Виноватым, между прочим, себя не считаю, и что она там напридумывала – не моя забота. Подумаешь, обиделась! Я, между прочим, тоже обижен. Нечего разговаривать со мной в таком тоне. Я что, блин, ее комнатная собачонка?

– Ну и ну! Он еще и возмущается!

– Что это значит: ну и ну. Надо же: не приходи ко мне. Прямо сейчас все брошу и кинусь грехи замаливать!

Майкл распалился не на шутку. Джек и Луис переглянулись, сдерживая смех. Они отлично знали: первым делом после того, как Майкл окажется дома, бросится к телефону, посвящая вечер «замаливанию грехов». Сорились они довольно часто и так же часто мирились.

Однако настроение Майкла явно испортилось. Засунув руки в карманы потертых джинсов и гордо подняв голову, он хмуро вышагивал впереди.

В полном молчании они пересекли улицу. Перейдя на другую сторону дороги, завернули за угол многоквартирного жилого дома. В уголках губ Луиса пряталась лукавая улыбка. Он временами посматривал на друга, не решаясь озвучить шутку, вертевшуюся на языке.

Неожиданно шедший впереди Майкл охнул, когда в него буквально врезался неизвестно откуда появившийся Дэн, толкнувший грудью так, что, если бы не шедшие позади Луис и Джек, не избежать Майклу приземления на пятую точку прямым в грязную лужу.

– Эй, что за проблема, чувак? Что за... – начал он. – Вау, да это же Дэнни!

– Эге, Майкл, похож, ему хуже, чем тебе, – прошептал Луис.

Дэн долго фокусировал мыльный взгляд на Майкле, затем перевел растерянный взгляд на Джека.

– Джек? Ребята, это вы что – ли!

– Святые угодники! Слава тебе Господи, аллилуйя! – Сказал Луис. – У нас, похоже, массовая истерия. Город захватил психогенный вирус? Да, это мы! Дэн, а с тобой то что? Утром по телефону вроде все было в порядке. Увидел приведение? Мы что-то пропустили?

– Ничего не пропустили. У меня все превосходно, все отлично, черт возьми! Просто задумался, – Дэнни взгляд.

– Ну и дела! Да я думал, ты мне сейчас по физиономии съездишь? За тобой черти гнались или того хуже, наш преподобный Сэмуил. Что случилось-то?

– Да говорю же, Майки, ничего не случилось. Просто задумался. Всякий раз, когда я задумчив, вы пытаете – «а не случилось ли чего»?

– А это что на рубашке? – Луис внимательно разглядывал грудь друга.

– Ничего... – Дэн попытался развернуться, но ребята удержали на месте.

– Ты опять переел?

Дэн очень любил покушать. Ну и в чем проблема? Да, иногда случалось – он переел, отчего потом болел живот, и настроение становилось прескверным. Но какое это сейчас имело значение?

Дэн и Майкл тарасились друг на друга, словно два быка не поделившие луг, пока вдруг Луис не рассмеялся, хлопнув в ладоши. Джек, глядя на злые лица, тоже не удержался и, что было сил, захохотал, согнувшись пополам. Из глаз брызнули слезы.

– Милые мордашки: Энни Уилкс великого Стивена от души бы позавидовала!

Дэн с Майклом глядели на них как на сумасшедших, затем Майкл улыбнулся, глядя на Дэнна, а тот на него. И что тут началось! Они стояли посреди улицы: четверо здоровенных парней и хохотали, как полоумные.

Майкл прислонился к стене, чтобы не свалиться в лужу. Луис облокотился на плечи Дэнна, да так и остался стоять, приобнимая его. Джек же просто не мог разогнуться. Прохожие оглядывались на них, недоумевая, чем вызван смех.

Сэр Генри, качая головой, протопал мимо и пока не исчез за поворотом, подозрительно косился в их сторону. Маленькая девочка с тонкими косичками, сидящая на руках матери, звонко смеялась, показывая язык. Группа мальчишек, фанатов «Орланов», которых часто можно заметить неподалеку от них, гоготали, тыча пальцами. Массовая истерия, иначе не назовешь!

Прямо над ними, из окна второго этажа дома номер девять показалась лысая голова садовника Паркера:

– Какого черта вы тут гогочете, словно стая взбесившихся гусей? Мне что, вызвать полицию? Убирайтесь, иначе я сам сейчас спущусь, и тогда пожалеете, что на свет родились.

Наивная угроза вызвала новую волну беспричинного смеха. Минуту Майкл и Дэн таращились на заспанного садовника, а затем рассмеялись с новой силой. Луис хлопнул Майкла по спине, отчего он смешно крикнул, присев на корточки, а Джек схватился за живот и снова согнулся пополам. Смеялся как одержимый, и ничего не мог с этим поделать – хохотал до коликов, до боли в животе, пока из глаз вновь не брызнули слезы.

Нечаянно взгляд скользнул по противоположной стороне улицы. И тогда он впервые его увидел.

Невысокого роста индеец стоял в арке между домами и смотрел прямо на него. Корявый дуб, отбрасывая тень, скрывал его от любопытных глаз. Темная фигура казалась призрачной. Незнакомый старик был настолько худым, что его щеки ввалились, а острые скулы выступали вперед. Длинные седые волосы тонкими сальными прядями спадали по плечам. Гордая осанка и властный взгляд выдавали человека привыкшего скорее отдавать приказы, нежели подчиняться им. На смуглое лицо, высушенное многочисленными ветрами, испещренное морщинами, нанесен боевой раскрас воинов чинуки. Голова украшена разноцветными перьями, а на груди – крупные бусы из цветных камней и широкая кожаная лента с клыком ягуара.

Холодный пронизывающий взгляд темных раскосых глубоко посаженных глаз смотрел вперед с подозрением и скрытой угрозой. Джек заметил недобрый блеск глаз и сжатые в презрении сухие бескровные губы. Незнакомец поднял руку и указательным пальцем, на котором блеснуло широкое кольцо из желтого металла, ткнул в него. Старик быстро заговорил, губы шевелились, но Джек не расслышал ни слова.

Словно окатили ведром ледяной воды. Радость мгновенно исчезла, как капля воды в летнюю жару. Тревога и нехорошее предчувствие сжали сердце, заставляя его замереть. Кончики пальцев похолодели, онемели. В ушах зазвенело, будто он оказался в авиалайнере, летящем на предельной высоте.

Джек оглянулся, надеясь, что злобное обращение к нему не относится. Он ошибся. Незнакомец тыкал пальцем именно в него, продолжая сверлить тяжелым взглядом, а тем временем Майкл, Луис и Дэн хрипло смеялись, не замечая внезапного оцепенения друга.

– Эй, ребята, кто это? Я раньше не встречал его в нашем городе.

Он потряс Луиса за плечо.

– Луис, Майкл, Дэнни да прекратите же. Смотрите! Кто это возле арки?

Индеец перестал говорить. Сжав руку в кулак, он потряс ею, будто грозил расправой, затем снова ткнул пальцем в его сторону. Джек продолжал дергать руку Луиса, не замечая, что друг уже успокоился и теперь недоуменно таращится на него.

– Джек? Что?

Он на мгновение отвернулся, чтобы взглянуть на друзей:

– Там какой-то старик – индеец, на противоположной стороне, в арке! Я его впервые вижу. Он что-то говорит, но ничего не могу разобрать!

Джек увидел озадаченные лица, смотревшие на противоположную сторону шоссе. Когда он развернулся узнать, в чем дело, никакого индейца и в помине не было. Старый дуб мирно шелестел листвой, а под аркой сидел, лениво зевая, здоровенный рыжий кот, на шее которого красовался ярко красный ошейник от блох. Фигура будто растаяла в воздухе. Посмотрев по сторонам, он не увидел никого похожего на старика.

– Там никого, – сказал Майкл, – ты точно что-то видел?

– Не что-то, а кого-то! Я же говорю, там был старик – индеец.

– Этого не может быть! Ты же знаешь – они в городе не показываются. Ты хоть одного из них здесь когда-нибудь видел? – Хмыкнул Майкл.

– Но ведь резервация рядом! Не могут же они вечно конфликтовать с местными властями, – пожал плечами Луис.

– И что с того! Ты ведь не забыл – у них запрет на появление в нашем городе. Ни один индеец из ГриндБэй не мог бы спокойно разгуливать по улицам. Он уже давно оказался бы в камере, изливая душу нашему милому шерифу.

– Думаешь, об этом не знаю? Но я его точно видел, так, как сейчас вижу тебя. Старик стоял вон в той гребаной арке и пялился на меня. И, скорее всего, он был сильно не в духе.

– Эй-эй, парень, спусти пар! Понятное дело. Кого прельщает перспектива встречи с уважаемым шерифом! Он же тебя насмерть заговорит!

– Луис?

– Что я? Не смотрите так. У меня мать лишь наполовину индеанка, а я так вообще на одну четвертую. И я, так же как и вы, никого там не вижу, ну, кроме блохастого кота миссис Грейс.

– Чудесно! Но, куда же, по вашему мнению, он делся? Позади арки тупик, – Джек оглядывался в надежде увидеть индейца, если тот просто пошел вверх по Уайтстрит. Ребята с тревогой следили за его метаниями по тротуару. – Мы бы его видели в любом случае, отправился бы старик к Файерстрит или решил срезать угол через лужайку Гарритона.

– Переутомление, не иначе, – вздохнул Дэнни.

– Давно ожидаемо. Вот к чему приводит излишнее усердие в тренировках, самоистязание и слепое поклонение садисту Уокеру. Я давно говорю – пора отдохнуть! – Пробасил Майкл.

– Нет, вы, что же думаете, мне это привиделось?

– Ну, ты знаешь, после физиономии Паркера, вполне возможно, – хмыкнул Луис.

– Я, между прочим, все слышу, – послышалось сверху. – Если вы сейчас же не уберетесь, вызываю полицию. Мне плевать, кто вы такие и во что играете: в футбол, лакросс, балет или крестики – нолики. Закон один для всех!

– В балет не играют, в него танцуют, сэр!

– Я уже набираю номер мистера Скайокера!

– Вот чертов маньяк, – прошептал Майкл, но так, чтобы его не услышал садовник. – Да забудь ты этого старика, сдался он тебе! Пойдемте, не хотелось бы мне сегодня увидаться с Гордоном, который незамедлительно вспомнит один из моих давних «грешков», уж будьте уверены! Сегодня я не в настроении слушать очередные нотации.

– Мне, наверное, правда, показалось. Забудьте!

– Я уже звоню, – раздалось сверху.

– Извините, сэр, мы уходим. Пойдемте!

– Бездельники! – Послышалось в спину.

Необъяснимая тревога сжала сердце ледяными тисками. Оно затрепетало, как обреченная, пойманная в силки, птица. Тяжелое мрачное предчувствие заполнило душу, расплываясь, подобно чернильному пятну на белой скатерти. Он уже один раз испытал нечто подобное, в тот вечер, когда пропал Сэм.

Джек отчетливо услышал смех брата, словно тот находится рядом, голос с легкой хрипотцой, ощутил во рту вкус малиновой жвачки. Неожиданно нахлынувшее из глубин памяти воспоминание потянуло вниз, как привязанный к шее камень, в черный омут былой трагедии:

– Я скоро вернусь, и мы поедем вместе на катере вверх по реке, как и обещал. Ты будешь капитаном. Мы уплывем так далеко, что нас не смогут найти. Не грусти, Дже, – только он его так называл. Джек помнил все так отчетливо, будто это случилось только вчера, хотя минуло почти двенадцать лет: помнил каждую деталь, взгляд, движение головы, мимику, каждое слово.

Он увидел брата, протягивающего перочинный ножик. Длинное блестящее лезвие, рукоятка из черного дерева с выпуклой вставкой из янтаря, на которой блестела золотая гравировка: «Сэм». Помнил, как в ответ достал свой нож, точно такой же, только с гравировкой: «Джек».

В тот год родители подарили им на рождество два совершенно одинаковых перочинных ножа, точная мини копия Стайкера, боевого автоматического ножа фирмы «Бэнчмейд», отличающиеся лишь гравировкой. Настоящая работа мастера. Движковый замок с фиксатором-предохранителем. На блестящем клинке из нержавеющей стали, тип танго, с выпуклым скосом обуха, фирменный знак: бабочка. На рукоятке из черного дерева отверстие под ремешок. Так что можно было носить его на шее.

Нож для полицейских! Джек украдкой слушал возмущенную тираду матери на счет подарка, но отец лишь улыбался, покорно отложив в сторону газету. Джек всегда мечтал о таком подарке, даже представить не мог, что отец уговорит мать подарить ему именно его!

Как он был восхищен и горд. Таскал «Бэнчмейд» повсюду. Не мог расстаться даже ночью, держа под подушкой, подолгу любясь золотистыми бликами на стенах, отражающихся от золотой гравировки. Он представлял себя суперменом, спасающим мир, часами рассматривая свое отражение в зеркале, выставив вперед нож, наподобие шпаги. Сэм посмеивался над ним, в шутку называя: Дже – найфмен.

Несмотря на большую разницу в возрасте, они были одно целое. Джек улавливал настроение брата: была ли то грусть, радость, восторг или ненависть. Трудно понять. Семнадцатилетний юноша возился с пятилетним братом, будто у него на свете никого не было дороже и ближе. Сэм брал его в частые походы и встречи с друзьями, на вечеринки и в кино, в библиотеку и спортзал. Джек будто был его талисманом, его удачей.

Лишь в тот вечер он попросил брата остаться дома. В глазах стояла мольба, и Джек не мог настаивать. Тогда Сэм и предложил обменяться ножиками. Он сказал: так как они братья, нужно подарить друг другу что-то очень ценное и дорогое сердцу – тогда они всегда будут рядом, чтобы ни случилось, и как бы далеко один не оказался от другого. Тогда Джек не понимал смысл сказанного, но с радостью согласился. Верил – клятва волшебная, и он, как Питер Пэн, теперь всегда сможет прилететь к Сэму, где бы тот ни очутился.

Джек помнил тот вечер в деталях. Внизу в гостиной родители смотрят ток-шоу Девида Грейка. Мама смеется, а отец ворчит, что он лучше посмотрит бейсбол: Мэн против Нью-Джерси, чем хохотать над глупыми шутками законченного алкоголика. Мать отвечает: тогда он точно не узнает, что сказала Луиза карлику, который воровал из холодильника мороженное, а отец хмыкнул – это он как-нибудь переживет.

Он помнил лицо Сэма. Светлые прямые волосы, чуб, падающий на глаза. Манеру прикрывать рукой веки, когда уставал. Лукавое выражение лица, когда затевал очередную шутку. Мягкий голос, улыбку, которой всех очаровывал.

– Я скоро вернусь, ты даже не заметишь. Проснешься – а я уже здесь. Держи нож и не тужи, капитан – найфмен. Помни, нас ждет путешествие, – он открыл дверь спальни и улыбнулся.

Эту улыбку Джек запомнит на всю жизнь. Тогда маленький мальчик, он не понимал многого, но теперь знал. Сэм был растерян, даже напуган. Дрожащая рука откинула с глаз челку, он невесело подмигнул:

– Ложись спокойно спать, найфмен. Брат всегда будет рядом! Помни об этом! Я всегда помогу.

Словно в замедленной съемке Джек видит, как Сэм разворачивается и выходит из комнаты. С тихим скрипом дверь медленно тошнотворно закрывается. Джек благоговейно прижимает к груди подарок брата – перочинный нож, точная копия боевого ножа «Бэнчмейд» с рукояткой из черного дерева с янтарной вставкой и золотой гравировкой «Сэм».

Сэмми уходит. Уходит, чтобы никогда не вернуться. Уходит навсегда, оставляя его совсем одного.

– Джек, Джек! – Он оглянулся, выходя из оцепенения, вызванного далеким воспоминанием. Сердце сдавило, и он не мог сделать даже вдох. Хотелось кричать. Хотелось разбить голову о стену. Хотелось крушить и ломать все, что попадет под руку, лишь бы унять эту жестокую боль. Да кто же тот старик, вызвавший призраки прошлого? Да как он посмел!

Столько лет, столько долгих дней он выстраивал стену глухого забвения, старательно возводя кирпичик за кирпичиком, отгораживаясь от тяжелых воспоминаний, внушая себе, что этого не было, что все лишь страшный сон. Внушив и почти поверив. Но старик легко разрушил каменный замок одним лишь взглядом, одним жестом руки, оголив кровоточащую рану и щедро посыпав ее солью.

Джек даже не заметил, что со всей силы сжимает руку Дэнна, продолжавшего бормотать все это время.

– Полегче, Джек, я ничего не сказал. Она просто передала, чтобы ты зашел или хотя бы позвонил. Она очень разозлилась. Говорит, что пожалеешь, если не явишься на ужин.

– Кто? Ты о чем, Дэнни? – Взгляд был пустым, словно высохший колодец.

– Рейчел! Видел ее в кафе «Мэт и Ди». Она обижена, ведь ты долго не приходишь и не звонишь. Она думает – ты ее избегаешь, – медленно по слогам произнес Дэн.

– Так вот от кого бежал крошка Дэнни? Да, лучше встретиться один на одни с бандой Керлинов, чем с ней, – усмехнулся Майкл. – Но вижу, ты остался жив. Старина Дэнни, значит, ты не так безнадежен, как я думал.

– Дэн, не слушай. Майки, как всегда ничего не понял, – Луис ободряюще улыбнулся.

– Разумеется, я ничего не понимаю! – Майкл многозначительно посмотрел на пятно у Дэнна на рубашке и свистнул.

– Как будто ты ничего не переворачиваешь, – буркнул Дэн, прикрывая рукой злосчастное пятно от меда.

– Превосходно! Однако я проголодался и перекусил бы чего-нибудь. Может, зайдём в «Макдональдс» или лучше «Мэт и Ди»?

Дэн хмыкнул, толкнув Майкла в бок.

– Как всегда отлично можешь успокоить. Спасибо за поддержку!

– Готов прийти на помощь, только позовите! Я как Чип и Дейл.

– Ну что ж, знал, что всегда смогу рассчитывать на тебя, хомяк!

– Знаете, мне необходимо встретиться с одним человеком. Увидимся вечером у Майкла, – перебил Джек.

– Да, разумеется. И мне тоже нужно завершить одно небольшое дельце, – сказал Майкл.

Луис присвистнул, соорудив смешную гримасу. Майкл шутливо стукнул его по плечу, друг ответил тем же. Дэн вздохнул и развел их по разные стороны:

– Ну, вы как дети, честное слово! – Выдохнул он.

– Я, кажется, где-то это уже сегодня слышал, – выдохнул Луис в ухо Майклу.

– Ладно, ребята, не прощаюсь, – Джек развернулся и стремительно пошел вверх по улице.

– Эй, Джек, ты в порядке? – Пронзительные карие глаза смотрели с настороженным любопытством.

– Отлично, Луис. Встретимся вечером.

– Позвони, если понадобится раньше!

Джек просто махнул рукой.

Есть расхотелось. Остаться одному, чтобы подумать, чтобы вспомнить. Джек видел перед собой родное лицо брата, и медленно закрывающуюся дверь. Засунув руку за пазуху, достал небольшой складной нож, висевший на шее на широкой серебряной цепочке. На черном дереве рукоятки в янтарной вставке золотыми буквами переливалась надпись: «Сэм». Джек со всей силы сжал кулак. Черная бездна снова засасывала в ледяную пропасть.

Это было плохо. Керол могла почувствовать и окончательно впасть в депрессию. Нужно забыться, развеяться, загородиться от страшного воспоминания. Парень достал сотовый и набрал номер Рейчел. Трубку долго не брали.

– Я тебя слушаю, – голос звучал холодно и неприветливо. Хотя это привычная манера общения Рейчел.

– Привет, только хотел спросить, как у тебя дела?

– И это все на что ты способен? В отличие от тебя у меня все превосходно. Сегодня утром я несколько раз звонила тебе, но Керол никогда не знает, где ты пропадаешь. Нельзя было заглянуть хотя бы на минуту? Или включай сотовый!

– Рейчел, я же говорил: месяц будет тяжелым. Мы готовимся к встрече с Луизианой. Тренировки занимают все свободное время.

– О да, что равносильно решению вопроса о глобальном потеплении или вымиранию амурских тигров. Ты знаешь, все это меня как-то мало волнует, – голос стал на октаву выше. – Жду тебя сегодня на ужин, и не смей заявлять, будто не можешь. Бесконечные отговорки действуют на нервы. Ты уделяешь нашим отношениям слишком мало внимания. Поступать так не порядочно.

– Разумеется, извини, – он устало потер глаза. Разговор ни к чему не приводил.

– Ты права, но сегодня я действительно не смогу, – Джек услышал, как на другом конце Рейчел шумно выдохнула в трубку. – Но завтра, обещаю, пойдем вместе в кино, поужинаем, отправимся в парк кататься на роликах, все что хочешь, но только не сегодня, прости.

– Отлично! Уговорила самого Джека Харисона пойти в кино! Просто счастлива! – Сарказма в голосе хоть отбавляй. – Учти, я не стану терпеть такое обращение. Если проблема со временем – удачи! Только учти, папа так все не оставит, а он не последний человек в городе. И твоя мать, кстати, тоже будет не в восторге. Никому из них проблемы не нужны.

Зря она это сказала. Джек сжал зубы, пытаясь совладать со вмиг вспыхнувшей злостью и не ляпнуть грубость.

– Почему молчишь? Да, кстати чуть не забыла, передай своим ничтожным друзьям, чтобы придумывали в другой раз более оригинальный способ обратить на себя внимания. Донеси до тупоголового Дэнна – так пялиться при встрече на девушку, пуская слюни, неприлично. Ведет себя словно неандерталец, готовый вот-вот наброситься на жертву.

– Рейчел, мне действительно пора, пока мы снова не поссорились. Завтра отправимся в кино или поужинаем в ресторане. Выбери.

Он отключил телефон, не желая слушать продолжение. Успокоился – нечего сказать! Чтобы получить заряд адреналина, позвоните Рейчел Скайуокер! Наш душка – тренер и в подметки ей не годиться.

Джек подходил к старой церкви. Две резные колонны открывают вход в арку, по которой карабкается дикий выюн. Фасад из красного кирпича украшают лепные фигурки пузатых херувимов. Остроконечные башенки с колоколами, расположились по обе стороны величественного здания. На западной стороне церковного сада уютно примостилась беседка, увитая плющом, рядом с небольшим фонтанчиком, скрывая путников от полуденного зноя. Со стороны дороги ее практически не видно. Нередко уединенное местечко становилось идеальным местом для встреч влюбленных парочек.

Сад с маленькой часовней, раскинувшийся сразу за церковью, является предметом гордости Паркера, здешнего садовника. Он настолько ревностно оберегает его от любого вторжения извне, что нередко наведывается даже по ночам, разгоняя молодежь, уединившихся в беседке.

В проходе между аркой и массивной дубовой дверью, рядом со ступенями находится округлая сфера из белого камня, испещренная иероглифами и странными символами. Ее держат на своих плечах три миниатюрных атланта. Сверху сферы небольшая прорезь для монет, украшенная змейкой и выпуклым орнаментом в форме распускающегося бутона. Сфера предназначалась для обязательных ежедневных пожертвований церкви «Святого Доминика».

Джек подошел к чаше «Подношений» и опустил в прорезь двадцатку. Сидевший на ступенях церкви местный сумасшедший Эрни замыкал, заметив его, затем принялся неистово хрюкать, а под конец залаял.

– Отлично, Эрни, – произнес Джек. – Здорово у тебя получается!

Сумасшедший криво улыбнулся, изо рта вытекла слюна и закапала на грязный воротник рубашки. Хрипло рассмеявшись, он с силой ударил себя кулаком в грудь. Не мытые, наверное, уже несколько месяцев, длинные спутанные волосы упали на лицо. Он удивленно охнул и завыл, словно раненный зверь.

– Да, Эрни, тебе еще хуже, чем мне, понимаю.

Бессмысленный взгляд на секунду задержался на Джеке, затем Эрни ушел в себя, начисто забыв о стоявшем рядом парне. Он принялся мычать, размахивая руками, будто отгоняя от себя назойливых комаров.

Местные власти давно махнули на него рукой. Несколько лет назад парень объявился в городе, да так и прижился здесь. Куда только его не пристраивали, но Эрни, как его окрестил отец Сэмуил, отовсюду сбегал и вновь появлялся, то там, то тут. Священник взял его под опеку, пристроив в церковный приют. Иногда ему доверяли подметать дорожки в саду, но от этого было мало проку: парень был рассеян и моментально забывал о том, что ему поручали.

Местные жители подкармливали его, да и отец Сэмуил нередко баловал парня, позволяя таскать со своего скромного стола различные лакомства. Его приодели, он заметно округлился, но разум и речь так и не вернулись.

Доктор Снейк, обследовавший парня, заключил: физически Эрни совершенно здоров, что крайне удивительно, при его-то образе жизни. Скорее всего, слабоумие и немота были родовой травмой. Доктор наблюдал за ним определенное время и пришел к выводу, что болезнь не прогрессирует, а значит, Эрни угрозы для окружающих не представляет.

Шерифу о личности сумасшедшего ничего не удалось выяснить. Посылаемые запросы оставались без ответов – Эрни никто не разыскивал. Откуда он пришел и есть ли у него родные – до сих пор неизвестно. Эрни казался безобидным и беспомощным, словно потерявшийся щенок. Не воровал, не кидался на людей, никому не причинял беспокойства. К нему в конечном итоге привыкли. Он стал такой же местной достопримечательностью, как и «Огненное озеро».

Джек в нерешительности остановился перед массивной дверью. Протянул руку, которая замерла на полпути. Передумав, он развернулся, быстро сбега по ступеням вниз. Эрни яростно залаял, хлопая в ладоши. Сидящая на вязе огромная жирная ворона пронзительно каркнула и немигающим взглядом уставилась на Джека.

– Джек Харисон, вас накануне вновь не было на вечерней молитве – что очень плохо. Вы стали реже посещать церковь, – преподобный, как некстати, появился позади. Он грустно смотрел на него, качая головой.

– Конечно, понимаю, у вас в преддверии чемпионата не хватает времени, но нужно оставить остальные дела. Путь к вечному спасению души в руках каждого истинно верующего. Не стоит недооценивать силу молитвы, сын мой. Дьявол не дремлет. Всякий раз он предстает

перед нами в том или ином обличии, пытаюсь совратить с пути истинного. Противостояние между добром и злом, между белым и черным не прекращается ни на мгновение, и от того, какой путь выберет человек, зависит вечная жизнь, – он поднял глаза к небу.

– Простите преподобный. Разумеется, вы правы, – Джек глянул на тощую фигуру в черной рясе. В руках – молитвенник, на смиренном, скорбном лице – участие и готовность выслушать, но он уже не был так уверен: нужно ли это сейчас?

– Почему, ты не зашел в храм?

– Не знаю, – Джек вспомнил о старике – индейце. Значит дьявол может принимать любое обличие? Бред полнейший...

– В другой раз, не в том настроении.

– Тебе известно, что с тобой хочет встретиться матушка настоятельница.

– Да, известно, но сегодня я не расположен беседовать. Может быть позже. Передайте матушки Афении мое почтение.

– Может, все же зайдешь в храм? Она ждет тебя. Вы можете спокойно обсудить и поговорить обо всем, что тебя волнует, ведь уже завтра вечером настоятельница уезжает.

– Нет, не сегодня. Я действительно очень спешу. До встречи, – в который раз он развернулся, чтобы уйти.

– Джек, с тобой все в порядке? Тебе нужно исповедаться, – священник пытливым взглядом заглянул в глаза, в которых притаилась смертельная тоска. – Когда ты в последний раз был в исповедальне?

– Давно.

– Не искушай судьбу, мальчик. Вижу, ты взволнован и хочу, чтобы рассказал мне о причине, из-за которой в твоих глазах поселилась грусть и растерянность. Необходимо многое обсудить, найти правильное решение. Последнее время замечаю тревогу, гложущую твое сердце. Об этом стоит поговорить. Сеять смятение в душах верующих – одно из его коварных злодеяний. Нужно очиститься от недостойных помыслов, от вопросов. Я помогу понять причину.

Ворона на дереве каркнула и принялась беззаботно чистить перья. Эрни с недоумением посмотрел вверх, вскочил на ноги и закрутился на месте волчком, воя во всю мощь здоровых легких. Преподобный Сэмуил скривился:

– Эрни, прошу тебя, прекрати. Не стоит так надрываться! – Эрни ткнул в ворону грязным пальцем и вновь завыл.

– Это тоже божьи создания, сын мой. Все мы его дети.

– Ну, так как, Джек, ты не передумал?

– Нет, не передумал, – хотелось поскорее остаться одному.

Осколки, тщательно возведенной когда-то стены, раздирали грудь. Черная дыра росла, кровоточила, и теперь он с предвкушением мазохиста ожидал, когда снова увидит Сэма, пусть даже через призму прошедших лет, пусть как воспоминание, пусть как иллюзию, но увидит. Услышать родной голос, почувствовать запах – это все, что сейчас необходимо. Почувствовать, что брат рядом, как и обещал... хотя бы в мыслях.

– Хорошо. Завтра, так завтра, – смиренно ответил отец Сэмуил. – Я с нетерпением жду этой встречи.

Джек пошел довольно быстро, почти побежал, не оглядываясь, будто боясь, что священник вновь окликнет. Он чувствовал, как тот буравит спину тяжелым колючим взглядом. Невнятное бормотание Эрни с каждым последующим шагом постепенно стихало.

Да, тревога была. Но ведь и так понятно: предстоящая игра, окончание школы, неизвестность будущего кого угодно выбьет из колеи. Просто надо собраться. Прекратить думать о неизбежном, об условиях, которые кандалами тянут вниз, сковывая руки.

«Как жить – решу только я», – подумал Джек. – «И мне нет нужды хоронить память о Сэме: пусть это в тысячи раз больше, чем засунуть руки в горящий костер, я больше не буду стараться забыть и отгородиться от прошлого».

Зайдя в цветочный магазин, Джек заказал корзину цветов.

«Надо будет извиниться перед Рейчел! Действительно ставлю ее в неприятное положение».

Джек прошел прямо через парк, свернув к «Огненному озеру». Он подолгу любил смотреть на игру света и огня. Ничто так не успокаивает и не приводит в порядок мысли, словно хороший психоаналитик. Ты «говоришь» то, что хочешь, а не то, чего ждут от тебя. Говоришь мыслями. Не нужно напрягаться и нести всякую чушь, дабы тебя не сочли конченным психом.

Глубокий отвесный кратер, диаметром приблизительно в полмили, уходил далеко под землю. Там в самом низу, живя собственной жизнью, клокотала вулканическая лава, озеро магмы, медленнодвигающаяся по спирали, словно заключенный на редкой одинокой прогулке, издавая глухие шипящие звуки.

Внутри кратера постоянно ухало и стонало – огромное мифическое чудовище ревело от тоски и одиночества. Монотонное спокойное движение спирали не прекращалось ни на мгновение, из года в год, столетие за столетием, совершая свой особый ритуал. Если долго смотреть на вечное движение спирали, оно завораживало, гипнотизировало, манило приблизиться, дотронуться до сверкающей поверхности, войти в него.

Иллюзия притяжения настолько велика, что бесконечная горящая огненная спираль казалась мягким покрывалом, сулящим лишь утешение. Но магма безжалостно испепелит все, что попадет в ее смертоносные сети. Страх смерти не отталкивал, наоборот. «Озеро», как магнитом с каждым разом сильнее притягивало к себе. Чем больше ты любовался игрой огня, тем сильнее хотелось протянуть к нему руки.

Металлическое сияние, накрывающее кратер словно куполом, никогда не рассеивалось. И этот необычный холодный блеск служил ориентиром для людей, часто возвращающихся домой из «У Босса».

Из-за сияния воздух вокруг сгущается, наэлектризовывается. У «Озера» дышать становится труднее, как на горной высоте, где переизбыток кислорода. Иногда вверх из кратера выбрасывает столб огня, выстреливающий из тягучей массы, словно ракета, обдавая жаром и гарью находившихся поблизости людей. Будто рука чародея стремилась дотянуться до небес в безумной попытке закрыть собой звезды.

Края «Красного» или «Огненного Озера», как называли феномен местные жители, сплошь покрыты пемзой и острыми расплавленными и почерневшими от высокой температуры камнями. Неустойчивая опора в любой момент могла обвалиться, увлекая за собой очередного смельчака, решившего подойти к краю достаточно близко и пытающегося заглянуть в самое сердце «спящего дракона».

Во избежании несчастных случаев шериф приказал оградить «Озеро» высокой железной кованой оградой, закрепленной на бетонные стойки, и строго следить за порядком в парке. Здесь всегда дежурили копы. Туристы, приехавшие поглазеть на чудо-феномен кратера, стали бичом для города и сильной головной болью мистера Гордона. Многие не соблюдали правила, норовя заглянуть как можно дальше в пылающую бездну, что могло привести к несчастным случаям и свести на нет все усилия шерифа, сделавшего Файерлейк, по его мнению, самым райским и безопасным местечком на земле.

Поэтому он не жаловал туристов, но так как доход городка во многом роз благодаря туризму, приходилось мириться с их неизменным присутствием. Два раза в месяц приезжала очередная партия «праздных зевак», и приходилось вводить усиленное патрулирование, что требовало дополнительных изысканий из городского бюджета. А от повышенной нервозности уважаемого сэра Гордона страдала вся местная молодежь.

Джек остановился возле ограждения и протянул ладони к пылающей бездне, тут же ощутив жар и легкое покалывание на кончиках пальцев. Его всегда тянуло к «Озеру». Оно стало излюбленным местом, его убежищем.

И он никого не впустит в него... никогда.

3

Вечером, как и договаривались, Джек подошел к гаражу Грандов, где неразлучная тройка уже собралась и все ждали лишь его. Темно синий форд Дэнна одиноко припаркован рядом. Тусклый свет фар освещает прямоугольник заасфальтированной дорожки и детский трехколесный велосипед с ярко бардовыми ручками и блестящим клаксоном.

Судя по хмурому настроению Майкла, сдвинутым бровям, стало понятно – ему так и не удалось помириться с Кетти. Он выводил надпись на «Харлее», вздыхая и бросая рассеянные взгляды по сторонам. По правую сторону на корточках сидит Луис, поглядывая на друга. Дэнни напротив, небрежно облокотился на стеллаж с инструментами, покручивая в руках одну из многочисленных гаек, лежащих в ржавой овальной коробке из-под мятных леденцов. Ребята тихо разговаривали, обсуждая последнюю игру «Пэтриотс Премиум» и дружно кивнули Джеку при его появлении.

– «Петриотс» соревнуется не только с «Джайентс», они соревнуются с историей, так сказал Роберт Седмен.

– Верно, Луис. Хочу заметить – Беличика называют злобным, так что ваш Уокер не исключение из правил, скорее наоборот. Золотой мальчик Том Брэди не стал бы золотым не встретившись с крутым Биллом. Конечно, талант не оспорим, но не только ведь это делает его лучшим квотербэком.

– Уверен, в этом году Фокс Спортс имеют все шансы выйти на новый уровень.

Дэн кивнул Майклу, но тот лишь вздохнул, не поддерживая разговор.

– Слушай, ну хочешь, я сам поговорю с ней. Возьму и позвоню, вот прямо сейчас! – Не выдержал Луис, которого начала доставать вымученная физиономия друга.

– Не стоит, но я ценю. Пусть продолжает в том же духе. У меня, между прочим, тоже гордость имеется. А то смотри, принцесса! Устроила прямо посреди улицы шоу. Нет, вы слышали? Эта толстая Мэги Хайт сегодня заявляет: «Давно пора Кетти тебя бросить! Волочишься за каждой юбкой». Тоже мне, советчик! Феминистка – неудачница! Держу пари – она просто счастлива, что мы с Кет разругались, – он почесал кончик носа, оставив на нем позолоченную кляксу.

– А ты?

– А я спросил, какое ее собачье дело? Уж не злится ли из-за того, что ее физиономия в прыщах, и я за ней не волочусь?

– Умеешь ты найти подход к подругам своей девушки. Где ж ты видел это невинное создание? – Дэн достал из переднего кармана серых брюк шоколадный батончик «Попрыгунчика».

– Так это... Встретил недавно, когда ходил... Это... Э... Да... мать попросила купить кое-что в лавке Освольда. – Ребята, многозначительно переглянулись и громко захохотали. Луис рассмеялся первым: взъерошив пятерней рыжие волосы друга и измазав правую щеку машинным маслом.

– Эй, эй, ты чего творишь? – Майкл попытался увернуться, но безуспешно.

– Ну, ты и конспиратор! Домой ты к ней ходил. Факт! А ее подружка Мэг скорей всего там торчала. Успокаивала как обычно.

– Успокаивала?! – Взвизгнул он. – Да она натравливала на меня. Вот гадина! Придет время, припомню, когда начнет кланить бесплатно билеты на матч, прыщавая жадина. Сидела словно верховный судья: «Да он тебе не пара, да таких кругом прут пруди, да не унижайся перед ним. Да он тебя не достоин». Вот же змея! Видит Бог, от зависти бесится? У нее-то парня отродясь не было. Посмотрел бы на такого самоубийцу. Я не раз замечал, как она пялится на меня, еще чуть-чуть и слюни пускать будет. Женская зависть, скажу вам, самая страшная

штука, ребята, – он в сердцах бросил кисточку в банку с краской. Золотые капли брызнули, попав на кроссовки, – это была самая длинная тирада, произнесенная Майклом за весь вечер.

– Просто дай ей время. Вот увидишь, она поймет. Кетти далеко не дура и разберется где зависть, а где настоящее. Все равно вы помиритесь, в первый раз что ли! – Джек уселся возле Дэнна, который с наслаждением трескал шоколад, швырнув блестящую обертку прямо под ноги.

– Не знаю. Она никогда на меня так не смотрела.

– Как?

– Со злостью что ли или разочарованием. Черт, ее взгляд напомнил мне Уокера, в тот момент, когда у него нет сил орать, а в глазах лишь тоска от того, что он имеет дело с такими тупыми орангутангами, то бишь нами. Да ну их, этих девчонок! Пытаясь понять, что у них на уме сума сойдешь! – Он уткнулся в мотоцикл, возобновив прерванное занятие.

– Что пишешь? – Поинтересовался Луис. Майкл гордо показал витиеватую надпись, слегка развернув мотоцикл. На баке красовалась надпись «Принц».

– Ну... – только и смог сказать друг. – Это не слишком амбициозно?

– Ты же знаешь, я без ума от этого рэпера, – Майкл смущенно улыбнулся, почесал затылок и отступил на пару шагов, любуясь творением.

– А, ну да, я просто подумал о другом... мания величия и все такое.

– Как всегда, Луи, как всегда, – грустно констатировал друг, в точности скопировав манеру говорить отца Сэмуила, закатив глаза к потолку, чем вызвал новую волну смеха.

– Ничего вышло? Золотое на черном...

– Ну, показывай, как сцепление сделал, – Джек подошел к мотоциклу, наклонился, разглядывая блестящую ручку газа.

– Вот смотри, отожми рычаг, а теперь плавно отпускаяй. Ну, что скажешь?

– Теперь намного лучше, мягко как по маслу. Отлично Майки. Твой «Принц» готов принять вызов. Итак, сегодня?

– Сегодня? – С набитым ртом воскликнул Дэнни. – На сегодня у нас были другие планы!

– Превосходно! Хоть одно радует! Сейчас вернусь, – Майкл с довольным видом вышел из гаража.

Они услышали тональный набор кнопок сотового, затем тишина. Видимо ему так и не ответили. Через некоторое время раздалось тихое ругательство и гулкий шлепок, – Майкл саданул кулаком по стволу тополя. Еще через некоторое время тот появился с хмурым выражением и довольно несчастным видом. На костяшках левого кулака расплывалось багровое пятно. Он успел накинуть легкую куртку и переобуть кроссовки.

– Э, Эх! – Вздохнул он.

– Да, Джек, я принес газету, как и обещал. Смотри. Вот статья, про которую говорил.

Дэн развернул «НьюТаймс» и указал на фотографию Грэга Мэтьюсона снятого на игре с «Бруклин-фокс». На них смотрело волевое лицо темнокожего парня с широкими скулами и холодными карими глазами.

– Ого, свирепый вид, – заглянул через плечо Майкл. – Читай!

Джек пробежал глазами по статье.

– Родился... Так... Восемнадцатилетний квотербекер «Плохих парней» подающий большие надежды... Находка Дюка Глинка. Так... Правильно разыгранные комбинации во многом предreshали исход игры. Природное чутье, воля к победе делают его одним из самых сильных игроков студенческого футбола. Получил официальное приглашение в команду «Железный Див».

– Ничего себе, – свистнул Луис.

– Так... Работа ног, быстрота принятия решений делают... Ага, вот. На последней студенческой игре между школами Прайнвилла и Редмонта Грэг реализовал двадцать четыре из

двадцати семи пасов на ста восьмидесяти пяти ярдах и забил два тачдауна. Техника введения нападения проводится довольно жестко и непредсказуемо. Нередко нанесение непреднамеренных травм соперникам, за что был один раз дисквалифицирован.

– Ну, да. Так я и поверил – непреднамеренных! – Хмыкнул Майкл, шутливо стукнув Луиса по плечу, который незамедлительно ответил на выпад.

– Удаление игроков «Плохих парней» за нарушение правил и чрезмерную жестокость стало скорее нормой, чем исключением. Так... – Джек молча читал, жадно впитывая информацию.

– Что там еще?

– Его рейтинг, как квотербека поднялся за последний год с семидесяти двух и трех десятых до девяносто девяти и трех. В предыдущей игре с «Бешеными лисами» он вывел квотербека команды противника на первых минутах игры. Сломал запястье.

– Прекрасно! – Майкл судорожно сглотнул.

– Учитывая, как он провел финальный драйв, начав со своих семнадцати ярдов за 2:38... Бераски ухватился за майку Мэтьюсона и попытался бросить его на траву. Вместо этого Мэтьюсон нырнул вниз и воспользовался моментом, чтобы выкрутиться, затем твердо стать на ноги и зарядить высокую 32-ярдовую бомбу.

... Четко разыгранные комбинации практически не оставляют соперникам шансов на успех. В игре с командой Джеса Ромберо профессионально разыграл в третьем тайме тачдаун, что определило дальнейший ход игры. На последних минутах Грэг Мэтьюсон блестяще провел сэйфти, еще принеся команде дополнительные очки.

Джек свернул газету, глаза лихорадочно блестели. От волнения перехватило дыхание:

– Наконец – то, стоящий противник!

– Ты издеваешься? – Воскликнул Майкл. – Да они же нас разорвут!

– По-моему, кто-то все время твердит, что Джек никогда не проигрывает? – Лаконично заметил Луис, подмигнув другу.

– Да, подтверждаю – это так. Но Грэг! Он в первом тайме лучших игроков выведет из строя. Это его тактика! Я знаю, о чем говорю, многое про него слышал.

– Значит лучшие выйдут не в первой четверти.

– Да это не серьезно! Я не собираюсь начинать игру на скамейке запасных! – Майкл поднялся и теперь взволновано вышагивал вокруг «Принца».

– Я рад, что у тебя с самооценкой все в порядке, но Джек говорит верно. Преподнесем сюрприз «Плохим парням». Они же не знают о нашей тактике и пару тройку тузов в рукаве. Пусть этот самоуверенный тип думает, будто уделает нас на первых минутах, – засмеялся Луис.

– Не думаю, чтобы «Плохие парни» не слышали об «Орланах». Грег Мэтьюсон давно хотел встретиться с нашей командой на студенческом чемпионате. Уокер об этом еще в прошлом году говорил – одна из сильнейших команд. Могу сказать с уверенностью, игра будет жесткой и непредсказуемой!

– И ты ничего не сказал? – Майкл задохнулся от возмущения. – Про переговоры с «Парнями» еще в прошлом году?!

– А зачем? Чтобы это изменило? Вот теперь, когда скоро состоится матч... – Джек задумался. – Поэтому и говорю: необходимо увеличить время тренировок. Необходимо довести комбинации до автоматизма.

– Я и так почти живу на стадионе. И это чудовище, Уокер, скоро достанет своей «прямотой»! Джек, ты просто милый! Я и так из-за тренировок не бываю дома. Все мои дела стоят, «комп» скоро покроется пылью, а прога, которую я пытаюсь закончить... и... Эх! Мы перестали шататься по улице, делать маленькие гадости. Стали такими правильными, что когда я смотрю на себя в зеркало, мне становится тошно. Как прилизанный маменькин мальчик.

Тьфу. Давайте натворим что-нибудь, – воскликнул Майкл, выбросив вперед зажатую в кулак руку. Луис, предвидя маневр, ловко увернулся.

– Ну, да! У отца ремень давно без дела! Твои шуточки точно до добра не доведут, – проворчал Дэн.

– Детка съешь шоколадку и расслабься! Все только начинается.

– Друг, мне самому скучно и все надоело до чертиков, но потерпи всего месяц. А потом мы на всю ночь зависнем в баре и оторвемся по полной! – Луис приобнял Майкла за плечи.

– Да ты что? Отлично придумано! Учítывая, что бары в нашем городе из-за бдительности шерифа Скайокера и его «туристической» паранойи закрываются в двенадцать, мы прекрасно проведем время. А если еще учесть, что крепче лимонада мы ничего не выпьем, станет еще веселее. Хоровое выступление мальчиков-зайчиков! Оторвемся по полной? Да! Много ли нам нужно? Всего-то ничего! Шоколадный батончик и стаканчик колы, мистер, и я за себя не ручаюсь!

– Не будь нудным, Майки, всего месяц! – Смеясь, произнес Луис, запульнув в него шурупом. Майкл ловко увернулся и шуруп, срикошетив от стены, попал в спину Джека.

– Через месяц я уйду в монастырь.

– У нас мужчины в монастырь не уходят, – серьезно заметил Дэнни.

– Очень умное замечание! Ты как всегда на высоте! Значит, я буду первым.

Джек посмотрел в направлении монастыря. Словно в ответ раздался звон колоколов, напоминая о времени вечерней молитвы. Тихая мелодия завораживала, словно старая колыбельная. Хотелось закрыть глаза и пойти на звук. Это все равно, что смотреть на огонь – невозможно отвести взгляд и хотеть раствориться в нем.

В полуоткрытую дверь гаража просунулась хрупкая нескладная фигурка пятилетней девочки. Радостно взвизгнув, она бросилась к Луису, словно обезьянка, тут же запрыгнув ему на руки. Вверх взметнулись две тонкие рыжие косички.

– Луис, ну почему ты так долго не приходил? Майки меня на стадион не берет посмотреть на вашу тренировку, а сам обещал! – Она захныкала. Майкл закатил глаза.

– Кто разрешал тебе сюда являться? Ну-ка, вот отсюда! Сьюзи, я не шучу!

Девчушка прижалась к парню, обвив шею тонкими руками. Бледное конопатое личико смотрело доверчиво и восхищенно. Девочка всхлипнула, тряхнула рыжими косичками и зататорила:

– Ну почему он не разрешает сюда приходиться. Я все расскажу маме, что Майки ночью без спроса уходит из дома – через окно! Я видела!

– Только попробуй, ябеда. Я тебе тогда устрою сладкую жизнь!

– Подумаешь, напугал! Мама пакет с фруктами для Пола передала, сказала, что вы сейчас поедете к нему в больницу. Я с вами! Мамочка мне разрешила...

– Только через мой труп! Передала и быстро домой.

– Майки, прекрати. Пусть Сью побудет здесь хоть недолго. Мы же все равно скоро поедем, – Луис нежно поправил рыжие косички и подмигнул девочке.

Он осторожно опустил ее с рук, будто боялся, что девочка разобьется, словно фарфоровая статуэтка. Достал из кармана шоколадный батончик «Фокс» и сунул в крохотные ручки вскрикнувшей от радости Сьюзи, которая тут же развернула шоколад, бросив обертку в старшего брата. Откусив большой кусок, зажмурилась от удовольствия. Показав Майклу коричневый язык, девочка звонко засмеялась, спрятавшись за широкую спину своего кумира.

Луис являлся защитником всей малышни в округи, которые нередко совершали набеги в его гараж, где он часами терпеливо возился с ними, рассказывая смешные истории, придуманные им самим, или играя в незатейливые игры. Детвора прибегали кто за помощью, кто за советом. Кому-то он помогал делать кораблики, кому-то мастерил летучего змея, ремонтиро-

вал велосипед, ходил в сад, спасая от разъяренного Паркера. Он был предметом подражания для всех детей, не меньше Джека, а может быть, в какой-то мере и больше.

Для маленькой Сью Луис стал идеалом, объектом обожания и восторга. Она, открыв рот, слушала его рассказы, бегала за ним по пятам и так доставала брата, если долго не видела Луиса, что тому волей – неволей приходилось, хоть иногда, брать ее на тренировку, поддавшись на очередной невинный шантаж и проклиная все на свете. Часто Сьюзи прибегала через весь город к Луису домой и подолгу рассказывала, как провела день. Он внимательно слушал, давая дельные советы, продолжая возиться в гараже или перебирать очередной мотор.

– Ну, и как ты провела день? – Спросил Луис.

– Плохо, – девочка с укором глянула на брата. – Сначала Майки отказался взять меня на тренировку, хотя обещал. Все время обманывает, – она обижено надула губки. – А потом он дразнил меня и говорил, что Энди Качер в меня влюбился.

– Эй! В следующий раз я сам за тобой заеду. К концу недели отремонтирую «Студебейкер», и тогда прокатимся по городу с ветерком, договорились!

– Ой, да! Хорошо! – Сью показала брату язык и принялась радостно бегать между ними, измазанная шоколадом, покрасневшая и счастливая, распевая любимую песню:

– Я сяду на корабль, уходящий за горизонт туда, где ты ждешь меня...

– Прекрати кричать, Сью, а то немедленно отправишься домой. И без тебя голова скоро лопнет, что за сущее наказание. О! Господи за что! – Взмолился Майкл, отшвырнул кисточку, которую только что достал из банки с краской в дальний конец гаража.

– Ну, все готово? Может, уже поедем, прокачаем моего «Принца»? – Раздражено бросил он, зло покосившись на сестру.

– Ой, Майки, не делай так глаза! Макс говорит, если тебя кто-то в этот момент хлопнет по спине, то ты можешь остаться косоглазым навсегда, и тогда Кетти уж точно найдет другого... – крикнула девочка. Луис расхохотался, подняв вверх большой палец.

– Иди уже домой. А то ведь сейчас позвоню матери и скажу, что ты опять здесь ошиваешься, и влетит тебе по первое число. На горшок и спать, живо! Для сопливых приставал уже слишком поздно. Все нормальные дети смотрят Дональда Дакка или как там еще... Тома и Джерри, Банди и Губка Боб – квадратные трусы... тьфу.

– Не трусы, а штаны, – с возмущением воскликнула девочка. – И его друга зовут Патрик, и он...

– Мне без разницы, лишь бы тебя здесь не было! – Он подтолкнул ее к выходу нарочито грубо. Песня оборвалась, и девочка надула губки.

– Ну, ребята, вы в машине Дэнна, а я сюда, – Не обращая на сестру никого внимания, Майкл похлопал по кожаному сиденью мотоцикла.

– Слушай, позволь мне, – Луис неуклюже переминался с ноги на ногу. – Съездим к Полу, я всего-то прокачусь до развилки на серпантине, – добавил он, наткнувшись на протестующий взгляд Майкла. – А дальше ты. Ну, договорились?

Майкл минуту колебался:

– Как же. Так я тебе и поверил – до развилки. А чего уж там! Без тебя я бы еще неделю провозился. Ладно, первенство тебе, – он хлопнул друга по плечу. – Только, чур – в столбы не врезаться!

– А то! Встретимся у Пола. Пока, Сью, беги домой. Наш уговор остается в силе! – Радостно крикнул Луис, запрыгивая на мотоцикл и, словно пуля, срываясь с места, обдавая дымом из выхлопной трубы рядом стоящих.

– Эй, поосторожней там, я еще на нем не ездил, – воскликнул Майкл в быстро удаляющуюся спину друга и закашлял. Сьюзи захныкала, требуя взять ее с собой, но, получив от брата подзатыльник, заревела и бросилась в дом.

– Отлично, просто здорово как ты управляешься с детьми, – покачал головой Джек. – Без этого никак не обойтись?

– Ты ее не знаешь! Через пять минут Сью уже обо всем забудет, а еще через пять начнет выносить мозг Максу. Без этого мы уговаривали бы ее битых полчаса. Поехали Дэн! – Майкл плюхнулся на заднее сиденье рядом с Джеком, и форд неторопливо тронулся с места.

Когда форд Дэнна притормозил возле больницы, «Принц» уже находился на стоянке, но Луиса рядом не оказалось.

– Вот проныра! Прокатился до развилки! Он, поди уже, у Пола. Не мог нас здесь подождать, – Майкл доставал пакет с фруктами из багажника. Обойдя «Принц» и внимательно оглядев его со всех сторон, самодовольно хрюкнул.

Просторный холл окутан тишиной. Пол, выложенный плитам под мрамор, блестел идеальной чистотой. Электронные часы над постом медсестры показывали девять пятьдесят. Настало время ночных процедур и врачебного обхода. В белоснежном вестибюле навстречу торопливо шла Даяна, дежурная медсестра, очень симпатичная и милая девушка. Майкл тут же расправил плечи, расплылся в улыбке и грациозным движением откинул со лба челку.

– Прекрасная Даяна, как сделать так, чтобы ты наконец-то обратила на меня внимания и пришла ко мне?

– Обратись к доктору Снейку! – Засмеялась девушка. – Вы, надеюсь, понимаете, что уже слишком поздно и посещения запрещены.

– Но, милая Даяна! Это же легендарный Джек, наша гордость, звезда и надежда. А это великий Дэн – владелец лесопилки, будущий миллионер и самая романтичная натура, которую я знаю, – Дэнни сконфузился, покраснел и робко кивнул девушке.

– Меня вы, конечно, узнали. Один из лучших нападающих, перспективный игрок сборной по футболу, лучший из «Белокрылых орланов» – я, Майкл...

– Великий, – хмыкнул Джек.

– Ну, я польщена приходом таких знаменитостей, что даже не знаю, как теперь быть, – девушка засмеялась. Майкл осмелев, приобнял медсестру за талию:

– Даяна, только пообещай одно: ты придешь на игру? Скажи только да, и ты осчастливишь меня, подарив крылья, вдохнув надежду. Я буду ждать лишь тебя...

– Брось заливать Майки, это уже явный перебор!

– Не обращай внимания, милая, Джек у нас великий ханжа!

Девушка кокетливо поправила короткий халатик, отстранив от себя руку Майкла, и с интересом глянула в его сторону:

– Пять баллов Майкл. Даю вам пятнадцать минут, не больше. Доктор Снейк еще здесь и если он застучает посетителей так поздно, мне несдобровать. Поэтому, чтобы сидели тихо, как мышки! Договорились?

– Как скажешь, дорогая. Я сделаю все, о чем бы ты ни попросила! Только не забудь и о моей просьбе.

– Второй этаж, корпус четыре «Б», – засмеялась она.

– Спасибо, Даяна! – С придыханием пропел Майкл, чем еще больше рассмешил ее и Джека. Дэнни все также неуклюже топтался сзади, делая вид, что читает инструкцию для посетителей. – Как жаль, что тренировки отнимают у меня все свободное время, – многозначительно добавил Майкл.

– Ну, и врешь же ты, Великий! – Сказал Джек, когда они поднялись на второй этаж.

– Эх, Джек, я тут распинаюсь, а взгляды-то все тебе. Это просто возмутительно!

Они без труда отыскали палату Пола, никого не встретив по пути. Светлые стены, в тон небольшие мягкие диванчики, расставленные вдоль длинного коридора, пластиковые горшки с декоративными пальмами, огромные светлые окна до самого потолка – обстановка совсем не походила на больничную. Она успокаивала, даже умиротворяла, будто ты попал в один из

загородных домов на берегу океана в Порт Сильвере, где они раньше часто проводили лето, когда рядом еще был Сэмми, был отец.

В той другой жизни. Сейчас ты выйдешь через парадную дверь и услышишь океан: тихую песнь волн, крик чаек, ощутишь прохладу воды и соленый привкус на губах.

В длинном коридоре мигала лампа дневного освещения. Джек на минуту задержался возле двери комнаты Пола, всматриваясь в самый дальний конец полутемного коридора, заканчивающийся аварийным выходом. Дверь оказалась приоткрытой и, видимо под действием сквозняка, тихо поскрипывала.

Луис, по-домашнему развалившись в кресле напротив окна, читал Полуспортивный журнал «Дафт». Черноволосый, плотного телосложения, юноша со скучающим видом лежал на кровати с приподнятым головным концом, закинув руки за голову и уставившись в потолок. Перебинтованная правая нога покоилась на специальной подставке.

Рядом на жестком стуле с высокой спинкой сидела миссис Хьюстон, то и дело осторожно поправляя подушку, разглаживая несуществующие складки на идеально ровном покрывале. Пристальный взгляд внимательно следил за выражением лица сына, пытаясь предугадать малейшее желание, а тонкая изящная рука поглаживала его плечо. Пол очень похож на мать: те же выразительные глаза, высокий лоб, нос с горбинкой.

– Да тут, целая делегация! Проходите! – При виде ребят она поднялась.

– Добрый вечер, миссис Тина.

– Мама, правда, ты можешь поехать домой и отдохнуть, а утром вернешься. В самом деле, я же не тяжелобольной, со мной все нормально, даже перелома нет. Что ж ты так волнуешься! – Видимо возобновил прерванный разговор Пол, кивнув ребятам в знак приветствия. Миссис Хьюстон нервно пожала плечами:

– Но тебе может что-нибудь понадобится?

– Мама, я не маленький ребенок! К тому же здесь есть кнопка вызова.

– Но, я не хотела оставлять тебя одного!

– Я прошу тебя, мама! – Пол явно начинал злиться.

Ребята переминались с ноги на ногу, не решаясь сесть на единственный диван, стоявший слева от кровати, почти у самого окна. По плазменному телевизору, висевшему напротив кровати, показывали боевик: окровавленный герой с пистолетом в руке бежал по мосту, а сзади раздавались выстрелы, как правило, не достигавшие цели.

Тина Хьюстон нерешительно взяла со стола сумочку:

– Ладно, позвоню отцу, и мы вместе решим, что делать. Ребята не стойте возле двери, располагайтесь, – кивнула она друзьям, выходя в коридор.

– Привет, Пол! – Вскрикнул Майкл и, подскочив к парню, шлепнул по раскрытой палатке. – Палата люкс. Я бы не отказался здесь пару дней отдохнуть.

– Еще бы! – Хмыкнул Луис.

– Да! – Майкл вскинул брови. – Наш Луи, как обычно! Нет бы, что-нибудь повеселее почитать, так на тебе... Ты бы ему еще мат. анализ принес, ничего другого не нашел? От такого чтива у него лапа еще месяц болеть будет – никакого тебе удовольствия. Парню положительные эмоции необходимы, а не напоминание о нашем душке – тренере – садисте. И почему нас на стоянке не дождался, как обещал? Ну и шустрый же ты! Возле развилки, значит? Ну и жук, ты брат!

– Надеюсь, что тебя Даяна не пустит, – пробубнил Луис, уткнувшись в журнал.

– Ага, надейся! Она от меня просто без ума. Да убери это. Вот держи, друг. Я-то знаю, что нормальному пацану надо!

Он вытащил из-за пазухи плейбой и бросил парню на кровать.

– Вот, что нужно читать.

– О, спасибо, – оживился Пол.

– Ну вот, что я говорил! А то усыпил парня, няня. Кстати, как «Принц»?

– Зверь!

– А то! Держи фрукты Пол, чтобы лапа скорее срасталась, а это что, Дэн?

– Жареные крылышки, – парень смущенно положил пакет на столик.

– И ты их не слопал сам? Остынь, шучу!

– Ну, рассказывай, как нога, болит? Снейк еще что-нибудь сказал? – Поинтересовался Джек, опускаясь на стул, на котором только что сидела миссис Хьюстон.

– А! – Парень махнул рукой. – Ничего толком не говорит. С недельку стоит повременить с тренировками. Растяжение связок, небольшой вывих, но если пренебречь лечением сейчас, могут быть осложнения в будущем. Да вы же его знаете, как всегда сгущает краски. И мама вот переполох устроила! Как будто я присмерти лежу. Док сказал: до вторника здесь продержит, а там посмотрим. Но он зря надеется, я завтра же уйду домой. В такой ответственный момент оказаться на больничной койке... это... это...

– Брось, Пол. Неделя ничего не решит. А вот если действительно начнутся осложнения, это может дорого обойтись тебе в дальнейшем. Ты нам нужен на игре здоровый и злой. Так что лежи пока, загорай и ни о чем не думай!

– Весело! – Сказал Пол, перевернув страницу журнала, на которой яркая сексапильная блондинка в красном бикини потягивала коктейль, полулежа в шезлонге.

Майки, со вздохом достав из принесенного им же пакета яблоко, с хрустом откусил.

– Джес то приходила? – С набитым ртом поинтересовался он.

– Разумеется, как только в палату перевели, она уже тут, с мамой. Рыдает, будто мне ногу отрезали. Что за народ эти женщины?

– Вот тут я с тобой полностью согласен! – Оживился Майкл. – Сам черт не разберет, что у них на уме.

– Ага! Любимая тема Майкла, – многозначительно протянул Дэн, и тут же получил в лицо огрызком.

Вернулась миссис Хьюстон.

– Пол, дорогой, все нормально?

– Мама, да.

– Твоя нога... она не боли? Тебе что-нибудь нужно и...

– Все нормально.

– Я поговорила с папой, и он тоже настаивает, чтобы я немедленно приехала домой, но завтра с утра буду здесь. Если что-то понадобится или просто станет грустно... – Майкл за спиной у Тины театрально закатил глаза, – пообещай, сразу позвонишь. Пообещай! – Она нервно крутила в руках сотовый телефон.

– Хорошо, обещаю, клянусь! – Он торжественно поднял руку и улыбнулся. Миссис Хьюстон на минуту задержалась, пристально вглядываясь в лицо сына.

– Обещаешь?

– Торжественно!

– Сразу позвонить!

– Клянусь!

Она вздохнула, подошла, чмокнула его в щеку, поправила челку, рукав футболки, стряхнула призрачные складки на одеяле, наклонилась к сыну, что-то прошептала на ухо. Пол сдвинул брови и покачал головой, как если бы он соглашался в чем-то. Попрощавшись, она вышла из комнаты. Ребята услышали, как зазвонил ее сотовый.

– Пол, не дури и лечись, как положено. Нам здоровые игроки нужны, а не инвалиды, поэтому задержишься здесь настолько, насколько будет необходимо, – отрезал Джек.

– Там будет видно! – Упрямо сжал губы парень.

Из телевизора раздались крики: теперь главный герой бежал за человеком в длинном плаще по лабиринтам узких улиц, стреляя тому в спину из пистолета, и вновь мимо цели. Не фильм, а шоу! Пол взял предложенное Дэнном яблоко.

– Нога болит? – Спросил Майкл, видя, как поморщился парень, потянувшись за фруктом. – Если что, могу принести кое-чего из обезболивающего... покрепче! Ну, ты понимаешь?

– Не выдумывай, – Джек нахмурился, взглянув на друга. – Только попробуй! Разве не знаешь, даже малая доля алкоголя может значительно отодвинуть процесс выздоровления.

– Говоришь прямо как наш Уокер – потрошитель, мамочка, – Майкл притворно сложил руки у груди, нахмурившись. – Но я это... про обезболивающее, в смысле – лекарство.

Луис хмыкнул, запустив в него глянцевым журналом. Майкл ловко отклонился в сторону, и журнал с громким шлепком упал на пол рядом.

– Фармацевт нашелся!

– Мазила! И как ты попал к нам в команду?

– К вам в команду? – Засмеялся Луис.

– Кстати, Пол, что это у тебя на пальчике? Раньше не замечал, что ты любитель украшений, – хмыкнул Майкл, полезая в пакет за очередным яблоком.

– Это все мама, – Пол покраснел от смущения, тут же прикрывая перстень рукой. – Вы же знаете – она такая суеверная, ну вот и вручила фамильное кольцо деда. Вообще-то она планировала подарить его на день рождение, но передумала. Говорит, что топаз помогает заживлять раны и охраняет от злого глаза.

– Вот это верно, только посмотрите на Майкла, – засмеялся Луис. – Ему явно приглянулся ваш фамильный перстень! Берегись, Пол!

Золотой перстень действительно был потрясающим. Большой фиолетовый топаз, закрепленный в гнезде, как в лапках жука, обрамляли золотые нити, составляющие причудливый орнамент. Камень переливался в свете горящего настольного абажура. Поверхность колыхалась, словно отражения глянцевого озера, дышала. Джек поневоле залюбовался игрой красок в его гладких гранях.

– Удачная шутка, Луис, хотя не спорю, перстень потрясающий, – хмыкнул Майкл. – Впрочем, хотел кое-что рассказать, хоть вы этого и не заслуживаете. Ну да ладно, я готов! Готов вам все простить, но это в последний раз, и поведать об интересном эпизоде, произошедшем вчера вечером!

– Очередная байка, Майки, – сказал Луис.

– И не надейся!

– Опять кадрил девчонку?

– Уж от кого, Дэнни, а от тебя я такого сроду не ожидал!

Дэнни слегка порозовел и, быстро подобрав валяющийся под ногами журнал «Драфт», открыв на первой попавшей странице, погрузился в чтение.

– История касается моего брата Макса, как не прискорбно вам это слышать, уважаемый мистер Дэнни Йетс! – Дэн крикнул, будто в горле стоял комок и он никак не может его прокашлять, но головы не поднял.

Майки встал, подошел к столу, взял еще одно яблоко и протянул Полу, который отрицательно помотал головой. Тогда он неторопливо откусил от него, явно наслаждаясь вниманием к своей персоне, поочередно в ожидании смотря то на одного, то на другого.

– Ну, хорошо, извини! Ты доволен? – Первым не выдержал Луис.

Дэн с Джеком вопросительно посмотрели на Майкла, а Пол, со скучающим видом уставился в окно, где красное солнце медленно исчезало за лесом. Он задумчиво крутил на пальце фамильное кольцо, отчего на стенах появлялись и тут же исчезали разноцветные блики. Фильм закончился, и теперь настало время рекламных новостей: Митчел Боел показывал чудо-сумку для пикника, в которой напитки долгое время оставались холодными, а мясо не портилось.

Майкл, вдоволь насладившись ожиданием друзей, удобно развалился на диване, беспеременно пододвинув Дэнна к самому краю, и закинул ногу за ногу, словно ковбой Билли Блэк в таверне «Черная жемчужина». Для завершения образа осталось крикнуть: «Виски, сэр»!

– Вчера вечером Макс и Пит, как водится, развлекались в церковном саду. На их счастье Паркер закладывал за воротник в «У Босса» со стариком Герри Диком, а то получили бы крапивою по мягкому месту, как пить дать.

Набили полную за пазуху винограда. Хотя зачем он им? Наверное, чтобы позлить садовника, – Майкл пожал плечами. – Направились было по домам, но к несчастью отец Сэмуил заметил их возле церковной беседки и окликнул своим неподражаемым вкрадчивым голоском.

Идет напрямик в рясе, с молитвенником в белых руках, ну прямо плывет, словно Божье облако, сама невинность. Хотя думаю, он видел, как они виноград обдирали, и нарочно притворился, что ничего не заметил. Ждал подходящего момента, чтобы поэффективней предстать, так сказать, перед грешниками, словно кара Господня. Он же это просто обожает: изображать из себя либо жертву, либо разоблачителя, – Майкл откусил кусок от яблока и зачавкал.

– Так вот, – проговорил он с набитым ртом. – Пит-то пошустрей будет, он и дал деру, как только рясу между деревьями заприметил, а Макс как стоял с полным шиворотом винограда, так и стоит, словно кол ему в одно место вбили. Наш невинный отец Сэмуил ласково поманил его пальчиком, и нет бы, сейчас удрать Макс, так он так перепугался, что сам добровольно пошел навстречу. Вот, лопух, говорит, споткнулся и чуть виноград не выронил прямо перед носом нашего святого отца!

– У отца Сэмуила действительно такой взгляд, что иногда, кажется, он видит твои мысли насквозь. Сразу начинаешь во всем раскаиваться и жалеть о прошлых поступках.

– Ну да, Дэнни, это случается только у таких лопухов, как ты с Максом. Между прочим, меня его взгляд ничуть не тревожит. Так на чем я остановился. Ах, да! Значит, прибежал Макс к нему, словно щенок к мамочке, и стоит глаза тарашит, руками брюхо прикрывает, думает, тот ничего не заметил, смешной просто.

Ну и, как водится, наш отец Сэмуил начал читать проповедь о том, что молодые люди совсем перестали о душе своей думать, готовить ее к вечной жизни. А ведь дьявол только и ждет, чтобы ее грешную совратить с пути истинного, многими соблазнами и обманом пытаюсь привлечь на свою сторону, – Майкл говорил медленно, нараспев, точно копируя интонацию отца Сэмуила.

Пол отбросил на прикроватную тумбочку «Плейбой», поморщился от боли в ноге, устроился удобнее, с интересом слушая Майкла. Джек поправил ему подушку и подал стакан воды.

– Он путает мысли, сеет страхи и сомнения. Не думает нынешняя молодежь о прощении души, не молит Господа, дабы Он указал путь истинный. Совсем заняты непотребными делами и так мало уделяют времени молитве, очищающей разум от грязных помыслов. Все реже молодежь приходит к нему и к матушке Афении с беседами или советом.

Макс стоит дурак дураком, понять ничего не может, что от него-то священник хочет, а тот разошелся, не остановить. Конечно же, хорошо, говорит, что теперь большая часть молодежи не в барах тусуется, а все более проводит время на спортивных площадках. Футбол особая гордость нашего города, но все же, стоит и нашим спортсменам уделять больше внимания для молитвы. Ведь на все есть благословение Господа нашего Иисуса Христа, и только он укажет верный путь к спасению. Дьявол рождает иллюзию и заставляет верить в нее – это дорога к пропасти, к падению.

– И к чему все это? – Прервал Пол, зевнув.

– Терпение, друг мой! Так вот, большим авторитетом у молодежи пользуются наши спортсмены, продолжал он, благослови их Господь, поэтому святой долг показывать пример остальным. Больше говорить с Богом, больше уделять молитве, покаянию. Все мы не безгрешны! Джеку и его ребятам необходимо чаще приходиться в святой храм. Особенно Джеку,

ведь он наставник и его слушают, – Майкл удобнее развалился на диване, окончательно оттеснив Дэнна к самому краю.

– Макс тыкву чешет, одной рукой виноград придерживает. Раздавил несколько штук, всю рубашку уделал. Попало ему от матери по первое число. Так вот, держит руки на животе и боится, чтобы ягоды не вывалились, и в толк не может взять, к чему клонит отец Сэмуил? Зачем он ему-то понадобился? А тот все говорит и руками машет, будто мух отгоняет.

Вот и Майкла он, видите ли, давно не видел, а Джека уж тем более. Ты поговори со своим братом, и пусть он скажет Джеку, что давно стоит прийти в божий храм на исповедь. Помогая благому делу, тебе тем самым прощаются мелкие прегрешения. А сам, говорит Макс, на рубаху недвусмысленно пялится, из-под которой на шорты уже сок потек. Намекает, мол, знает, чего у него под рубашкой. Взял честное слово, что он все нам расскажет. Пусть, говорит, приходят завтра. С этой треклятой тренировкой у меня совсем из головы вылетело, только сейчас вспомнил.

– На личные беседы, с чего это вдруг? – Нахмурился Луис.

– Не знаю, только последнее время я и впрямь заметил: он как-то странно пялиться на нас, когда мы в церкви или, не дай Бог, проходим мимо, словно удав на крольчат в клетке, к которым ему не подобраться. Хотя, хочу заметить: крольчонок из Дэнна и впрямь аппетитный.

– Ага! Это должно быть смешно, – пробубнил Дэн.

– Не грусти, друг! – Майкл толкнул его в плечо, отчего парень, сидевший на самом краю, чуть не упал, вовремя ухватившись за спинку диванчика. – Факт в том, с чего это вдруг такое повышенное внимание к нашим персонам, особенно к тебе, Джек. Беседовать с ним мне что-то вовсе не хочется. Какое-то неприятное чувство, когда я рядом с отцом Сэмуилом: будто меня разоблачили в поджоге дома старушки Грейс и привязали к позорному столбу, а Фред Керлин смачно харкает мне в лицо, – Дэнни скривился, попытался пододвинуть Майкла, но у него ничего не вышло.

– Да, он точно следит за нами будто мы начинающие террористы, а не подающие надежды спортсмены!

– Верно! Я тоже замечаю с недавних пор, как он буравит мне спину стоит пройти мимо, – сказал Пол. – Но я всегда считал, что он относится так ко всем молодым людям.

– Не скажи, Макса-то он на беседу не позвал, хотя застукал с ворованным виноградом. Тут что-то другое, это так же ясно, как-то, что Дэн постоянно хочет есть!

– Да, это так! У меня повышенный обмен веществ.

– Превосходно! Но я думаю, он следит за нами. И лучше, если мы будем держаться от него подальше.

– Ты хочешь сказать, что он тихий маньяк! – Хмыкнул Луис. – И как я сам не додумался! – Майкл выпучил глаза:

– Сопоставьте факты!

– Факты? Он всего лишь священник, Майки. Даже не собираюсь от него прятаться, как мальчишка с ворованным виноградом. Я его сегодня видел и сказал, что завтра приду на беседу. Попрошу все объяснить, только и всего! Мне тоже, между прочим, эти гляделки порядком надоели, – бросил Джек.

– Как знаешь, но наш преподобный еще тот мастер мозги запудривать! Не стоит тебе делать это в одиночестве. И не доверяй ему. Для начала нужно понаблюдать за отцом Сэмуилом... – он глянул на Джека. – Ну, в свободное от тренировок время и не поодиночке конечно, а вдруг он и вправду окажется психом.

– Майкл, когда ты прекратишь? Он всего лишь священнослужитель, – выдохнул Луис.

– Как будто среди священнослужителей не было маньяков.

– Этот парень неисправим!

Последние слова Майкла рассмешили всех. Тот притворно надулся и уставился в телевизор, начисто игнорируя слабые попытки Дэнна подвинуть его с дивана.

Беседу прервала Даяна, которая неслышно показала на пороге палаты. Короткий медицинский халатик выгодно подчеркивал хрупкую фигурку. Майкл свистнул и тут же вскочил с дивана:

– Наконец-то вы зашли проведать несчастного больного. Пожалуйста, не давайте Полу здесь скучать.

– Вообще-то я пришла выпроводить вас. Прошли уже более двадцати минут, и к тому же доктор Снейк делает вечерний обход перед тем, как отправиться домой. Поэтому вам срочно нужно уходить пока мне не попало, – сердито добавила она.

– Даяна, все что пожелаете! Лишь одно ваше слово и я брошу перед вашими ногами весь мир. Вы согласны?

– Согласна на что?

– Не согласитесь ли завтра поужинать со мной?

– Майкл, ты опять? А Кетти как же? – Наивно протянул Дэн, Майкл зло покосился в его сторону.

– Вот видишь, у тебя уже есть девушка, так что пригласи ее, – рассмеялась Даяна. – Пол, если тебе что-нибудь понадобится...

– Да, конечно, я вас позову, – насупился парень.

Девушка поочередно оглядела каждого, задержав взгляд на Джеке.

– Э... спасибо, что разрешила, – прервал он затянувшуюся паузу. Медсестра кокетливо скинула брови, выходя из палаты. Луис хмыкнул, Майкл в сердцах толкнул Дэнна в грудь:

– Ну, Дэнни, что за сущее наказание! Кто тебя просил? Луис, хоть ты научи его не быть снобом!

– Но, ты же так переживал? – Не унимался Дэн.

– Мальчик, повторяю, ты не исправим! Одним словом – ребенок. Тебе бы в монастырь, в свиту отца Сэмуила! – Майки вздохнул.

– Пока, Пол, до завтра! Действительно пора идти, не хочется подводить девушку. Завтра после тренировки обязательно заедем, – сказал Джек. Пол поджал губы. Оставаться одному ему вовсе не хотелось.

– Эй, только не грусти, у тебя такая сестричка рядом, я бы...

– Понятно, Майки. Джек, все же извини за ногу. Это я виноват. Не хотел подводить...

– Брось переживать. Аризону будем встречать вместе!

– Счастливо оставаться! – Луис, Дэн, Майкл и Джек поочередно пожали протянутую руку. Его ладонь была сухой и холодной. Тоскливым взглядом он провожал ребят до двери.

– Э... Джек! Постой! Я... просто... хотел сказать... – он был явно в замешательстве, снова тербил перстень. Фиолетовый камень переливался, меняя цвета: от светло-яркого до почти черного. «Этот камень под цвет его глаз», – подумал Джек.

– Передай отцу Сэмуилу, что я тоже не прочь побеседовать с ним. У меня есть вопросы, и... я хотел бы кое-что прояснить... ну для себя, понимаешь? – В глазах стояла тоска. – Ладно, не бери в голову! Увидимся завтра!

– До встречи, Пол. Конечно, я все передам. Набирайся сил. Они тебе еще понадобятся. – Джек прекрасно понимал его. – Не хочется быть назойливым, но ты звони, если что-нибудь станет нужно.

– Обязательно...

Джек чувствовал себя неловко, оставляя Пола одного. Хорошо, хоть вывих не сложный. Пол скоро поправится и снова будет в команде. По крайней мере, он на это надеется.

4

Петляющая дорога вела по западному склону горы «Маун-Худ», на плато «Семи камней». Когда фورد подъехал к излюбленному месту друзей, Луис уже ждал там, сидя на мотоцикле и любуясь закатом. Оранжевый купол солнца исчез за горизонтом, окрасив небо в черносиний цвет. Далекие блики звезд, отражающихся в реке, словно тысячи волшебных фонарей, с помощью которых русалки заманивают любопытных рыбаков. Ветра почти нет, и высокие сосны замерли, словно заколдованные принцессы. Тишина, нарушаемая лишь криком одинокой совы, вызывает ощущение нереальности завораживающего пейзажа. Будто ты попал в сказочную страну, где обитают лишь гномы и эльфы.

Джек зачаровано смотрел на открывшийся взору вид, будто видел его впервые, словно до этого никогда здесь не был. Распростертое внизу зеленое море старого леса, бездонная глубина неба и миллионы звезд – да, он действительно оказался в волшебном мире Толкиена. Сейчас из леса гордо выйдет Леголас, из пещеры покажется Гимли, и Джек увидит Фродо и Сэма, устало плетущихся вдоль по пыльной дороге... Сэма... Знакомое имя отозвалось жгучей болью в сердце, словно на грудь бросили горящие угли.

Майкл с Луисом склонились над мотоциклом, тестируя последствия первого пробега. С несчастным видом Дэн неуклюже топтался рядом.

– Догадываюсь, о чем хочешь поговорить, – не выдержав мучений друга, прошептал Джек. – Уверю – не надо. Сугубо личное дело, как ты относишься к Рейчел, что испытываешь, и меня это абсолютно не касается. Ты ни в чем не виноват, и оправдываться передо мной не стоит. Мы не в силах приказывать сердцу, управлять чувствами. Не можешь по щелчку забыть или полюбить человека, ведь так? Поступай, как считаешь нужным. Я тебя ни в чем не упрекаю и не корю.

Дэн икнул, с благодарностью посмотрел в глаза другу. Вздохнул, почесывая макушку. Джек привалился о бампер форта, рука автоматически сжала висящий на груди талисман – нож Сэма.

– Джек, ты самый лучший друг. Только ты можешь это понять. Я чувствовал себя таким виноватым и не знал, как быть дальше. Думал, ты меня возненавидишь, но ты... ты понимаешь.

– Повторяю. Ты не должен извиняться за свои чувства ни перед кем. Это касается лишь тебя. Но, просто Рейчел, она, как это правильно выразиться... очень сложный человек, и мне не хочется, чтобы она пыталась использовать тебя. Хм... понимаешь, смеялась над тобой, – он запнулся.

– Она не такая, какой пытается казаться. Почему-то Рейчел хочет, чтобы о ней так думали, будто она стерва, снежная королева и все такое. Но это не так! – Воскликнул Дэн и тут же бросил быстрый взгляд в сторону друзей. Майкл на минуту оторвался от «Принца», явно прислушиваясь, но Луис тут же толкнул его в плечо, продолжая рассказывать о мотоциклах.

– Ох, Дэнни, ты идеализируешь ее и, боюсь, сильно ошибаешься. Рейчел отличный манипулятор.

Дэнни нервно теребил пуговицу на рубашке, пока не оторвал совсем. Он зашвырнул ее в кусты кипариса и, с шумом втянув в себя воздух, спросил то, о чем хотел давно узнать.

– Ты любишь ее? У вас все серьезно? – Он увидел выражение, появившееся на лице друга, потемневшее и скаженное от боли, вздрогнул, словно получил пощечину.

– Нет, я не хотел! Прости, я больше...

– Все нормально, – поспешно ответил Джек. – Извини, но это сугубо личное, – он развернулся к друзьям, махнув рукой.

– Мы можем ехать? Тест пройдет?

Почему этот, казалось бы, простой вопрос так вывел из себя? Может все верно? Может, он даже самому себе не хочет признаться в том, что совершенно равнодушен и лишь поэтому, избегает общества Рейчел. Не из-за того, что катастрофически не хватает время, а потому что совсем не хочет этих встреч. Может все дело в том, что он просто не видит Рейчел рядом с собой. Джек злился на себя, а вовсе не на Дэнна, который видимо так и решил. Он злился на свою беспомощность, на то, что ему навязывают, за отсутствие выбора.

«Или выбор есть всегда, только я его не вижу?»

Майкл, по-видимому, не изводил себя лишними вопросами и не мучился угрызениями совести. Он начисто забыл о своем «горе» и вовсю резвился с Луисом, пытаясь свалить того на землю. Тестирование мотоцикла плавно перетекло в соревнование: «Кто кого уложит на лопатки».

– Ну, ты и здоровый. Все равно, я тебя достану! – Пыхтел он, пытаясь обхватить Луиса за торс, но тот легко скидывал его руки, хохоча во всю мощь своих неслабых легких.

– Итак, засекайте время, – не вытерпел Джек. – Пора начинать! Я еду первым на форде. Дэн, ты же уступишь? – Он бросил мимолетный взгляд в сторону парня, тот кивнул. – Отлично! Майки будешь за мной, – он развернулся к другу и подмигнул:

– Не переживай! Все образуется! Я о тебе никогда плохо не думал и не подумаю. Ты мой друг. Не заморачивайся. Время расставит все на свои места.

Он пожал ему руку и забрался в машину. Лицо Дэнна вспыхнуло:

– Я никогда не подведу Джек. – Но тот не слышал, так как уже мчался вверх по горной трассе на его синем форде.

Джек до упора жал на педаль газа, выжимая из машины все, на что та была способна. Мотор урчал. И это звук стал целебным бальзамом. Скорость – адреналин, который так нужен его организму, как вода, сон, как игра. Даже тарзанка ничто по сравнению с этим. Через открытое боковое окно ветер плетью хлестал в лицо, ослепляя. С левой стороны возвышались скалы, справа – пропасть, и стоило уйти хотя бы на фут в сторону, чтобы оказаться припечатанным в камень либо сорваться вниз. Игра со смертью, игра в удачу – это необходимость, чтобы не сойти с ума.

Азарт до предела натянул нервы, словно струны у мандолины, и казалось, они звенят, поют в такт ритмичной музыке мотора форда. Дыхание участилось, он чувствовал, как в бешеном ритме бьется сердце. Темнота и плохая освещенность только добавляли темп, обостряли ощущения.

Хотелось одного – скорости, той, которую уже не мог дать форд, он был слишком медлительным, слишком неповоротливым, так теперь казалось. Вот «Принц» другое дело... Джек включил магнитола, поставив громкость на максимум. Грохочущие звуки оглушали, растворяли в безумной какофонии симбиоза мелодии и скорости. И ему на миг стало легче.

Джек переключил скорость и пропустил Майкла вперед. Тот, радостно вскрикнув, пронесся на «Принце» мимо, словно ракета «Челенджер». Вдвоем они мчались по шоссе, скорее интуицией предугадывая очередной крутой поворот, зная дорогу, как свои пять пальцев. Серпантин уходил вверх, проходил недалеко от монастыря, углублялся в гору, поднимался до плато Уотерби и спускался вниз.

От пропасти отделяло лишь низкое металлическое ограждение, скорее символическое, чем реальная защита при столкновении, которое вряд ли могло остановить мчавшуюся на скорости машину, но по всем правилам безопасности оно обязано находиться здесь. Более серьезное ограждение требовало и более весомых затрат, а бюджет городка не безразмерен.

Мэр Рон Керлин обязан следить за круговоротом денег и его не прельщала перспектива выбрасывания их на ветер, как он считал. Эта дорога не пользуется популярностью. И кто в здравом уме станет превышать скорость на этом опасном участке. Он старательно закрывал глаза на увлечение молодежи гонками, делая вид, что не имеет об этом ни малейшего понятия.

Это обязанность шерифа наводить и следить за порядком на дорогах! Пусть он и оправдывает свое жалование.

Джек проехал плато «Уотерби», дорога круто пошла вниз, он старался не отстать от Майкла, хотя скорость форда не сравнить со скоростью мотоцикла. Дорога петляла на этом участке сильнее, пришлось немного сбавить скорость, чтобы не угодить в ограждение. Когда он подъехал к «Семи камням» Майкл уже ждал там. Солнце окончательно село за горизонт, и ночную дорогу освещал лишь свет полной луны.

– Отлично прокатились! У меня мурашки по телу! Дэн, ты поедешь? Нет? Луис прыгай сюда, – он указал на «Харлей». – А я в форд. Джек ты со мной?

– Нет, пропущу один заезд. Потом прокачусь на «Принце».

При упоминании своего детища Майкл расплылся в горделивой улыбке:

– Договорились! Ну, что Луи? Сейчас я тебе покажу мастер класс!

Состязание «Кто кого положит на лопатки» изменило название – «Кто первым придет к финишу»!

– Надеешься обогнать «Принца»?

– Ха, надеюсь утереть тебе нос!

Майкл с Луисом исчезли за поворотом, рев машин постепенно затихал вдалеке. Джек намеренно отказался от заезда, хотелось поговорить с Дэнном, извиниться за грубость, ободрить. Парень совершенно не заслуживал такого обращения.

– Извини, что вспылел. Я ведь не на тебя, на себя злюсь.

– Почему? – Дэнни икнул и принялся дергать за следующую пуговицу на клетчатой рубашке.

– Ты знаешь, сложно объяснить. Может дело в том, что в этом году мы оканчиваем школу, разъезжаемся по разным городам в колледж. Каждого из нас ждет иная жизнь – новые знакомства, новые возможности. Возможно, мы встретимся лишь через много лет, а возможно больше не встретимся вовсе. Все это напрягает... неизвестность. Я не люблю неизвестность. Вот и срываюсь постоянно. Я, правда, не злюсь на тебя из-за Рейчел. Просто не слишком доверяю ей. Не хочу, чтобы она использовала тебя, чтобы ты страдал. И еще... – он хотел сказать: «Дело в Сэмми, в брате», но не смог.

– Джек, Рейчел она... Она вовсе не злючка, просто ее жизнь... смерть матери, новая женитьба отца. Ей тяжело и, наверное, она просто одинока. Эта всего лишь защитная реакция, маска: если хочешь погладить розу, приготовься встретиться с ее шипами.

Джек вздохнул, не желая больше разубеждать парня, который готов поверить в невероятное, но только не в коварность девушки. Любовь всегда слепа. И это... это удел слабых.

Ребят отвлек шум. За кустами напротив, почти у самого обрыва раздалось мяуканье. Затем рычание, и на них, буквально вывалившись из-за кустов, будто за ним гналось тысяча чертей, налетел сумасшедший Эрни. Как всегда растрепан и неопрятен. Заляпанные грязью широкие штаны порваны на коленке, немного длинноватые волосы превратились в колтуны, словно кто-то экспериментировал с прической, и вместо африканских косичек на голове появилось эта несуразная копна. На чумазом лице блуждает блаженная улыбка, а в уголках губ скопилась слюна.

Дэн от неожиданности вскрикнул и попятился, чем привел Эрни в неописуемый восторг, который тут же подвывая, запрыгал на месте, отчаянно жестикулируя.

– Вот, черт, у меня чуть сердце не выскочило. Эрни, ты как здесь... ты, что здесь делаешь? Так можно и до инфаркта человека довести, – Дэн, держа руку на сердце, опустился на стоявший рядом валун. – Я думал это медведь или рысь. Вот черт, – он зло покосился на сумасшедшего.

Эрни заметив взгляд, завыл и принялся шарить в необъятном кармане грязных штанов. Достав небольшой предмет, принялся тыкать им в Дэнна. Джек разглядел мертвую

крысу. Глаза-бусинки, в которых застыл предсмертный ужас, вылезли из орбит. Серая шкурка слиплась от крови. Правая лапка почти оторвана. Дэн вскрикнул, когда понял, что это и оттолкнул Эрни с такой силой, что тот, упав на спину, завопил с новой силой.

– Эй, друг, поосторожней! Он же не понимает, – Джек поднял визжащего парня за руку и принялся отряхивать нестиранные, кажется целую вечность, штаны.

– И что же ты здесь делаешь? Как вообще сюда добрел? Эрни, здесь на серпантине очень опасно. А если бы мы тебя сбили, не заметили в темноте? Что было бы а, Эрни? – Сумасшедший урчал под нос, теперь протягивая крысу Джеку.

– Э... Друг, спасибо конечно за подарок, но мне это не нужно. Оставь себе. Ладно? И давай-ка возвращайся в город. Отец Сэмуил, наверное, место себе не находит. Очень волнуется: куда это ты запропастился.

Эрни недоуменно повертел застывший трупик в руках, засунул в карман. Неожиданно улыбнулся, посмотрев на Джека. Казалось, лицо его преобразилось. Джек внезапно осознал, что парень очень красив, и если бы жизнь не обошлась с ним так сурово, он добился бы многого. Личное обаяние всегда помогает в делах, – он знал это по своему опыту. В темноте блеснули белые идеально ровные зубы.

– Э, да ты красавчик, если б не ... Эм... Эрни, похоже отец Сэмуил оплачивает для тебя услуги дорогого дантиста.

Он смутился, что-то не так, или у него после этого проклятого индейца развивается паранойя. Дэн продолжал зло косился на сумасшедшего, не желая помогать Джеку в его монологе. Послышался шум приближающихся машин.

– Быстро ребята вернулись, – сказал Джек и развернулся. – Черт!

Черный внедорожник притормозил рядом. За затемненными окнами никого не видно. Из салона раздавался грохот музыки. Джек сразу узнал одну из композиции «Громил», любимая группа Керлина.

– Вот принесла их нелегкая, – вздохнул Дэн. – Кого бы я хотел сейчас меньше всего видеть, так это братьев Керлинов.

Стекла салона плавно опустились. Густой клуб сигаретного дыма вырвался на волю, словно из жерла рассерженного дракона. Дверь распахнулась, и из нее показался невысокого роста коренастый парень. Надменное выражение сменилось брезгливостью. Он затыкнул сигаретой, а затем двумя пальцами швырнул ее в Эрни. Парень вальяжным уверенным шагом приблизился к Джеку, по пути выдохнув в лицо Дэнни порцию дыма. Тот кашлянул, побагровел и сжал кулаки.

– Что вы тут делаете с этим полоумным? Или это новая подружка, Дэн? – Он рассмеялся, брезгливо фыркнув.

Из машины показались еще двое. Они были удивительно похоже: такие же крепыши невысокого роста, светловолосые, с презрительными кривыми улыбками. Из салона раздавался веселый женский смех и грохот музыки.

– Вам не кажется, вы заняли чужое место, недоумки, – произнес один из них.

– Не думаю, Фред, что это чье-либо место.

– Мы застолбили это место, когда вы еще сад Паркера обдирали.

– Полегче, парень, это не частная собственность.

– Так это ты, Джек? Я тебя и не узнал, среди этих, – он презрительно сплюнул под ноги.

– Полегче, Фред! – Джек никогда не опускался до оскорбления и не позволял этого никому другому.

Фред, Артур и Генри – дети мэра Рона Керлина, возомнившие себя самыми крутыми парнями в городе, постоянно затевали драки и склоки. Собрав вокруг себя шайку подхалимов, они терроризировали округу, собирая дань с младших и по одному избивая старших парней, не желавших признавать их превосходство.

Банда Керлинов, как их называли, пыталась контролировать город. Многие предпочитали не связываться с назойливыми юнцами, никто не хотел конфликтовать с властями, но некоторые не желали закрывать глаза на такой произвол.

Джек с друзьями относились к их числу. Поэтому нередко между ними вспыхивали потасовки, заканчивающиеся дракой. Джек никогда не считал себя трусом, а самое главное ему глубоко наплевать на статус, занимаемый их отцом. Это задевало братьев сильнее, чем он мог предположить, но открыто показывать неприязнь они не решались. Джек с друзьями являлись сильными соперниками, а Фред всегда знал, когда лучше не перегибать палку. Фред – самый старший из Керлинов, заводила и психопат: так бы сказал Майкл, оказавшись сейчас рядом.

Затаив обиду, Керлины выжидали удобного случая, чтобы свести счеты с непримиримыми врагами. Им не мешало даже то, что они являлись яркими фанатами американского футбола. Возможно зависть к «любимчику Джеку» подогрела и культивировала эту злость по отношению к его друзьям и к нему самому.

Сам же Рон Керлин, ослепленный отцовской любовью, оставался глухим к многочисленным жалобам жителей на заносчивых отпрысков. Продолжая быть слепо уверенным в том, что парни помогают шерифу и полицейскому участку в наведении и поддержании порядка в городе, он души в сыновьях не чаял, нередко вознаграждая за проявленное рвение – покупкой машины или брильянтовыми запонками. В конечном итоге все привело к тому, что люди перестали связываться со скандальной семейкой, стараясь обходиться собственными силами.

Фред, вальяжно прошел между Джеком и Дэнном, оценивая разглядывая соперников. Остановился возле Эрни, хитро прищурился и внезапно с силой толкнул сумасшедшего. Тот упал и, ударившись о камень, заревел, словно медведь, попавший в капкан. Из носа потекло, и Эрни ладонью размазал соплю по лицу.

– Последний раз предупреждаю, Фред. Если ты еще раз кого-нибудь тронешь, я за себя не ручаюсь.

– Свое предупреждение засунь туда, откуда ангелы не вылетают...

Джек был взбешен. Тело начало сотрясаться, словно в лихорадке. Колотило, буквально трясло от ярости. Мелкая дрожь проснулась где-то внутри, постепенно разрастаясь и охватывая все тело. Он знал, что последует вслед этому, и не желал идти на поводу. Фредди только и ждет, чтобы он потерял контроль и первым кинулся в драку.

Джек помог Эрни подняться и загородил собой. Эрни, поскуливая, вновь вытащилдохлую крысу, видимо, решив предложить ее Керлинам. Дэнни не спеша приблизился к Фреду. Он внушительно возвышался над ним на целую голову и теперь, ухмыляясь, поглядывал сверху вниз. Артур и Генри пристально следили за Джеком, стараясь предугадать его дальнейшее действие.

– И что же ты сделаешь, любимчик? Побьешь меня? Это же глупо. Зачем тебе эти недомумки, – он кивнул на Дэнна и Эрни, который внимательно разглядывал крысу, уже, по-видимому, забыв о причиненной ему обиде.

– Может, вернемся к моему предложению? Оставь этих неудачников и иди к нам. Вместе мы многое сможем сделать. В самом деле, выглядишь рядом с этими просто жалким. Зачем тебе? В чем смысл? – Он затыкнулся и выпустил дым прямо в лицо Джеку.

– А может, вернемся к моему предложению? Фред, попридержи пар, вы заходите слишком далеко. Не пора ли остановиться?

– А что ты имеешь в виду: «зашли слишком далеко», а, хороший мальчик? – Спросил молчавший до этого Генри, голос у него был на удивление приятный и тихий.

– Прекратите терроризировать город!

– О, какие громкие слова! Это стоит воспринимать как очередной отказ? Даже у меня уже кончается терпение, Джек. Да ты просто кретин, а твои приятели – тупоголовые яки. Было бы моя воля, ты ползал бы в ногах, харкая кровью. Отдай нам этого придурка, – он кивнул на

Эрни. – И можешь проваливать со своей подружкой, – он махнул рукой в сторону Дэнна, у которого багровый цвет лица сменился на белый. Он дернулся вперед, сжав кулаки, но Джек удержал его, схватив за локоть, краем глаза замечая, как Генри надевает на руку кастет.

– Да и еще, – хмыкнул Фред, стрельнув глазами на Дэнна. – Если вас еще хоть раз здесь увидим, пеняйте на себя. Последнее предупреждение. Мне до чертиков надоело быть добрым, знаешь ли. Тебя мы не тронем, Джек, ты ведь у нас чемпион, – он презрительно сплюнул. – А вот твоих девочек разукрасим.

– Когда это ты успел застолбить место? – Сказал Дэн.

– Ты что тупой? Я же говорил. Я решил, что оно мое, понял. Хочешь здесь торчать, плати.

– Ты не слишком зарываешься? – Процедил сквозь зубы Джек. В глазах заплясали кровавые искры.

Из минивена послышался грубый смех, и два парня буквально вывалились наружу. Один высокий и тощий: рваные джинсы висели мешком, а из-под белой футболки торчали костлявые руки, словно плетя огородного пугала. Он держал бутылку пива, слегка покачиваясь на ногах, и Джек подумал, что сейчас они сломаются пополам и парень грохнется физиономией об асфальт.

Второй – чуть меньше ростом, но довольно крепкий: в черных обтянутых брюках с множеством заклепок и молний, а на зеленой майке нарисован перевернутый крест. Парень был пьян и ничего не понимал, поэтому недоуменно пялился то на Джека, то на Дэнни. Рыгнув, он окинул стоящих впереди мутным взглядом, и в вразвалочку направился к ним. Джек сразу узнал ребят – закадычные дружки Керлинов: Гарет и Дюк.

– Мы долго будем здесь стоять? – Послышался капризный голос, и из внедорожника показалась Сара Инзбери. – Может, уже поедем? Фред, ты обещал сегодня вечеринку!

– Закрой рот своей суки, – прошипел Фред, доставая новую сигарету и тут же прикуривая.

– Девочки, не волнуйтесь. Сейчас поедем, только малышей научим хорошим манерам, – крикнул Артур, махая рукой, но, не сводя настороженных глаз с Джека.

– Фред, может, поговорим один на один, без твоих горилл? Чего боишься? – сказал Джек.

– Я боюсь, что нечаянно раздавлю твою глупую голову, словно переспелую тыкву. Кто же тогда будет играть на чемпионате? Защищать честь нашего города? – Саркастично пробасил парень, затягиваясь сигаретой и выдыхая дым в лицо Джеку.

Это стало последней каплей. Реакция последовала незамедлительно. Джек выдернул сигарету из рук Фреда, швырнув на землю. Тот взревел и схватил его за грудки. Артур, Генри и Дюк кинулись к Дэнну. Генри размахнулся, но тот отклонился, и кулак прошел в дюйме от лица. Плохо соображающий Дюк получил первым. Дэнни сбил его с ног, и парень, вспоминая всех чертей, катался по земле, согнувшись пополам.

Артур и Генри навалились на Дэнна с двух сторон, пытаясь сбить с ног, и один раз им это почти удалось. В последний момент Дэн освободился от захвата и устоял на ногах, но, получив удар в солнечное сплетение – задохнулся, сложившись пополам.

В машине пронзительно завизжала Сара Инзбери. Эрни, упав на четвереньки, заскулил, пытаясь забраться под ствол поваленного дерева. Это ему никак не удавалось. Бедолага отчаянно работал руками, словно ковшами, разгребая землю и отшвыривая камни, подняв вокруг себя невероятную пыль.

Джеку ничего не стоило разделаться с Фредом, но его братьев не стоило списывать со счетов. Они навалились почти одновременно. Он успел парировать удар Генри и перекинуть через плечо Фреда. Дорогой костюм безнадежно испорчен, ворот белоснежной рубашки разорван, и Фред просто в ярости. Он тут же вскочил на ноги и бросился на него, сжав кулаки. Джек методично отбивался, казалось, его даже позабавила ситуация в которой они оказались. В честном бою Керлинам никогда не выиграть. Слишком медлительны, но он не хотел перехо-

дить рамки. И не из-за их отца-мэра. Вид повергнутого врага никогда не вызывал в нем чувство удовлетворения, скорее жалость.

Неизвестно, как долго бы продолжалась потасовка, но послышался рев машины и перед ними резко затормозил «Харлей» Майкла, следом – форд Дэнна. Ребята незамедлительно бросились к друзьям на выручку.

Луис отшвырнул Фреда от Джека за шиворот, словно котенка. Майкл, ловко подставив подножку только что поднявшемуся с земли Дюку. Тот, не устояв на ногах, со всей тяжести навалился на Генри, со всего размаху заехав в ухо Артуру. Тот, охнув, кулем осел на землю. Сара Инзбери визжала, закрывая лицо руками. И не ясно, что было невыносимей – этот визг или вопли Эрни, который набрав в грудь больше воздуха орал, что было сил, забыв про крысу, валяющуюся в паре шагов от него, и оставив попытку залезть под дерево.

Фред жестом остановил Артура, готового кинуться на Майкла. Драться со всеми четверыми не входило в его планы, перевес явно на стороне Джека, и он знал, что им не выиграть. Дюк и Гарет не в счет – лишком пьяны, чтобы от них был хоть какой-нибудь толк. Керлина трясло от ярости и бессилия, но сейчас он ничего не может поделать. Пока не может!

На дереве закаркала ворона. Теперь это был единственный звук, нарушивший тишину. Сара Инзбери тихо всхлипывала в машине. Эрни замолчал, что-то отыскав в земле, и теперь внимательно рассматривал грязный комок, поднося к носу и принюхиваясь, напрочь забыв о драке и страхе, который только что испытал.

– Отлично, к девочкам пришла подмога! – Фред смачно выругался, кивнув братьям. – Вы еще получите свое, жалкие ублюдки. Я каждого на куски порежу. И никто и ничто мне в этом не помешает, даже твое положение, Джек.

– Буду рад встречи!

– Когда она случится – кровью умоешься!

– Давай проваливай, псих, – хмыкнул Майкл.

Фред, круто развернувшись, направился к машине. Остальные последовали за ним. Дюк отряхивая порванную футболку, на которую вдобавок разлил пиво, матерился, на чем свет стоит.

– Дюк в машину! Запомни, Джек, ты подписал себе смертный приговор! Ты и твои недоноски!!! – Он ткнул в них пальцем. – Еще встретимся!

– Давай, давай, пока не добавили! – Засмеялся Майкл.

Мотор гулко взревел, и минивен сорвался с места, подняв клубы пыли и молниеносно скрываясь за поворотом. Некоторое время друзья смотрели в сторону исчезнувшего внедорожника, ожидая от Керлина очередной подлости, но звук мотора постепенно затихал вдали.

– Да, Джек, ты словно малое дитя – стоит оставить на некоторое время, как тут же попадаешь в историю, – хохотал Майкл.

Дэнни пытался привести одежду в порядок. Лицо пылало, руки дрожали. Клетчатая рубашка оказалась без пуговиц. Генри дернул за ворот во время драки и оставшиеся четыре пуговицы полетели на дорогу следом за своими братьями. Чтобы она не распахивалась, пришлось связать концы на животе узлом. Это выглядело даже не плохо.

– Что они здесь делали? – Спросил Луис.

– Думаю, решили слегка поразвлечься, – Джек посмотрел на Эрни, сидящего прямо на земле по-турецки скрестив ноги и внимательно разглядывающего ком грязи у себя на ладонях.

– А он-то как тут оказался?

– Понятия не имею! Наверное, прогуливался рядом ну и набрел на нас... Эрни, ты давай иди домой. Уже совсем темно, можешь заблудиться. И смотри в оба, иди по обочине, не ровен час, Керлин решит вернуться. Ребята, подбросим его до города? – Спросил Джек, видя, что Эрни ни черта не понимает из всего того, что ему сказали. Сумасшедший смачно рыгнул, изо рта на грязную рубаху закапали слюни.

– О! Фу! – Сморщился Майкл. – Пусть сам топают, ничего с ним не случится. В первый раз что ли! В противном случае он всю машину загадит, – будто в подтверждении слов Эрни радостно залаял, с наслаждением ковыряя в носу пальцем и вытирая козьявки о замусоленные брюки.

– Меня сейчас стошнит. Эрни давай топай! – Майкл подтолкнул поднявшегося на ноги парня вперед. Тот замычал, подобрал дохлую крысу и не спеша поплелся по дороге в сторону города. Ворона продолжала истощно каркать.

– Просто превосходно, – заметил Майкл, озаряясь по сторонам.

– Птицы что, не спят по ночам? – Пожал плечами Дэн.

– Вороны это не птицы, а темные души, – зловеще прошептал Майкл, выставив вперед руки.

– Очень умное замечание, Майки. А теперь рассказывай, Джек, что произошло, пока нас не было, – Луис одобряюще хлопнул Дэнна по плечу.

– Все как обычно, любой повод, чтобы задеть другого. Им не понравилось, что мы здесь остановились, затем они хотели поиздеваться над Эрни. В общем, обычный порядок проведения вечеринки семейки Керлинов.

– Слушай, как же они достали, чертовы задиралы! Может, займемся ими поплотнее. Они давно хотят войны – они ее получают.

– Нам сейчас, Майки, не об этом думать нужно. К тому же, с Керлинами так просто не покончить. Можем развязать такую войну, какая нашему городу и не снилось. А это вовсе не входит в планы местной власти. Пострадает имидж, туризм, доходы, сами понимаете. Мэр не допустит огласки. Станет заминать скандал любыми путями. Не подставлять же своих горячо любимых сыновей – не в его правилах. Ему кресло ой как дорого, и школьные войны не входят в предвыборную компанию на переизбрание. Поэтому, скорей всего, потери будут у нас, – он посмотрел на Дэнна, у которого под левым глазом расплзлось темное пятно.

– Я согласен с Майклом отчасти. Мы может разобраться с Керлинами, вылавливая их по одному. Не афишируя действия. Тогда никто ничего не докажет, – Луис сжал кулаки, разглядывая разбитые костяшки.

– То есть действовать их же методами?

У него давно чесались руки на Керлинов. Он помнил, как еще в начальных классах нередко раздавал подзатыльники заносчивым братьям. Даже сейчас они и втроем не могли справиться с Луисом, который отлично дрался, проведя почти все детство на улицах города – превосходная школа, знаете ли. Уж он всегда умел за себя постоять. Поэтому при его появлении Керлины и были вынуждены поскорее убраться. В честном бою им никогда не выиграть, но честно драться братья Керлины и не собирались.

– Хорошо, подумаем об этом после решающей игры, а теперь... Эй, Дэнни, чего нос повесил? Погоняем еще немного, я веду. Даю тебе фору пять минут.

Лучшее, что мог придумать Джек, видя, как продолжает закипать Дэн – сменить тему разговора.

Майкл подошел к форду, усевшись на место водителя, несколько раз нетерпеливо проигнал. Дэн с Луисом забрались на заднее пассажирское сиденье, а Джек вскочил на «Харлей». Надев шлем, яростно нажал на ручку газа и словно ветер, сорвался с места.

Деревья с молниеносной скоростью проносились мимо, сливаясь в сплошную серую массу. Теперь освещала дорогу лишь луна. На этом участке пути вообще не было фонарей, и этого оказалось достаточно, чтобы приток адреналина снова ударил в голову, заставляя сильнее давить на ручку газа. Сердце учащенно забило, он чувствовал себя птицей. Еще немного и душа воспарит вверх, оставляя брентную землю с ее Керлинами и Скайокерами.

Перед глазами лишь узкий участок пути, словно тропа через скрытый густым туманом лес, где по бокам лишь темнота и странные зовущие звуки. Мозг молниеносно предугады-

вает очередной поворот, давая команду к действию. Электрические импульсы превратил тело в машину, в туго натянутую струну, звенящую от напряжения.

Вдоволь нагонявшись и к счастью не повстречав ни один полицейский патруль, они разошлись по домам, договорившись о предстоящей встрече в школе. Джек попросил, чтобы его подбросили до «Озера». Хотелось немного пройтись, прежде чем он вернется домой, в маленькую душную комнатку с наклеенными на стены плакатами «Балтимор Рейвенс».

***

Он подошел к зияющему кратеру и остановился полюбоваться чарующей красотой и мощью. «Озеро» шипело, булькало, а голубое сияние, поднимающееся далеко вверх, напоминало игру света в полярную ночь. Плазма, словно живое существо, продолжала монотонное движение по спирали, словно гигантский водоворот. Джек оперся о перила и залюбовался золотисто – голубым сиянием. «Озеро» выплюнуло вверх столб огня, обдав жаром и осветив темноту ночи.

Джек опустил глаза на каменный склон. Показалось, будто по отвесной стене быстро поднимается бесформенная тень. Он склонился ниже, пригляделся, сощурившись, уверенный, что это лишь обман зрения, и тому виной туча, на миг закрывшая луну. Но небо оказалось безоблачным. Миллиарды звезд блестели, словно рассыпанный на черном шелке бисер.

«Странно. Тогда, что это?». В такой близости от горячей лавы все сгорает мгновенно, ничто не сможет уцелеть от его огненного соседства. Заинтригованный он опустил голову ниже, пристально всматриваясь в глубину.

«Озеро», словно почувствовав чье-то присутствие, с шипением выплюнуло столб огня, осветив склон. Теперь Джек был абсолютно уверен. На отвесной стене действительно кто-то есть. Это не могло быть отблеском или отражением, слишком целеустремленно продвигалась тень, как по проторенной дорожке. Она свернула вправо, поднявшись на несколько футов, затем продвинулась чуть левее, и медленно поползла вверх, словно ожиревший солнечный зайчик. Нет... не солнечный, в точности наоборот.

К шипению «Озера» присоединился тихий шелест, словно набежавший легких ветерок, играющий с густой листвой старого вяза под его окном. Джек огляделся, поднял взгляд на стоявшие чуть в стороне деревья. Нет, ветра не было. Значит он здесь ни при чем.

Столб огня упал вниз, растворившись в общей массе, словно дитя, вернувшееся домой. Все погрузилось в полумрак. Джек до боли в глазах вглядывался в бездну «Озера», но теперь тени не было. Жар огненной лапы ослепил, не давая возможность рассмотреть, что находится на склоне. Затаив дыхание, вслушиваясь в наступившую тишину, он ждал, но больше, кроме шипения магмы, ничего не слышал.

Джек замер. Организм реагировал на любой шорох выбросом изрядной порции адреналина. Пламя огня вновь поднялось вверх, осветив восточный склон. Джек ничего не увидел. Никакого движения, только мерное дыхание горячей плазмы. Он уже начал сомневаться, видел ли что-то на самом деле.

В тишине раздался смех ребенка. В недоумении он посмотрел по сторонам. Что мог делать ребенок в такое время у кратера?

– Что за чертовщина здесь происходит? Уж не Керлины ли резвятся? – И как бы в ответ смех зазвучал громче, прямо за спиной! Малыш продолжал хохотать до тех пор, пока он не развернулся. Удивительно! Но рядом никого не было.

– Если я тебя поймаю, надеру уши, – зачем-то прокричал он в черную пустоту и тут же пожалел об этом.

– Шш... Шш... – зашептал кто-то в самое ухо. – Джек, не кричи, ну, пожалуйста. Шш-шамаа-шаа-та... – Обижено произнес детский голосок, прямо у него за спиной. Но за спиной не было ничего, кроме отвесного края кратера:

– Джек, Джек, давай поиграем! – Мальчик захихикал. Джек мог поклясться, что голос звучал прямо в голове. Безумие!

Звонкий крик поднялся на невероятно высокую ноту и тут же оборвался, словно лопнувшая струна, отражаясь болью в барабанных перепонках. «Озеро» извергло столб огня, обдав жаром. Джек растерянно оглядывался по сторонам, но никого не видел. Игра в кошки – мышки.

– Одно из двух. Либо это Керлины, либо я спятил.

Быстрым шагом он направился к дому, стараясь смотреть только прямо перед собой. Он был абсолютно уверен, что слышал смех, но ведь никого рядом не было? То есть – он никого не видел. Может, поехала крыша от систематического переутомления или от холодной пустоты, поселившейся в груди много лет назад?

Нет. Всегда есть разумное объяснение.

Необходимо поговорить с доктором Снейком. Что если он медленно, но верно сходит с ума? Постоянная внутренняя борьба с самим собой, желание подвести жизнь к максимальному риску, попытка уйти от реальности, душевные терзания – не могло ли это спровоцировать психические изменения в личности?

Остальную часть пути до дома Джек преодолел без приключений. Ночь уже не казался такой притягательной, как несколько минут назад. Он осторожно открыл дверь и вошел в дом. Керол спала в кресле в гостиной, раскрытая книга валялась рядом на полу. Видимо она решила дожидаться его, и читала, пока не сморил сон. Он тихонько тронул ее за плечо. Керол тут же испуганно открыла глаза, непонимающе уставившись на сына.

– Мама, иди спать.

– Нет, я ... ужин.

– Иди, я найду, что мне нужно.

– Ты точно...

– Да, голодным не останусь. Ложись.

Она поднялась и шатающейся походкой направилась в спальню, напоследок заметив, что не стоило так поздно приходить. Джек разогрел в микроволновке курицу, попытался заставить себя поесть, но аппетит безнадежно пропал. Захватив воду, он поднялся к себе в комнату. Часы показывали час сорок пять. Джек принял душ и лег в кровать.

Несмотря на усталость, сон долго не приходил. В голове отчетливо звучал смех малыша, а перед глазами стоял таинственный индеец, тыкающий в него скрюченным артритом пальцем. Его губы что-то шептали, а взгляд черных горящих ненавистью глаз причинял почти физическую боль.

За окном старый вяз тихо играл листвой, а желтый блин луны назойливо заглядывал в окно, тускло освещая комнату и отбрасывая причудливые тени, так похожие на руки – щупальца, шарящие по спальне в поисках желанной добычи.

5

Он лежал на полу возле кровати, видимо свалившись во сне. Футболка промокла от пота. Волосы прилипли ко лбу. В глазах непонимание и ужас, пока взгляд не фокусируется на стоящем напротив столе. Сотовый разрывается, подпрыгивая от вибрации. Он не смог заставить себя подойти к телефону. Осознание нереальности будто бы происходящего с ним сменилось невероятным чувством облегчения. Все это лишь дурацкий сон.

Сотовый продолжал трезвонить. Джек поднялся, направляясь в ванную комнату. Разделся, бросил футболку в корзину для грязного белья, не заметив на вороте маленького красного пятнышка. Встал под холодный душ. Тело моментально отреагировало на каскад ледяных капель, стряхивая последние остатки кошмара.

– Это всего лишь сон, – сказал он сам себе.

Сотовый наконец-то замолчал. Джек слышал, как Керол подошла к двери в его комнату и несмело постучала.

– Я в душе, сейчас спущусь, – крикнул парень.

Керол вздохнула, вероятнее всего, видя беспорядок.

– Джек, ты в порядке, я слышала...

Ее прервал телефонный звонок, раздавшийся внизу из гостиной. Она торопливо сбегала вниз, крикнув, что завтрак на столе и что не мешало бы, наконец, выполнить обещание и убрать комнату. Выйдя из душа, Джек, наспех распахав сваленную прямо на пол одежду по шкафам, убрав музыкальные диски и кипу книг по пыльным полкам, наскоро оделся и спустился в гостиную.

В голове прояснилось. Сон уже не казался таким пугающе правдоподобным. Сев за обеденный стол, взглянул на мать. Она все еще стояла с телефонной трубкой, напряженно слушающая и хмурая брови. Губы заметно подрагивают, лицо неестественно побледнело. Керол нервно теребила перстень, украшенный крупным топазом, опутанным, словно паутинкой, золотыми нитями – любимый фамильный перстень.

– Сейчас приеду, – тихо произнесла она, бросив трубку и растерянно посмотрев в его сторону.

– Что случилось?

– Ничего, – слишком поспешно пробормотала она, выходя из комнаты. – Мне срочно необходимо уехать. Меня ждет матушка Афения. Это... по делам ордена. Созвонимся! – Она схватила со столика ключи и направилась к двери. – Я поеду на своей машине, – уже со ступеней крикнула Керол. – Когда вернусь, не знаю!

– Мама, объясни...

– Я очень тебя люблю, дорогой!

– Что ж, и тебе доброе утро, мама, – пробубнил парень, уткнувшись в тарелку с хлопьями.

***

Через некоторое время на стареньком пикапе, перешедшему от Сэма, Джек подъезжал на школьную стоянку. Дэн и Луис поджидали возле выезда. Майкл еще не пришел. Утро для него – самое тяжелое испытание, и друг, как правило, всегда опаздывал, появляясь только к середине урока. На противоположной стороне братья Керлины в окружении нескольких ребят деловито что-то рассказывали, яростно жестикулируя и перебивая друг друга. Фред зло покопился на Джека, когда тот проходили мимо.

– После вчерашнего просто руки чешутся, так и хочется разукрасить эту самодовольную рожу, – сказал Луис.

– Не стоят они того, чтобы о них пачкаться, – заметил Дэн. – Керлины просто жалкие провокаторы. Хотят, чтобы мы сорвались.

– Я готов сорваться, хоть сейчас. Давно пора намылить им шею.

Джек равнодушно глянул на Керлинов, как на мышей в кабинете биологии, пожал плечами. Они прошли в первый корпус на лекцию по геологии.

Рейчел, словно фотомодель на подиуме, выплыла из учительской. В руках книга, сумка, казалось бы, небрежно перекинута через плечо, снисходительная улыбка на красивых губах. Узкая белая кофточка идеально подчеркивает аппетитные формы, а короткая юбка так и притягивает взгляды мальчишек. Она заметила Джека и направилась в их сторону. Дэн икнул, выронив сумку. Уши вспыхнули, словно их окатили кипятком.

– Будем ждать тебя в классе, – Луис схватил друга под руку, поспешно потянув за собой. Джек согласно кивнул.

– Я хотела поблагодарить за цветы, очень мило, – она подошла, одарив сногшибательной улыбкой. «Хорошо, что Дэнни ушел, точно бы перевернул горшок с пальмой», – уныло подумал Джек. Рейчел небрежно чмокнула его в щеку и засмеялась. Мимо проходивший Генри Керлин презрительно фыркнул.

– Мы сегодня идем в кино, как запланировали? Надеюсь, планы у тебя за вечер не изменились? – Она грациозным движением поправила волосы.

– Нет, не изменились.

– Ну и отлично, тогда почему такой хмурый? Жду тебя в семь, хотя можешь прийти и пораньше. Отец будет просто в восторге. Давно хочет с тобой поговорить, просто достал этим. И не спрашивай о чем – понятия не имею.

– Похоже, со мной хочет побеседовать весь город!

– О чем ты? Хотя это, наверное, касается ночного происшествия.

– Какого ночного происшествия?

– По правде говоря, я вчера чертовски была зла на тебя! Но этот придурок Дэнни меня просто рассмешил...

– Лучше не называй его так, – сжал губы Джек.

– Вытворить такое? Жалею, что не засняла шоу на телефон, – похоже девушка, как всегда, его не слушала.

– Рейчел, вот ты где! – К ним спешила Моника Грейт.

Толстые стекла на очках делали глаза невероятно большими. На бледном болезненного вида лице застыло волнение. Взглянув на Джека, она покраснела и нервно одернула темно-зеленую кофту, из-за слишком худых плеч выглядывшую на размер больше. В руке девушка держала учебник по испанскому языку, который с такой силой прижала к себе, будто боялась, что у нее вот-вот отберут книгу.

– Что тебе? – Капризно надула губки Рейчел, презрительно оглядев с головы до ног худенькую фигурку. Это выражение на ее лице Джек хорошо знал – сейчас девчонке не поздоровится. – Ты не можешь найти для очередной глупой затеи другое время. Ты разве не заметила – я разговариваю. Пора научиться, Грейт, не прерывать людей?

– Но... директор...

– У меня что, проблемы с дикцией. Ты меня не слышишь?

– Э... Рейчел, тебе лучше идти. Мне тоже необходимо подготовиться к геологии. Договорим после.

– Я не хочу договаривать после. У меня есть время, – сказала она.

Моника испуганно втянула голову в плечи, отчего казалась еще меньше ростом.

– Но, Рейчел, тебя вызывает к себе в кабинет мисс Стофф, – пискнула девушка.

– Что ей нужно? Я ведь все уже объяснила. Передай, что я заменила первую полосу.

– Об этом она и хотела поговорить.

– Черт возьми, ладно уже иду. Хватит стоять здесь и пялиться на Джека, придумывая жалкие отговорки. Когда уже научишься вести себя прилично? Попытайся разок для разнообразия! – Она оттолкнула девушку, нервно добавив:

– Просто превосходно! Джек, нам, как обычно дали поговорить! Встретимся после занятий на стоянке.

Рейчел чмокнула его в щеку и, высоко подняв голову, гордо прошагала мимо Моники, чье от природы бледное лицо теперь пылало огнем, а на глазах блестели слезы. Ее очки в роговой оправе съехали на самый краешек носа.

– Слушай, ты не обращай на Рейчел внимание. Такой уж она человек, – он улыбнулся, стараясь закрасить неловкость. Девушка покраснела еще больше и выронила учебник. Джек торопливо поднял его и сунул в трясущиеся руки.

– Не обижайся, хорошо?

Он развернулся и направился в класс, по дороге здороваясь с ребятами и продолжая чувствовать ее взгляд, пока не свернул к лестнице.

Прозвенел звонок. Когда Джек вошел в кабинет, все находились на своих местах, кроме Майкла, который в очередной раз проспал на первый урок. Похоже, исключений в этом вопросе у него не будет! Профессор Престон раздавал листки с заданиями. Увидев Джека, он улыбнулся и кивнул, чтобы тот проходил на свое место.

Профессор Дилет Престон мужчина около пятидесяти лет, окончивший Гуманитарный институт в Финиксе и когда-то подающий большие надежды ученый в исследовательской области по биологии. Но любовь к переменам заставляла переезжать его с места на место, нигде надолго не задерживаясь.

Он любил итальянскую кухню, рюмку хорошего коньяка перед ужином и своего пса Биппи, старого терьера с грустными глазами, неизменного спутника бывалого холостяка в его путешествиях. Два года назад он приехал в Файерлейк и уже подумывал об Алабаме, намереваясь на следующий год отправиться туда. К тому же давний приятель по институту Вильям Боул давно приглашает в гости.

Первые двадцать минут отводилось на тесты с домашними заданиями. Просто превосходно! Джек вовсе забыл о них и теперь отчаянно пытался вспомнить, о чем говорили на предыдущем уроке. Хотя методом тыка у него всегда выходило здорово: из тридцати вопросов угадывал двадцать пять, а то и больше. Придется прибегнуть к проверенному методу, а тему наверстает позже – на каникулах. Он посмотрел на Луиса, сидящего рядом, который торопливо строчил по бумаге, не поднимая головы, и уже сделал больше половины задания.

«Хоть бы для приличия спросил: тебе помочь?»

Когда работа была сдана, мистер Престон деловито поднялся со стула, отложив книгу, которую читал все это время:

– Тема сегодняшнего урока: Архейская эра. Как вы знаете, в Северной Америке имеются два больших ареала выходов на поверхность архейских пород. Первый из них?

– Канадский щит!

– Правильно, Грегори! Он расположен в центральной Канаде по обе стороны Гудзонова залива. Хотя местами архейские породы перекрыты более молодыми, на большей части территории Канадского щита они слагают дневную поверхность. Древнейшие известные в этом районе породы представлены...

В класс просунулась заспанная физиономия Майкла. Похоже, он забыл причесаться. Рыжие волосы топорщились в разные стороны, будто его шевелурой подметали пол.

– Э... простите, сэр, можно войти, – в классе засмеялись, учитель возвел глаза к небу и вздохнул.

– Уважаемый мистер Гранд, уже два года, как я имею честь преподавать у вас. И не было ни одного первого урока в классе, чтобы вы не опоздали хотя бы на десять минут. При такой

пунктуальности боюсь даже предполагать, как может сложиться ваша карьера, если только вы не будете работать в ночное время.

– Он заменит Паркера, когда тот уйдет на пенсию, – засмеялись с задних парт. Майкл сузил глаза, исподлобья глянув на кричавшего.

– Я очень польщен, сэр, но... – процедил он сквозь зубы.

– Не надо оправданий. Я знаю все, что вы скажете наперед, многоуважаемый мистер Гранд. Проходите на свое место, надеюсь, вы его найдете! Нужно позвонить, наконец, вашей матушке и предложить подарить вам на рождество огромный будильник.

– Прошу, сэр, не надо никому звонить. Я обязательно передам ей ваши слова.

– Как же! Проходите уже и займитесь тестом, который я предусмотрительно положил к вам на стол. Пора бы хоть одному из ваших друзей взять над вами шефство! – Он многозначительно посмотрел на Джека.

Майкл вяло поплелся на свое место, оглянувшись на Кети, сидевшую в первом ряду, но девушка отвернулась, стараясь делать вид, что вовсе его не замечает.

– Майкл, я же тебе звонил, – прошипел Луис, когда Майкл плюхнулся на стул позади него. – Ты же говорил, что уже поднялся. Что опять?

– Прилег на минуту вздремнуть – это преступление?

– Опять шлялся ночью, после того как мы вернулись.

– Вот уж.

– Отлично, теперь я буду заезжать за тобой за полчаса до занятий.

– Прекрасная идея.

– Если молодые люди не наговорились, предлагаю им продолжить вне класса, – сказал учитель, вопросительно посмотрев на ребят.

– Простите, сэр! – Уши Майкла мгновенно покраснели, и он уткнулся в листок на столе.

– Отлично, тогда продолжим. Просмотрите следующий тест и, если всем понятно, приступайте к выполнению. Напоминаю: соблюдайте тишину, а если возникнут вопросы, поднимите руку.

Джек уныло пробежал глазами по очередному заданию. Просто превосходно, здесь то же самое – из тридцати вопросов он знал ответы лишь наполовину. Майкл сидел с удивленным видом, словно ему предложили привести доказательства существования планеты Криг в созвездии Орион. Почесав затылок, он наклонился вперед, стараясь подглядеть в тетрадь Луиса, уже начавшего отвечать на вопросы. Вот у кого проблем по этому поводу не бывало. И когда он только все успевает?

Джек посмотрел в окно: в лучах утреннего солнца нежились шумливые воробьи, разместившиеся на пушистом тополе, растущем прямо возле окна. Птицы чирикали, смешно красуясь друг перед другом. Рядом на ветку деловито опустилась ворона. Важно распушив перья, она уставилась через стекло прямо на него. Птица каркнула, и воробьи пугливо разлетелись, подняв невероятный шум.

Джек бросил взгляд на часы, висевшие над школьной доской, и отметил, что прошло еще двадцать минут, а он ничего не сделал. Профессор Престон снова уткнулся в толстую книгу: «Флора и фауна южного континента», – прочитал Джек. Учитель не сразу расслышал, когда его окликнула от двери мисс Ли:

– Профессор Престон, сэр, можно забрать Джека Харисона с вашего урока.

– А что собственно...

– Его вызывают к директору.

Джек, Луис и Майкл недоуменно переглянулись, Дэнни взволнованно выдохнул с задней парты. Все в классе подняли головы и уставились на него. Ворона за окном закаркала, размахивая крыльями. Дилет Престон удивленно вскинул глаза на Джека:

– Ну, что ж. Если это не может подождать до конца урока, тогда, пожалуйста.

Учитель кивнул, и парень, поспешно поднявшись со стула, вышел из класса, гадая, что за срочность вызывать его с урока. Хотя он, скорее всего, провалил бы задание с треском! Не позавидуешь Майклу!

Администрация во главе с директором Лили Стофф, располагалась в другом блоке. Секретарь, взглянув на него, попросила подождать. Она подняла телефон, доложила о его приходе и только затем сказала, что он может войти.

Все еще не понимая в чем дело, он прошел через массивные двери в небольшой уютный кабинет, обшитый тисовыми панелями. Правую стену украшали картины современных художников-абстракционистов, стена напротив представляла собой один огромный шкаф с многочисленными отделениями и полочками, заставленными книгами, в основном по философии, и горшками с пышными ярко-красными и белыми цветами, в которых Джек совершенно не разбирался. Пол застилал светлый ковер. Большое светлое окно выходило на садик, прямо перед которым разбит цветник.

За полукруглым столом восседала приятная моложавая женщина в строгом сером костюме и голубой блузке. Густые каштановые волосы кольцами спускались по хрупким плечам, а тонкие пальцы рук нервно барабанили по полированной поверхности. Она улыбнулась вошедшему, указав на стул, стоящий напротив.

– Здравствуйте мисс Стофф.

– О, Джек, к чему такие формальности? Мы здесь одни, поэтому зови меня просто Лили, договорились?

– Э... ну хорошо.

– Вот и чудесно, – она приторно улыбнулась, обнажив ряд белых зубов. – Может, ты что-нибудь выпьешь? – Ее голос был тихий и вкрадчивый. Джек не помнил, чтобы она позволяла себе так разговаривать с кем бы то ни было. Обычно директор вела себя чуть надменно, говорила сухо и громко. Отчего-то ему стало не по себе.

– Да, если можно, воды, – в горле противно пересохло, и действительно захотелось пить.

– Воды? Ну конечно можно, – она звонко рассмеялась, поднялась и подошла к одному из многочисленных шкафов. Через секунду Джек держал в руках бокал с прохладной водой. Бутылку она поставила рядом на стол, на случай если он захочет еще. Джек уставился на директора, ожидая продолжения разговора.

– Ну, что же ты, пей! – Она улыбнулась одними губами, глаза оставались холодными и ощупывали его с головы до ног.

Джек торопливо выпил воду, поставил стакан. Приятная прохлада заполнила желудок. Только теперь он ощутил, как сильна была жажда.

– Спасибо.

– Ну, это мы должны говорить тебе спасибо.

– За что?

– За твою команду, за тебя, – она произнесла это низким голосом, заглянув в глаза.

«Только не это! Что с ней такое?» – Джека передернуло. Он привык к повышенному вниманию девочек, но это не входило ни в какие рамки. Изменившееся выражение на лице парня мисс Лили, по-видимому, интерпретировала по-своему.

– Ты знаешь, исход предстоящей игры во многом определит в дальнейшем и статус нашей школы, а также критерии моего дальнейшего продвижения по служебной лестнице. Я хотела бы сказать, что от тебя зависит очень многое.

Она подошла почти вплотную и провела изящной рукой по его волосам. Джек судорожно глотнул, ошарашено уставившись в блестящие глаза.

– Поэтому, хочу сказать, что ты можешь рассчитывать на любую помощь с моей стороны. Ты слышишь, на любую, – сказала она с придыханием, низко склонившись над ним. Лицо

было совсем близко, и он мог разглядеть маленькие сеточки морщин возле глаз, продолжавших пристально следить за каждым его движением.

Он уловил нежный запах духов, увидел небольшой кулон с кровавым рубином на золотой цепочке, колыхающийся в такт ее дыханию. Джек опустил глаза ниже. «Так, стоп!» – Мысленно приказал он себе, отстраняясь. Захотелось пить. Директор ухмыльнулась, выпрямилась и прошла к своему креслу. Он облегченно перевел дыхание.

– Ты знаешь, Джек, у меня очень большие связи. Я во многом могу помочь.

– Я учту, – проговорил он вдруг охрипшим голосом.

– Ну и отлично! Я лично не сомневаюсь в нашей победе. В тебе... – многозначительно добавила она.

«Не приятное осложнение», – подумал Джек. Его ладони вспотели, и он потер их о джинсы.

– Извините, мисс Стофф, э... Лили, – добавил он, заметив, как ее брови взметнули вверх. Я, конечно, польщен, но не могли бы вы сказать, зачем вызвали с урока. Ведь не ради этого, – усмехнулся он, вложив в реплику особую интонацию.

– О! Разумеется, хотя и хотела бы, но... – она молчала, подыскивая слова.

– Я ведь уже сказала, что окажу посильную помощь во всем, что касается лично тебя, Джек, – ему уже начинало это порядком надоедать. – И мне так жаль, что я должна первой сообщить это ужасное известие.

– Какое известие? – Тело моментально покрылось мурашками.

– Ох, Джек, ты только не волнуйся. Прошу тебя, ведь изменить уже ничего нельзя! – Она занервничала, отвернулась.

– Что про-и-зош-ло? – Медленно по слогам проговорил он, грубо развернув ее за плечи. Он даже не заметил, как оказался рядом.

Джек возвышался над Лили, глядя сверху вниз. На мгновение она залюбовалась им, ощущая сильные руки на плечах. Он встряхнул директрису, повторяя вопрос.

– Сядь, Джек, – ее медлительность раздражала. Джек сдерживался из последних сил, пытаясь не вспылить и не наругать. Он глубоко вздохнул, пробуя успокоиться. Не вышло. Волнение заставило забыть кто перед ним, стирая границы возраста и положения.

– Сегодня около двух часов ночи, рядом с плато Уотерби на шоссе двести сорок шесть произошла авария. Машина, ехавшая в Чемолт, сорвалась в пропасть. На плохо освещенной дороге водитель, скорей всего, не справился с управлением и налетел на ограждение. От удара его выбросило, а машина рухнула вниз и взорвалась. Пожар был замечен из монастыря. Оттуда позвонили шерифу и вызвали пожарных. Но... Все было кончено задолго до приезда мистера Гордона и его людей. Удар оказался таким сильным, что у водителя не осталось ни единого шанса.

– Кто? – Лили Стофф медлила с ответом.

– Кто? – Еще раз спросил он.

– Пол Хьюстон.

Джек подумал, что ослышался. В ушах противно пульсировало. Звуки искажались, будто просачиваясь через толщу воды.

– Пол Хьюстон? Я не расслышал, то есть, Пол вчера... Вы, наверное, не так поняли! Что вы... Невозможно! – Голос дрожал, и Джек уставился на директора, уверенный на сто процентов, что ослышался.

– Это был Пол Хьюстон. Джереми уже опознал тело. Мне очень жаль. Он был твоим другом, играл в твоей команде, и я подумала, что должна лично сообщить об этом.

Он долго сверлил женщину тяжелым взглядом, словно пытался найти доказательства ее лжи или заблуждению. Попятился, когда прочел в глазах скрытый страх. Налил в стакан колу, залпом осушил и развернулся, чтобы уйти.

– Стой, Джек, ты куда?
– Ненужно прелюдий, чтобы сообщать подобное. Вы только отняли мое время, уважаемая мисс Стофф, – грубо бросил он, и директор задохнулась от возмущения.
– Мальчик, думаешь, я бесчувственная кукла?
– Извините, мне пора, – он уже открывал дверь.
– Нет, подожди, послушай! Джек Анжел Харисон, я приказываю тебе остаться, – взвизгнула она. – Мы еще не все обсудили.
– Вы не можете мне приказывать, – он вышел, хлопнув дверью.
Уязвленная грубостью мисс Лили уставилась на дверь, скрежеща зубами. Ее лицо исказил гнев, состарив на десять лет.
– Ты ошибаешься, мой мальчик. Еще как могу... – прошипела она.

***

На улице поджидали Луис, Майкл и Дэн. По взволнованным бледным лицам он понял – они уже все знают.

– Как только ты ушел, Бренда Ли рассказала о случившемся. Занятия в школе отменены, а в полдень в церкви состоится прощальная панихида по Полу, о Господи! – Дэн закрыл лицо руками, скрывая слезы. – Не верю, что такое возможно!

– Как такое могло произойти? Директор тебе рассказала, какие-либо детали, подробности? – На щеках Луиса играли желваки.

– Ничего толком... Только, что трагедия произошла около двух часов ночи, возле плато Уотерби. На скользкой после дождя дороге Пол не справился с управлением, машина сорвалась в пропасть. От удара о ограждение его выбросило на асфальт, а автомобиль внизу загорелся и... Слушайте, но это же невозможно! Такое не могло произойти с ним!

– Вот именно! Пол находился в больнице с травмированной ногой. Он никак не смог бы вчера водить машину. Да мы же сами к нему ездили вечером. Он лежал в постели, даже ходить не мог, а рядом стояли эти, как их? Ходунки! – Выкрикнул Майкл.

– Как он мог оказаться там? Для чего, зачем? Зачем Полу понадобилось посреди ночи срывать тайком из госпиталя и с больной ногой гнать до Челмонта? Когда он мог просто позвонить... Слушайте, мне нужно поговорить с шерифом и выяснить подробности трагедии. Что-то тут не так, или директор чего-то не договаривает или все было совсем по-другому.

– А может это не наш Пол, а... другой, – пискнул Дэнни.

– Мистер Джереми опознал тело сына.

– Не замешаны ли здесь братья Керлины? Не могли ли они спровоцировать аварию?

– Зачем им это, Майкл? Они подонки конечно и все такое, но пойти на это не могли – я просто уверен. К тому же мы сами гоняли на Уотерби почти до двух ночи... – Луис запнулся, вопросительно посмотрев на Джека.

– До часу... Я был дома без десяти час... Да, мы вчера там были, но что видели? Керлины убралась задолго до полуночи или нет? Вы когда возвращались, никого не заметили?

– Я лично никого не видел, – сказал Майкл, растерянно оглядываясь по сторонам, будто кого-то искал.

– Я тоже, – проревел Дэн. – Бедная миссис Хьюстон, она вчера в больнице не отходила от него ни на шаг. Как же теперь...

Джек ясно представил мать, которая после исчезновения Сэма чуть не сошла с ума. Он вспомнил тот ужас, творившийся в их доме. Услышал отчаянные крики, снова ощутив боль в груди. Джек задрожал, словно очутился зимой голый на самом высоком пике горы Маун-Худ. На лице выступил холодный пот. Он с такой силой сжал кулаки, что костяшки пальцев хрустнули. Сердце затрепетало, и ее гулкий ритм отозвался в голове жуткой болью. Перед глазами стояло лицо скучающего Пола, смотрящего в окно на закат. Джек застонал.

Как всегда, от пронизательного взгляда Луиса ничего не ускользнуло. Он приобнял его за плечи.

– Я тоже никого не видел, только Эрни, шатающегося вдоль дороги и мычащего под нос, – сказал Луис. – Жалко, что из него ничего не вытянешь. Вполне возможно, он мог кого-то видеть. Джек, а ты ничего подозрительного не заметил?

Джек помнил быстро поднимающуюся по крутому склону кратера тент, но ведь это могло быть бликом луны или отражением набегающей на нее тучи. Да и вообще, было ли это? А детский смех? Ему просто показалось? Он отрицательно качнул головой. К горлу подкатил комок.

– Значит, что выходит? После того, как мы разошлись по домам, Полу срочно понадобилось ехать в жуткий ливень по опасной дороге ночью с травмированной ногой, ничего не объяснив, никому не позвонив? Это на него совсем не похоже, – Луис недоуменно пожал плечами.

– Он ведь не говорил, что куда-то планирует ехать, когда мы у него были? Наоборот рассказывал о планах на следующий день. Я ничего не понимаю? – Прошептал Дэн.

– И как он умудрился управлять машину одной ногой...

– Ладно. Не стоит гадать. Все это уже ничего не сможет изменить. Встречаемся в церкви. До этого времени попробую что-нибудь выяснить. Прямо сейчас отправляюсь к шерифу, а вы, если что, звоните, – Джеку необходимо остаться одному, как можно скорее. Парень боялся, что боль вырвется наружу подобно смерчу, нанося непоправимый урон тем, кого любил.

Они не заметили, как дошли до школьной стоянки. Ученики собирались небольшими группами, некоторые из девочек плакали, учителя с растерянным видом выходили из учебного блока, тихо совещаясь между собой. Учитель физкультуры, он же тренер сборной по футболу Ламар Уокер увидев Джека, решительно направился к нему.

– Здравствуйте Джек, Луис, Майкл и Дэн. Как вы, держитесь? Это уму непостижимо.

– Да, сэр.

– Вы были у Пола в больнице, я созванивался с мистером Снейком, Пол не заикался о том, что собирается куда-то ехать?

– Нет, сэр, – горло горело огнем, Джек скорее прохрипел, чем произнес это. Глаза щипало от слез, готовых вот-вот вырваться из глаз.

– Он ничего не говорил, – продолжил Луис.

– Вот так история, такое безрассудство! Сегодня я жду вас в три часа.

– Тренировка? – Майкл поднял глаза на Уокера.

– Да какая там к чертям собачим тренировка. Мы должны поговорить о Поле, нужно подыскать замену. Он был отличным принимающим и хорошим парнем. Это жестоко, я понимаю, но на носу чемпионат. Жизнь продолжается и... – Ламар махнул рукой. – Э...Эх. Джек ты как, держись?

– Я в порядке.

– По тебе ни скажешь.

Уокер был, как всегда, «тактичен». Хлопнув парня по плечу, он направился в административный блок. Джек всеми силами пытался унять дрожь, которая только усиливалась, словно он подхватил лихорадку. Дэн, вздыхая, тер красные от слез глаза. Майкл старался не встречаться взглядом, рассматривая ладони, даже когда мимо прошла Кети, пристально смотревшая на него, не подняв головы.

– Ладно, увидимся.

Джек развернулся, направляясь к пикапу, рядом заметив припаркованный мерседес Рейчел. Она, находилась возле машины не одна. Стоя в окружении Керлинов, девушка весело болтала, звонко смеясь над шутками Фреда. Похожа смерть Пола никак ее не растрогала. Керлинам же всегда было наплевать на чужое горе. Джека затрясло от ярости, и он решительно направился в их сторону.

– Джек, как ты долго. Где ты ходишь, я жду тебя уже несколько минут? – Капризно надула губки девушка.

– Утирал соплю за углом, – рассмеялся Фред, и Джеку потребовалось колоссальное усилие, чтобы в последнее мгновения сдержаться и не кинуться в драку. Керлин нарочно провоцировал, развлекался.

– Я вижу, ты не скучала? Паяц Фред тебя всю развлекает, – процедил он сквозь зубы. – Только он забыл надеть шутовской колпак.

– Эй, слушай, следи за своим языком, как бы не отрезали, – воскликнул Генри.

– А эти клоуны в группе поддержки? – Не обращая внимания, продолжал Джек.

– Слушай, малыш, сейчас ты один, и я могу тебя так разукрасить, что родная мамочка не узнает! Может, отъедем на наше любимое плато, – прошипел Фред.

– Мы обязательно с тобой там встретимся, когда захочешь.

– Да, давайте сейчас же сотрем эту слащавую ухмылочку. Давно пора заставить его обо всем пожалеть, – Артур подошел почти вплотную, одарив запахом дорого одеколona.

– У нас будет еще время заняться этим кретином, обещаю, – сказал Фред. – Пойдемте, пока малыш снова не расплакался.

Рейчел возомнившая, что ссора произошла из-за нее, счастливо наблюдала за происходящим. Она грациозным движением поправила волосы и улыбнулась, ослепляя красотой стоявших рядом парней.

– Дорогая, подумай над моим предложением! – Нарочно громко протянул Керлин, подмигнув девушки. – Я позвоню, и мы договорим, без этой... назойливой мухи!

Джек терпеливо ждал: под скулами играли желваки, а брови сошлись к переносице. Фредди неторопливо, вразвалочку, вместе с братьями: Артуром и Генри, направился к стоявшему в противоположном конце стоянки внедорожнику, обернувшись лишь один раз, чтобы с ненавистью бросить взгляд на Джека, выставив вперед средний палец.

Девушка притворно вздохнула, а Джек продолжал удивленно рассматривать ее, будто видел впервые, совершенно не обращая внимания на Керлинов. Сколько раз он поражался не способностью Рейчел соперничать, но это уже не входило ни в какие рамки.

– Почему ты мне ничего не сказала?

– Ты о чем? О том, что Фред давно зовет на свидание, так это же смешно...

– Я не об... идиотском свиданье, – процедил он сквозь зубы. – Ты с утра знала о Поле, почему, когда мы встретились с тобой утром, ты ничего мне не сказала?

– О Поле? А зачем? Какое мне до него дело? И тебе? Кто он – брат, отец? Ну, играл в вашей команде и что? Пусть теперь об этом Ламар думает, это его забота. Простой несчастный случай, о чем тут говорить?

Она даже не заметила, как сильно побледнел Джек, а лицо исказилось от отвращения.

– Во сколько вызвали сэра Гордона?

– А мне почем знать? Позвонили глубокой ночью, я уже спала. Повторяю, мне абсолютно все равно, что там произошло. Отец уехал, вернулся под утро, я уже собиралась в школу. Он мне вкратце рассказал, что случилось.

– Что рассказал?

– Это допрос с причастием? Почему ты разговариваешь в таком тоне? Я не одна из твоих поклонниц, ясно!

Джек ждал ответа. Так хотелось врезать ей, хоть она и девчонка. Он не мог заставить отвести полного признания пристального взгляда от красивого капризного лица. Рейчел вздохнула, неторопливо поправила прическу, улыбнулась проходившему мимо Давиду Хадчинсону. Полезла в сумочку, достала помаду и зеркальце, неторопливо подкрасила губы.

Джек терпеливо ждал, призвав все свое самообладание. Он медленно закипал, готовый взорваться и высказать все, что о ней думает. После такого она вряд ли когда-нибудь пойдет с ним в кино. Наплевать.

– Ну, хорошо, – она сердито вздохнула, с силой захлопнув сумочку. – Папа сказал, что Пол Хьюстон разбился на серпантине. Наверное, пива перебрал. Сколько раз отец предупреждал молодежь, а они знай себе напьются пива и гоняют на скорости. Это должно было случиться рано или поздно.

– Значит, то, что случилось, ты называешь ночным происшествием? Это все?

– Все! – Крикнула Рейчел.

Джек развернулся, чтобы уйти, он больше не мог выносить вида этого самовлюбленного лица.

– Эй, постой! Когда ты за мной заедешь?

– Что? – Не сразу понял Джек.

– Мы сегодня собирались в кино, ты что, опять забыл? Только не говорил, что все отменяется! – Рейчел гневно уставилась на него, а у Джека от возмущения перехватило дыхание.

– О чем ты? Сегодня ночью погиб твой одноклассник, а тебе все развлечения на уме?

– Ну и что теперь, уйти в монастырь? Я-то тут при чем? Это дело его семьи, а не мое?

– Ты... Да ты просто... – Он с силой сжал кулаки. – Почему бы тебе не пойти в кино с Фредом Керлином, уж он-то не будет против!

– Да как ты смеешь? Ты просто жалкий тип, хам!

– Превосходно. Вы отлично проведете время. Желаю удачи!

– Ты, идиот! Ты не смеешь разговаривать со мной в таком тоне?

Он сел в пикап, и машина, рванув с места, обдала Рейчел брызгами воды. Это вызвало новую волну оскорблений в его адрес. Горя от негодования девушка достала сотовый:

– Алло, папа...

6

Джек с силой давил на педаль газа, словно оказался на пустынной трассе двести сорок шесть. Пикап мчался по городу, игнорируя ограничительные знаки. Герри Дик, чинивший во дворе разбрызгиватель, неодобрительно покачал головой, когда пикап, словно пуля, пролетел мимо. Камера наблюдения, установленная на БруксонХилл, передала сигнал о превышении скорости на пульт полицейского управления, но ему было наплевать. Кажется, чем быстрее он ехал, тем отчетливее становились мысли, и тем больше возникало вопросов.

– Что могло заставить Пола бежать из госпиталя «Святого Павла»? Как пробрался мимо охраны? Как выехал со стоянки незамеченным? Как мог водить машину травмированной ногой? Почему не позвонил, не связался с ним? Почему оказался на плато Уотерби в столь поздний час?

Джек притормозил возле полицейского участка. Светлое двухэтажное здание располагалось в самом конце ФлауэрсАвеню, севернее «Огненного Озера». Кабинет шерифа, размещался на втором этаже. Из окна открывался вид на голубой купол кратера и часть парка Линкольна. Джек знал – Гордон часто простаивает там, любясь огненными всполохами. Он автоматически бросил взгляд вверх, войдя в прохладу просторного холла и избежая по мраморной лестнице. За стеклянной перегородкой констебль Ричи Таунс кивнул на приветствие, ткнув пальцем в монитор:

- Нарушаешь, Джек? Придется заплатить штраф, хотя... – Он махнул рукой.
- Не об этом сейчас, Ричи! Шериф у себя?
- Да, но он занят. Злой, как собака. Не удивительно после сегодняшней-то ночи.
- Я поднимусь.
- Постой! Минуту!

Констебль поднял трубку телефона и начал докладывать Гордону о его приходе. Даже со своего места Джек расслышал крики и брань, раздавшиеся вслед за этим. Полицейский долго слушал, затем в ярости швырнул трубку.

– Проходи, он ждет, – коротко бросил Ричи, уткнувшись в мерцающий экран и давая понять, что разговор окончен.

Джек поднялся по широкой лестнице, пройдя дальше по коридору. В управлении творилось настоящее столпотворение. За прозрачными перегородками с взволнованными лицами полицейские сновали между кабинетами с кипами бумаг. Кто-то говорил по телефону, другие сидели, уткнувшись в мониторы – немудрено, такая трагедия – первая, за несколько лет произошедшая в образцовом городе.

Не задерживаясь, он прошел в самый дальний кабинет, постучал в дверь. Сидящий за столом, Гордон орал в трубку телефона, так, что силе голоса позавидовал бы Паваротти. Настольная лампа включена, хотя утро плавно перешло в день, бросая тусклый кружок света на кипы бумаг, разбросанных повсюду. Компьютер работал, тихо жужжа, как полусонный шмель. Жалюзи на окнах плотно закрыты, не пропуская солнечный свет, отчего в кабинете царит полумрак, а в воздухе витает запах сигар и застарелого пота.

И, похоже, шерифа во всем любящего комфорт сейчас это интересовало менее всего. Тучное лицо Гордона приобрело багровый оттенок, а в уголках губ собралась слюна. Он в нетерпении махнул рукой, подзывая Джека, не отпуская трубку из судорожно сжатых пальцев.

– Мне совершенно наплевать, как ты будешь разговаривать с этими чертовыми пронырами, но чтобы ни один бумагомаратель не смел писать о происшествии. Сам проследи за этим. Меня не волнует, как ты будешь заминать скандал: это ты облажался, а не я, и отвечать придется тебе. Если какой-нибудь вшивый репортер что-нибудь разнюхает, твоя тощая задница может попрощаться с удобным креслом и с карьерной лестницей тоже. Ты меня знаешь. Я слова

на ветер не бросаю. Мы справимся своими силами. Нам не нужны здесь эти чертовы федералы, сующие во все дела свои длинные носы, понял? Засунь вонючему чистоплюю Грейбсу в задницу его гребанную статью вместе с его правами...

Он слушал, что говорили на другом конце провода, мрачней с каждой секундой.

– Тебе нужно объяснять, как это делается? Сделай так, чтобы я о нем долго ничего не слышал, упрячь подальше сукиного сына от Файерлейка. Мне интересно знать, какая скотина подкинула ему информацию? Значит, я должен знать уже сегодня, – взвизгнул шериф.

– Время пошло. Вечером жду тебя с отчетом. И не снимать поста с шоссе пока не скажу. Лично! Для слишком любознательных, там проводятся ремонтные работы. Встретишь очередную партию туристов сам, и поставь наших ребят сопровождать их везде, куда бы те не отправились, даже в сортир!

Он швырнул трубку, дыша, словно астматик с многолетней практикой. Открыв один из ящиков стола, достал бутылку коньяка «Палмонз». Расстегнув верхнюю пуговицу не свежей рубашки и ослабив узел черного галстука, Гордон вздохнул с облегчением, словно ворот все это время душил его. Жадно чмокнул губами, отпивая коньяк прямо из горлышка. Телефон зазвонил, он рывком поднял трубку:

– Да! – Заорал шериф. – Слушай меня внимательно, Таунс! Я зря тебя там посадил? Ответ на простой вопрос? Или я полчаса назад говорил с тобой по-китайски? Объясняю в последний раз для тупых: меня до обеда ни для кого нет. Пусть это будет хоть отец Сэмуил, хоть сам папа Римский или король Нгубитаков с планеты Чиуту! Я уехал, улетел в космос, провалился к дьяволу, – он бросил трубку на стол. – Чертовы кретины! – Шериф отпил из бутылки. Джек молчал, пристально наблюдая за Гордоном, не припоминая, чтобы видел его когда-нибудь в таком состоянии.

– Привет, Джек, – рявкнул он.

– Здравствуйте сэр.

– Ну и денек сегодня. Все будто с ума посходили.

Джек молчал. Гордон прошелся по кабинету. Запер дверь на ключ. Сдвинул жалюзи, бросив взгляд на «Озеро». Достал из сейфа два пластиковых стаканчика и поставил на стол. Парень обвел глазами светлые стены кабинета, портрет Линкольна над столом, черный кожаный диван с круглыми подлокотниками возле двери, два высоких шкафа из сосны, с плотно закрытыми дверками, слева зеленый фикус в большом пластмассовом горшке. Каждая вещь на своем месте и ничего лишнего, кроме бумаг, небрежно разбросанных по столу.

– Что все-таки произошло с Полом, – голос отчего-то стал хриплым.

– Ну-ка сделай глоток, – Гордон поставил перед ним стаканчик, наполовину наполненный янтарной жидкостью. – Я понимаю, тебе еще рановато, но сегодня это просто необходимо.

– Нет, спасибо! – Джек отодвинул стакан. – Обойдусь!

– Ну, как знаешь, чемпион!

Гордон одним глотком выпил коньяк, сел за стол и мрачно уставился на Джека.

– Вы сказали, что Пол принимал алкоголь? Но ведь экспертизу еще не проводили!

– Не проводили.

– Пол никогда не употреблял спиртные напитки. Я его знал достаточно хорошо, чтобы утверждать! – Слово «знал» вызвало в душе новый приступ боли. – Почему вы решили...

– Это всего лишь одна из версий, Джек.

– Одна из версий? Вы же профессионал, вы должны осознавать последствия. Вы сказали Рейчел, прекрасно зная ее характер – она разболтает всему городу. Вы намеренно так поступили? Зачем? Для чего вводить людей в заблуждения, убеждая в неверном? Вы не имели право. Вы еще ничего не знаете.

– Видишь ли, Джек, иногда необходимо принимать поспешные решения. Мне не нужна паника. Некоторым везде мерещатся заговоры и тайные подоплеки. Ты не глупый парень и дол-

жен понять. Сегодня на день труда из Виржинии приедет очередная партия туристов. Крайне нежелательно распространяться о том, что произошло. Если очередной зевака решит, что у нас недостаточно безопасно на Моун-Худ, а затем поделится с соседом бредовыми мыслями... Сам подумай.

Шоссе пересекает основная трасса, через Чемолт на Спрингфилд, и если ее перекроют для официального расследования эти умники сверху, для нас это чревато последствиями. Не говоря уже о козне и неминуемых штрафах. Плюс ко всему перенесут кубок Серебряного бобра в Финикс – а это уже колоссальные убытки. Придется сократить дотации, что неминуемо скажется на благосостоянии горожан.

– Да о чем вы говорите? Погиб Пол, сын вашего лучшего друга, а вы переживаете, что из-за этого перекроют дорогу или изменят место проведения чемпионата, потому как пострадает ваша хваленая репутация? Потому что город понесет убытки? Как вы...

– Не кипятись, парень. Это касается не только одного меня, а нас всех. Джереми все прекрасно понимает и полностью согласен с таким мнением. Пола не вернуть, а нам жить дальше. Мы здесь все в одной лодке и должны сохранять имидж спокойного и надежного города, чтобы не произошло. И не только ради себя или гребаного имиджа. Если сюда нагрянет ФБР, то о спокойствии останется только мечтать. Тогда уже они, а не мы станут распоряжаться городом. Расследованием по делу Пола, я займусь самолично, и смею заверить, во всем разберусь не хуже, а виновные, если таковы и имеются, будут наказаны.

Джек ошеломленно смотрел на шерифа. Неужели это говорит Гордон? Да что происходит? Шериф сделал глоток из бутылки, скривился:

– Ну и крепкая же, зараза. Ты думаешь, мне не жаль паренька? Или я не хочу докопаться до сути. Хотя уверен на девяносто девять процентов парню просто захотелось пошалить. Ваши чертовы гонки должны были когда-нибудь закончиться нечто подобным!

– Пол не был легкомысленным. И он никогда не участвовал в гонках! Он не употреблял спиртного!

– И не утверждаю, но молодость! Я сам был таким, как вы. Что греха таить иногда и отступал от правил. Все прекрасно понимаю: лямур и тестостерон.

– Да о чем вы? Вся эта чушь к Полу не относится, уверяю! У него пунктик на правилах. Скорее отец Сэмюил напьется в «Боссе». К тому же, Пол не мог травмированной ногой управлять автомобилем. Он ступить на нее даже не мог!

– Значит мог! – Шериф устало вздохнул, потер покрасневшие от бессонной ночи глаза. В дверь постучали. Несколько раз дернули ручку. Тут же раздался телефонный звонок. Гордон выругался и выдернул телефонный штепсель из розетки.

– Как он прошел мимо охраны?

– Спустился через окно.

– Невозможно! Для него – невозможно.

– Поверь, парень так и сделал. Мы обнаружили веревку, свисающую с карниза. Пол угнал «вайпер» Стива Чаполтона, охранника, и за коим чертом направился на серпантин, хотя можно без проблем проехать по объездной дороге, если уж так было необходимо направиться именно туда? Вечером Полу давали обезболивающее, которое несколько притупляет внимание и концентрацию, может и это сыграло роль. Скорее всего. Дождемся результатов вскрытия. Пока рано делать какие-либо выводы. В любом случае причину, толкнувшую его на это, возможно, мы никогда не узнаем.

– Веревка? Что за веревка, как она у него оказалась?

– Выясняем, может, Пол заранее планировал побег. Разберемся.

– Планировал подвернуть ногу и оказаться в госпитале, чтобы ночью, рискуя сломать шею, спуститься со второго этажа и угнать чужую тачку? Бред. Вы сами это понимаете.

– Джек, мы работаем! Что ты от меня хочешь?

– Может, он звонил родителям или связывался с кем-нибудь еще?
– Мы делали запрос в телефонную компанию: звонков с его телефона после шести вечера не было.

– Он мог звонить с телефона госпиталя.

– Медсестра уверяет – нет. Она не отлучалась с поста ни на минуту, и мы проверяет это. В холле все время работает камера, мои ребята уже изучают запись.

– На месте аварии ничего интересного не обнаружили? Возможно следы другой машины?

Гордон подозрительно сощурил глаза, потянулся к коньяку.

– Нет, я сам все осматривал. Машина потеряла управление – это очевидно, как дважды два. Удар о ограждение произошел на полной скорости, и просто чудо, что Пола выбросило на дорогу, а не в пропасть. В таком случае нам предстояло бы собирать тело по кусочкам, соскабливая ошметки со стволов деревьев. Еще дольше занял бы процесс идентификации, потому что идентифицировать, собственно говоря, было бы нечего. Машина взорвалась от удара о землю, в салоне все выгорело. Если что-то там и было, то теперь улики безнадежно утеряны.

– Ну, хоть какие-то более здравомыслящие, чем лямур и все прочее, версии. Почему все же он отправился на шоссе? Есть предположения?

Гордон недовольно хмыкнул, сощутив глаза.

– Не нужно иронии. Мы работаем, Джек. И если что-нибудь станет известно, дам знать. Я никогда ничего от тебя не скрывал, сынок, – он тоскливо посмотрел на бутылку коньяка. – Хотя, если положить руку на сердце, я лично склоняюсь к версии о несчастном случае. Слышал, вы вчера гоняли на серпантине?

– Да, верно.

– Я, кажется, просил не делать этого! Знаешь, как серпантин называют – дорогой смерти. Мы несколько лет поддерживали порядок на этом паскудном участке. Раньше на ней было куда больше смертей. Но когда я занял должность шерифа, то вплотную занялся безопасностью на дорогах. – Джеку захотелось рассмеяться прямо в самодовольное лицо.

«Вплотную занялся? Да там даже фонари не работают!»

– Но ваше легкомыслие и пренебрежение запретами... Вот и жестокий пример, перечеркнувший многолетнюю работу, – он вздохнул. – Господи, помилуй! Ответь, вы никого не встретили на серпантине?

Джек колебался, говорить ли о Керлинах.

– Да! Братьев Керлиных. Но они, как и мы уехали задолго до того, как... Хотя... Вы поговорите с Фредом?

– Братья Керлины говоришь, хм...

– Да, скорей всего они полночи гоняли по городу. Вряд ли выезжали к плато «Уотерби». Но... шанс всегда есть.

– Разумеется. А вы, значит, ничего подозрительного не заметили. Никаких чужаков рядом не ошивалось?

– Чужак... – Не говорить же шерифу о старике – индейце. Может, действительно все это лишь плод его богатого воображения. Как и тот сон... про Сэмми. Ребята ведь не видели старика. Никто не подтвердит его слов, а голос ребенка возле «Озера»... Хорошо же он будет выглядеть в глазах Гордона.

«Меня упрячут в сумасшедший дом, точно».

– Нет, я говорил с ребятами – они ничего необычного не видели.

– А ты, – Гордон подозрительно уставился на Джека. Глаза почти исчезли, превратившись в узкие прорези.

– И я.

– Вы ведь навещали Пола вчера? Он вел себя, как обычно? Может, был взволнован? Рассказал что-нибудь заслуживающего внимания? Вел себя подозрительно? Нервничал, был взвинчен?

Джек побледнел, на лбу мгновенно выступили капельки пота.

В дверь настойчиво постучали:

– Сэр, с вами хочет поговорить Джереми Хьюстон! Возьмите телефон.

Шериф выругался, отвел глаза, и наклонился подключить телефонную розетку.

– Бедная Тина! Ее еле откачали, когда она узнала о произошедшем. Это был просто кошмар, – он сокрушенно покачал головой. Поглядел на остатки янтарной жидкости и отпил из горлышка полупустой бутылки. Телефон зазвонил, и Гордон поднял трубку:

– Да Джереми, прими мои глубокие соболезнования. Я сделаю все, что в моих силах. Мы и будем рыть землю. Ты же меня знаешь. Подъеду к тебе после службы, и мы обо все поговорим. Снейк проводит вскрытие. Крепись, друг. Бог нас не покинет! Да, экспертиза может занять какое-то время. Да, думаю да. К четвергу все будет готово! Хорошо.

Гордон поспешно бросил трубку, словно та вдруг раскалилась и стала жечь кожу. Дернул ворот рубашки. Капельки пота стекали по багровому лицу.

– Сэр, я могу проехать на место аварии?

– Зачем, ради всего святого, Джек? Поверь, ни к чему. Нет надобности мешать парням делать свою работу. Все и так на нервах. К тому же твоя мать за это по голове не погладит. Да и тебе незачем смотреть на такое. Учитывая м... – он с силой закусил губу. Приложился к бутылке. Смачно рыгнул.

– Я вас прошу!

Гордон уставился на него тяжелым взглядом. Снова отпил из бутылки, не спуская с Джека темных глаз, начисто забыв о стоявшем рядом пластиковом стакане. Так удобнее.

– Знай, если б об этом просил кто-нибудь другой, не думаю, что позволил бы. Но тебе, – он хлопнул ладонями о колени. – Хорошо, можешь съездить. Позвоню, чтобы тебя пропустили. Но только без самостоятельности. Над этим делом работают настоящие профессионалы, и не нужно мешать им в их деле. О, кей? Думаю, парень, мы понимаем друг друга?

– Да, сэр, разумеется.

– Вот так дела! – Он похлопал Джека по руке. – Похороны состоятся в четверг. Мне действительно, очень жаль, что такое случилось с Полом. Хороший был мальчик. Но все, что мы сейчас делаем, делаем во благо города. Ты должен понимать это.

Гордон отпер дверь. Джек поднялся.

– Да, есть еще одно. Хотя сейчас не вполне подходящий случай, и мне, видит Бог, совершенно не хочется влезать в ваши отношения с Рейчел, но она моя дочь. Знаю, что у нее тяжелый характер и с ней нелегко договориться, но ты должен понять... Она дорога мне и я тоже считаю, что ты не достаточно уделяешь ей внимания.

Конечно, понимаю, ты занят работой, тренировкой, школой, но ведь и она не бездельница: она редактор школьной газеты, капитан группы поддержки, отлично учится в школе, и она ведь находит время, чтобы встретиться с тобой. Рейчел очень красивая девушка, на нее многие обращают внимания, и такое отношение с твоей стороны сильно задевает. Ты мне как сын, и я всего лишь хочу, чтобы у вас все было хорошо.

– Знаете, сэр, не думаю, что я тот парень, который необходим вашей дочери.

– О чем это ты? – Гордон нахмурился, плотно сжал губы, исподлобья глянув на парня.

– Мы совершенно разные люди. Не думаю, чтобы мы смогли...

– Стоп, Джек, – голос поднялся на полтона выше. – Ты забыл, какая роль отведена вам с Рейчел. Бог избрал и показал путь. Об этом каждый и мечтать не смеет. Вы избранные им дети, и с этой дороги ни тебе, ни Рейчел не свернуть, чья бы инородная воля там не была. Я не

допущу такого. Мы не допустим такого. Эта ваша судьба, ваша жизнь. Просто доверься нам. Ты все поймешь, когда наступит время.

– Скажите, сэр, а что бы вы делали, если бы на дороге погиб я, а не Пол?

Гордон несколько раз открыл и закрыл рот. Выпучив глаза, стал похож на гигантского сома, выброшенного на берег приливной волной.

– Джек, не понимаю, что ты хочешь услышать. Какую цель преследуешь, задавая эти провокационные вопросы? – Гордон запнулся, мгновенно побледнел, рука, сжимавшая бутылку, дрогнула.

– Вы говорите, что мы избранные, что было бы, если б одного из нас не стало.

– О таких вещах не шутят. И не смей об этом даже говорить, – рявкнул он.

Шериф направился к столу, устало плюхнулся в кресло и жадно припал к горлышку бутылки. На дне почти ничего не оставалось. Если дело пойдет так и дальше, к вечеру Гордон Скайокер будет пьян в стельку.

Вытерев губы тыльной стороной руки, он полез в стол за сигаретами. Закурив, жадно затянулся. Серые густые кольца дыма медленно поднимались к потолку, словно фантастический летучий змей, на миг, скрыв его лицо. До Джека дошел аромат «Блек Мун» вперемешку с запахом алкоголя и пота – гремучая смесь.

– Черт возьми, Джек, такими вещами не шутят, – снова пробормотал Гордон.

– Пожалуйста, сэр.

– Черт, ты, в самом деле, бываешь просто невыносим, – он уставился на него мутным тяжелым взглядом. – В таком случае Рейчел придется уйти в монастырь «Плача», под опеку матушки Афении. Откуда она больше никогда не выйдет. Она не сможет приехать к нам на рождество, не сможет переплыть на пароме через реку, чтобы встретиться со своим отцом. Полная изоляция, с запретом на любые свиданья.

– Вы это серьезно? – Джек ухмыльнулся, но, наткнувшись на испуганный взгляд Гордона, нахмурился. – Мы что, живем во времена первых колонистов? Нашим городом все еще правит Френсис Дебуа?

– Джек, это вовсе не шутка. Не стоит иронизировать, – прошипел шериф. – Так должно быть. Правила придуманы не орденom, так написано в «Великой Книге».

– Нет, постойте, вы что, вправду в это верите? Для чего Рейчел уходит в дом «Плача»?

– Джек, когда придет время, повторяю, ты все поймешь, и это уже не будет казаться таким веселым.

– Такое случалось когда-нибудь? Случалось, чтобы девушек насильно отправляли в монастырь?

– Тебе лучше поговорить обо всем с матушкой Афенией. Даже думать об этом не желаю. Поэтому хочу, чтобы ты уяснил раз и навсегда: ради счастья единственной дочери я пойду на все, – по налитым кровью глазам Джек понял – Гордон вовсе не шутит.

Ожил громкоговоритель:

– Мистер Гордон, на проводе мэр.

– Джек мне пора работать. Жду завтра на ужин! Отказ не принимаю. Понимаю, не слишком удачное время, но жизнь продолжается и вам еще многому предстоит научиться в этом жестоком мире – уметь и хотеть жить дальше, даже если этот гребаный мир катиться ко всем чертям.

Характер Рейчел явно от отца. Та же резкость. Та же черствость. Это как пир во время чумы. Джеку была противна сама мысль об этом ужине.

– Если будем время, приду. Премного благодарен, что уделили время.

Он вышел, почти выбежал за дверь. От духоты и вони разболелась голова. Гордон уже разговаривал с мэром и поэтому ответить не мог, но напоследок одарил суровым мыльным от алкоголя взглядом.

Беспокойство после разговора лишь усилилось. Он ничего не прояснил. Вопросов не стало меньше. В чем Джек абсолютно уверен так в том, что шериф попытается как можно быстрее и «безболезненнее» замять дело. Осталось ощущения недосказанности. Гордон скрывает настоящую информацию или чего-то боится более чем грязная репутация.

Джек не понимал, что смущало больше во всей истории: веревка, вдруг оказавшаяся у Пола, а затем и на карнизе второго этажа в госпитале «Святого Павла» или бегство парня незамеченным. Что же до Керлинов – Гордон допрашивать братьев не станет и с мэром говорить на эту тему тоже.

Мысли вернулись к Рейчел. Джек не любил девушку, это была скорее привычка. Он не видел ее рядом с собой и не хотел видеть. Но последние слова Гордона не на шутку встревожили. Неужели орден и впрямь упек бы ее в дом «Плача». И что ужаснее: прожить жизнь отшельника в монастыре или закрыв глаза быть рядом с ним. С тем, кто никогда не полюбит? Разумеется, ответ очевиден. Монастырь для нее равносителен смертному приговору, а он не убийца. Рейчел не заслуживала такой участи, хоть и была просто невыносима.

Значит – смириться, и пусть будет так, как должно быть? Значит – это рок, судьба, называй, как хочешь? Значит, нужно просто жить дальше, как говорит шериф? Но что делать с волей, которая отказывается плыть по течению, словно прогнившая в воде щепка. Покорно сложить руки и отдаться на волю случая?

Он так не может. Из любой тупиковой ситуации найдется хотя бы одна единственная тропинка в обход. Так не бывает, чтобы сто из ста... Всегда есть исключения! Всегда есть выбор! Его нужно лишь увидеть, почувствовать своим шестым чувством. Дух бунтарства лишь набирает силы. Джек никогда не мог спокойно слышать о покорности и предопределенности. Это единственное чего он не выносил!

Монастырь «Плача», как средневековый замок синей бороды! Войти можешь, выйти – нет. И действительно – он не знал никого, кто бы мог похвастаться посещением мрачного места. Не то, что туристы, ни один из местных никогда не переступал порог величественного замка.

Находясь на склоне горы, окруженный глубоким рвом, монастырь сообщался с остальным миром лишь с помощью единственного узкого каменного передвижного моста, управляемого тяжелой лебедкой. Укрепленный, словно средневековая крепость. Окруженный лесом. Таинственный и недосыгаемый для чужих.

Настоятельница матушка Афения редко выезжала по делам, являясь единственной женщиной, кому позволено беспрепятственно покидать старые стены. Хотя, по слухам, в монастыре проживали еще несколько монахинь, Джек никого из них никогда не встречал. Старый смотритель и единственный помощник матушки Афении глухонемой Торл, изредка появлялся в городе по делам монастыря. Закутанный в монашеский балахон, с натянутым на глаза капюшоном он вызывал двоякое чувство: дети его боялись, а девушки, чтобы не встретиться с ним на тротуаре, спешили перейти дорогу.

***

Недалеко от плато Уотерби на шоссе двести сорок шесть пикап остановили коронеры, но, узнав Джека, пропустили вперед с условием: дальше он пойдет пешком. Как было официально заявлено, дорогу перекрыли на ремонт, а петляющая по серпантину машина непременно вызовет ненужный интерес. Среди прибывших туристов обязательно отыщется очередной слишком любознательный зевака и станет задавать ненужные вопросы.

Джек шел по дороге, где они вчера так беззаботно гоняли, и тихо плакал. Боль, жгущая изнутри, прорвалась наружу. Лицо Пола все время стояло перед глазами, в его взгляде – тоска, грусть. Господи, он видел его всего за несколько часов до смерти.

Как же такое могло произойти? Ведь он просил сообщить, если что-то понадобится. Почему Пол не позвонил? Почему никому ничего не сказал? Джек примчался бы в любое время суток, и Пол это знал. Зачем он направился Челмонт? Что ему там было нужно?

Джек не мог представить его мертвым. Молодой жизнерадостный парень только что жал тебе руку, а теперь его нет. Он никогда не пройдет по улицам. Никогда больше не войдет в школу. Никогда не поцелует девчонку. Никогда не подарит матери цветов. Как это странно и жутко! Он жил, кипел планами, надеждами, встречался с друзьями, играл в футбол, а теперь лежит на разделочном столе в госпитале «Святого Павла». Неужели жизнь так бессмысленна? Ради чего?

Солнце начинало припекать, небо очистилось от туч, став ярко голубым. Непогода и ливень ушли на север, оставив после себя мокрый асфальт и разбросанные листья. Слабый ветерок играл с непослушными волосами. Нежно прикоснулся к лицу, вытирая слезы, как заботливая мать, но Джек ничего не ощущал, кроме душевной муки и давящей грудной боли, не слышал трель жаворонка, не замечал ярких лучей солнца и воробьев, беззаботно плескающихся в лужах. Перед глазами сплошная тьма, а в сердце поселился страх – ощущение безысходности и хрупкости человеческой жизни.

Джек пытался восстановить вчерашний вечер в госпитале буквально по минутам. Может, что-либо осталось незамеченным: голос, мимика, любая на первый взгляд не имеющая значения деталь. Что он не видит?

Обычный вечер, ничем не отличавшийся от сотни других: тишина холла, мерцающий свет лампы дневного освещения, поскрипывающая от сквозняка дверь в конце коридора. Он не находил зацепки, не знал, где искать. Не мог придумать повода, оправдывающий побег Пола.

Участок дороги, где произошла авария, огородили желтой лентой с надписью «Полиция Фейерлейка. Округ Лейк». В глаза сразу бросилось разорванное наружу ограждение, смятый, словно картонная коробка, бетонный столб и лужа крови, приблизительно в десяти ярдах дальше.

Несколько ворон, оглашая небо громкими криками, летали над спящими по дороге людьми, пытаясь ближе подобраться к островку запекшейся крови. Опускаясь на каменные валуны, сенили лапками к возделенному обеду. Настороженные глазки зорко следили за полицейскими. При малейшей угрозе птицы громко и возмущенно каркали, размахивая крыльями, но улетать не спешили.

Копы не обращали на ворон никакого внимания, привыкшие к их неминуемому присутствию, но Джека при виде жуткого пятна крови и черных птиц, чуть не вывернуло наизнанку. Он закашлялся и отвернулся. Сердце забилося учащенно и громко. Подняв с дороги гальку, он запустил ею в наглецов, которые взмыв вверх, огласили округу недовольным карканьем.

– Вот гадкие отродья, – процедил он сквозь зубы.

На месте работала бригада Гордона. Двое полицейских измеряли лебедкой тормозной путь, оставленный колесами «вайпера». Тормозной путь не смыл даже идущий ночью сильный ливень. Темной линией он четко выделялся на мокром асфальте, обрываясь возле разорванного ограждения.

Машина неслась с большой скоростью. Сначала «вайпер» занесло на повороте, закрутило, ударило левым боком по касательной, развернуло и выбросило в пропасть, легко разорвав неустойчивое ограждение. Все это Джек услышал от пожилого человека в гражданской одежде, говорившего в диктофон. Он кивнул ему, продолжая обследовать дорогу дюйм за дюймом.

По всему периметру разбросаны куски металла, стекла, обрывки одежды, несколько смятых фотографий. Джек заметил в трех футах вправо сломанную шариковую ручку, и желудок болезненно сжался. Молодой человек в форме, стоявший рядом, проследил за взглядом.

– Только не трогай здесь ничего, Джек! – Он подошел, сочувственно заглядывая в глаза. Даже сквозь природную смуглость заметно, как коп побледнел. – Шериф звонил, предупредил, что ты подъедешь. По мне, так лучше бы ты не приезжал. Не нужно смотреть на такое.

Щелкал затвор фотоаппарата. Еще одни коп записывал показания в синий блокнот, двое других тихо переговаривались в стороне.

– Как думаешь, Грег, аварию могли спровоцировать? – Совладев с дыханием, Джек посмотрел прямо в глаза полицейскому.

– Пока трудно сказать определенно, хотя такую возможность тоже исключать не стоит. Но если смотреть на тормозной путь, видно: Пол не сбросил скорость перед поворотом, что на этом участке дороги чистое самоубийство.

– Ты хочешь сказать, он мог сделать это преднамеренно?

– Сейчас ничего нельзя сказать с полной уверенностью. Может, дело в плохой видимости, ведь шел ливень, и он мог просто не заметить поворот. Предстоит поработать, чтобы сказать определенно, – полицейский устало посмотрел на Джека. – Хотя на кой черт нужно было кому-то придумывать столь хитроумный план, чтобы сделать свое черное дело, когда есть масса других более эффективных методов, которые и следов бы не оставили. Да и кому мог помешать парень, если ты думаешь об этом? Скорее всего – действительно нелепый несчастный случай. Девяносто пять из ста!

Джек поморщился, вспоминая слова Гордона.

Девяносто пять из ста...

– Значит, все же остаются пять процентов, которые не стоит списывать со счетов? – Коп в ответ вяло пожал плечами.

– Не кажется подозрительным, что Пол сорвался посреди ночи, никому не позвонив. Он мог попросить помощи прежде, чем бросаться головой в омут. Что могло произойти такого, что подтолкнуло его на опрометчивые действия? Вы думаете, Пол просто вот так взял и сбежал с госпиталя, как безответственный подросток? И как – через окно? Он не мог вчера даже ступить на травмированную ногу, тем более спуститься с окна! Не мог не осознавать, что водить машину в таком состоянии, еще и при такой погоде, чистое самоубийство. Вы же его знаете. Он сто раз подумает...

– Молодые импульсивные. Мы вряд ли теперь узнаем, о чем он думал в тот момент, Джек. Мой тебе совет: не забивай голову такими мыслями. Не рви душу. Что произошло – то произошло, ничего уже не вернешь. На то и расследование, чтобы разобраться, что к чему. Оставь копам ломать голову и искать ответы. Возвращайся в город. Нам необходимо как можно быстрее все закончить и открыть дорогу.

– Постой, Грег, а вы ничего подозрительного не обнаружили?

– Что, например?

– Ну, какую-нибудь вещь, которая не может принадлежать Полу.

– Джек... парень угнал чужую машину. Тут ничего ему не принадлежит.

Стоящий рядом полицейский, все время говоривший в диктофон, начинал нервно поглядывать в их сторону. Наконец, он не выдержал:

– Грег, когда прекратишь трепаться. Ты что на ярмарочном базаре? Кто будет делать за тебя работу? Может, предложишь мне? – Он фыркнул, отойдя в сторону. Строгий серый костюм сидел как влитой. Верхняя пуговица на белой шелковой рубашке, несмотря на жару, наглухо застегнута. Галстук подобран под цвет пиджака. Лакированные туфли начищены до блеска.

– Простите, сэр, это я виноват, – Джек кивнул пожилому полицейскому.

– Не стоит лишний раз брать ответственность на себя, парень. Я прекрасно все понимаю, Джек, но работа есть работа. И еще, знай: я не одобряю действия сэра Гордона и его распоряжения пропустить тебя на территорию.

– Да, сэр, понимаю, еще минута! – Он снова обратился к Грегу. – Шериф говорил, что первыми пожар заметили из монастыря, а кто конкретно звонил?

Грег, расстегнул верхние пуговицы рубашки. На лице выступили капельки пота. Становилось невыносимо душно. Джек глянул на двух ворон, с криком опустившихся рядом на дорогу. Довольно крупные, с серебристо-черным опереньем и большим коричневым клювом,

они истошно каркали, хлопая крыльями, и кидались друг на друга в борьбе за угощение, пока одна из них не сдалась и не убралась прочь.

– Добычу делят, что за мерзкие создания? – Вздохнул Грег.

– Это не создания, а черные души.

– О чем это ты?

– Да, так. Мой друг так говорит.

– И он, скорей всего, прав, – вздохнул коп, с презрением косясь в сторону неугомонных птиц.

– Не думаю, птицы всегда лишь птицы. Так кто звонил? – Джек пытался отвести взгляд от особенно жирного ворона с необычной расцветкой – черный с одним совершенно белым крылом. Ворон нагло пялился на него, держа в клюве кусок чего-то розового и мягкого. Замутило. Комок подкатил к самому горлу.

– Вообще-то это закрытая информация. К тому же матушка Афения наотрез отказалась назвать имя звонившего. Знаю только, что ей позвонили из монастыря примерно в начале третьего утра.

– Отказалась, почему? Неужели шериф не может настоять...

– Потому что нельзя нарушать покой ищущих уединение от мирской жизни, Джек. К тому же женщина, уйдя в монастырь, отрекается от своего настоящего имени, данного ей при рождении. Матушка Афения нарекает ее другим именем, и это имя нам ни о чем не скажет. У нас нет возможных полномочий для опроса свидетеля такого рода. Ты же знаешь, матушка ревностно соблюдает обычаи и никогда не допустит, чтобы в монастырь вошел посторонний. Туда и с целой армией не пробиться.

– Сержант Каспер! – Прокричал полицейский, фотографирующий прорванное ограждение.

– Да, сэр.

– Подъехал эвакуатор. Давай вниз. Скажи, что мы закончили – они могут забирать машину.

– Да, сэр.

Грег напоследок кивнул Джеку, тут же направился к мотоциклу. Надев шлем, сорвался с места, обдав запахом выхлопных газов. Ворон с белым крылом пугливо каркнул, выронив добычу, и улетел прочь.

Полицейские свернули лебедку. Чак Бенкс выключил диктофон, убрал в карман брюк и недовольно покосился в сторону Джека. Несмотря на бессонную ночь, помощник шерифа чувствовал себя просто превосходно.

Деятельный от природы, Чак последние несколько лет изнывал от рутинной бумажной работы в управлении. Бесконечные отчеты и доклады сводили с ума. Он тосковал по настоящему расследованию. Жаждал участвовать в перестрелке. Брать вооруженного преступника, оказывающего яростное сопротивление. Идти по следу, словно собака. Не спать по ночам, сутками просиживая в засаде без еды и воды. Он был настоящей ищейкой, никогда не сворачивающей с дороги, а в кого он превратился в Файерлейке? В пыльного бумажного червя!

Чак Бенкс получил перевод из полиции Прайнвилла в это богом забытое место несколько лет назад за чрезмерное усердие в одном деликатном деле, затрагивающем весьма высокопоставленных особ. Чак получил значок детектива и приехал в Файерлейк – тихий уединенный городок, где ничего никогда не происходило, и ничего никогда не случалось, кроме пьяных драк возле «Босса» и бегства домашних котов.

И вот теперь появилось что-то более интересное, чем заполнение очередного бланка. У него нюх на подобные дела. Чак нутром чувствовал в этом, казалось бы, ясном деле не все так просто.

Тело лежало на асфальте вопреки траектории падения при ударе машины о заграждение, и которое по всем законам физики должно было сорваться в пропасть. Кто-то, видимо, очень старался, чтобы тело нашли и опознали как можно быстрее. Это не несчастный случай.

Теперь в этом детектив был почти убежден. Чем дольше он обследовал место трагедии, тем более росла уверенность. Но пока Бенкс не намерен делиться подозрениями с шерифом. Для начала сам проведет небольшое расследование. Любая теория должна опираться на факты, а пока у него их нет, лишь предположения.

Начнет он, пожалуй, с Джека и его компании. Что-то парень слишком напряжен и нервничает. На кой черт ему понадобилось приходить на место трагедии? Постоянно оглядывается, руки дрожат. По-видимому, звезда футбола действительно владеет информацией, а может что-либо видел. Возможно, Пол Хьюстон успел рассказать ему нечто интересное. Необходимо более внимательно присмотреться к Джеку. Очень уж интересные вопросы задает он олуху Касперу, даже более чем. Вопросы, наводящие на определенные мысли.

Бенкс искоса бросил взгляд на Джека, который в этот момент смотрел вниз на сгоревший остов машины, на сломанные и обугленные деревья. Отметил, как между бровями залегла глубокая складка, руки сжаты в кулаки, слегка дрожат, и, не смотря на жару, кожа покрыта мурашками. На лбу капельки пота, дышит часто и прерывисто. Стресс на лицо. Оно и понятно – потерял друга и все такое, но есть что-то еще. Страх?

Но чего Джеку бояться, если только... Если только это не отлично разыгранный спектакль? Зачем такому парню, как он приходить на место происшествия сразу после аварии? И почему Гордон дал на это согласие?

– Джек, можно тебя?

– Да, сэр, конечно, – парень удивленно смотрел на детектива.

– Мне необходимо задать тебе несколько вопросов. Мы могли бы где-нибудь встретиться и поговорить в более приятной обстановке.

– Если это необходимо.

– Думаю необходимо. Так, где и когда? – Усталые глаза смотрели ничего не выражающим взглядом, словно говорили: «мне все до чертиков надоело, но таковы правила».

– Завтра в девять вечера на аллее «Огня» у «Озера». Устроит, не слишком поздно? Раньше не получится: тренировка, работа, школа...

– Понимаю. Вполне подходит, заодно прогуляюсь перед сном. Для меня, как для старого холостяка время ничего не значит. Я волен распоряжаться им на свое усмотрение. А теперь парень, позволь закончить работу.

– Конечно.

Джек в последний раз бросил взгляд вниз на обгоревший скелет машины, из которой до сих пор валил дым. Пологий склон круто уходил вниз. Местами деревья и кусты вырваны с корнем, уцелевшие – чернели обугленными верхушками. Падая, машина оставила позади себя след, словно кровоточащий рваный разрез на коже от ржавого тупого лезвия. Смертельная дорога, ведущая в никуда!

Внизу работала вторая группа, которая до сих пор ничего заслуживающего внимания не обнаружила – огонь уничтожил улики, если таковы и имелись. Тем не менее, копы продолжали прочесывать место падения дюйм за дюймом. Искореженный каркас машины уже грузили на эвакуатор.

Джек развернулся и, сутулясь, направился к пикапу. Если бы он вдруг обернулся, то поразился бы разительной перемене, произошедшей в облике детектива. Мутный апатичный взгляд исчез, а вместо него появился цепкий оценивающий взгляд профессионала-ищейки, не упускающей ни малейшей детали. Чак Бенкс, сощурился, с подозрением и легким нетерпением следил за уходящим парнем, затем поднес руку с часами к самому лицу:

– Так-так, – многозначительно протянул он. Брови вопросительно поднялись вверх.

***

Когда Джек подъезжал к городу, зазвонил сотовый. Перед глазами до сих пор стояло темное кровавое пятно и жирная ворона, клевавшая землю. Джека тошнило.

– Да, Луис.

– Ты где? – Выдохнул в трубку друг. – Не мог к тебе пробиться! Временно недоступен. Ты что отключал телефон?

– Подъезжаю к городу. Решил съездить на место аварии. Ты же знаешь, здесь сотовый плохо ловит.

– Ты ездил на Уотерби? Что же ты... Почему мне не позвонил, я поехал бы с тобой!

– Извини. Все расскажу при встрече. Это нужно было сделать как можно скорее, пока они не убрали машину и не уничтожили все следы. Времени оставалось мало. Вы где?

– В церкви. Здесь практически собрался весь город. Не подъехали только Хьюстоны, их ждут с минуты на минуту. Ты успеешь?

– Да, скоро буду. Увидимся.

– Джек, ты в порядке?

– В полном, – он убрал телефон. Мысли все время возвращались к Полу и произошедшей аварии.

«Сегодня на шоссе уберут свидетельства трагедии. Поставят новое ограждения, наладят освещение, и дорогу откроют. Все пойдет обычным чередом. Город продолжит жить своей уединенной жизнью. Джек со временем, возможно, забудет его. Боль потери с годами притупится. Она выйдет замуж, а Пол станет историей... Только не для его семьи...»

Луис с Майклом встретили Джека возле массивных дверей церкви. Он автоматически вложил пожертвование в прорезь чаши «Подношений» и отвернулся, не желая смотреть на друзей. Не хотел, чтобы они видели его таким. Не хотел видеть, что переживают они. Все и так предельно ясно.

– Интересно, как они деньги достают, – прошептал Майкл, разглядывая овальную, без каких-либо отверстий для ключа сферу. – Не вижу ничего, чем бы можно было это открыть, – по дрожащему голосу и застывшему лицу было понятно: он говорит только ради того, чтобы скрыть от остальных то, что и так написано на лице: растерянность, ужас, жалость, неверие – все вперемешку.

Дэн остался в церкви, и не вышел встретить Джека. Парень неестественно прямо сидел на самой дальней скамье и слезы не переставая текли из глаз. Он даже не сразу заметил ребят, опустившихся рядом. Луис легонько сжал его плечо, давая понять, что он не один.

Зал постепенно наполнялся людьми, шепотом обсуждавших произошедшее. На лицах застыли недоумение и страх. Каждый в городе испытал шок и каждый задавался вопросом: как такое могло произойти?

На первой скамье вместе с родителями сидела Джесика, девушка Пола. Уткнувшись в отцовское плечо, она тихо всхлипывала. Шериф Гордон, вспотевший и красный от жары, нервно вытирал дрожащей рукой, с зажатым в ней носовым платком, обрюзгшее лицо, то и дело нетерпеливо поднося руку с часами к глазам. Рядом – его молодая жена, на лице которой застыла маска растерянности и печали. Рейчел нигде не было видно. Джек возблагодарил Бога за то, что ее сейчас не было в церкви. Он вряд ли смог вынести ее скучающий и вечно недовольный вид.

Ближе к проходу расположилась семья мэра: его сыновья – Артур и Генри. Джек отметил, что Фреда тоже нет. В середине ряда пустовало два места для Джереми и Тины Хьюстон, родителей Пола.

Прямоугольный зал тонул в тусклом свете свечей. По традиции свет не зажгли и только широкие, как блюдце свечи, развешенные в специальные позолоченные подсвечники, рассеивали темноту. Лакированные деревянные скамьи с высокими спинками стояли в двенадцать

рядов. Высокие резные колонны из белого мрамора по обе стороны уходили далеко вверх, теряясь во мраке свода.

Потолок, с изображенными ликами святых и сценами их жизни, разрисован особым составом краски, которая уже многие десятилетия не теряла свойств, не тускнела, оставаясь такой же яркой и блестящей. Каждый раз, когда массивные дубовые двери распахивались, и легкий сквозняк играл с ярким пламенем свечей, сцены оживали. Святые будто двигались, склоняясь в почтительном поклоне. Стены храма украшали позолоченные иконы, а в центре за алтарем располагался большой крест.

Прямо перед алтарем, на невысоком постаменте портрет Пола, с траурной черной лентой, где он счастливо улыбался на фоне цветущего кипариса. Темные, коротко остриженные прямые волосы аккуратно уложены, на щеках играет яркий румянец, в карих глазах – озорство, дерзость и сила жизни.

Джек всматривался в знакомое лицо, не желая верить, не осознавая, что его больше нет. Такого не могло произойти с ним. Только не здесь и не сейчас. Как можно в одно короткое мгновение исчезнуть, перестать существовать, превратиться в ничто? Как можно не ощущать тепла солнечных лучей, не слышать птиц и стрекот кузнечиков, не дотронуться до пушистого травяного ковра за домом, не окунуться в жаркий день в ледяные воды Овайхи, не вдохнуть полной грудью утреннюю прохладу. Как такое возможно?

Джек сразу услышал голос Рейчел, появившуюся в дверях вместе с Фредом, увидел учителей школы, входящих следом, директора, которая смотрела вперед со скорбью и болью. Вот она отыскала взглядом его. Джек прочел по губам лишь одно слово:

– Держись.

Ламар Уокер, выглядевший не менее потрясенным. Матушка Афения, в черном монашеском одеянии, замерла неподвижно, возле алтаря, словно греческая статуя. Доктор Снейк тихо разговаривал со старушкой миссис Грейс, украдкой вытиравшей слезы. Парень растерянно наблюдал за лицами горожан, пытаясь понять. И как ни старался, ничего не выходило.

Зачем бороться, если все предопределено? Зачем ушел Сэм, отец? Зачем жить, если жизнь бессмысленна, и может закончиться в один миг? А наши призрачные надежды и лозунги лишь оправдание самого существования. Ради чего? Что всеми нами движет? Зачем мы мучаемся, страдаем, надеемся? В чем смысл всего этого? Искупление прошлых грехов? Спасение души? Господи, какая душа?

Майкл, сжав кулаки, низко опустил голову, разглядывая кроссовки. Его девушка, Кети, то и дело с мольбой глядела на него с другого конца зала. Ее глаза блестели от слез, и она все ждала, что он подымет голову, и они встретятся взглядом. Недалеко родители Майкла: его брат Макс и маленькая Сью, которая испуганно жалась к матери, не понимая, почему все вокруг плачут.

Глазами Джек отыскал мать. Керол смотрела прямо перед собой, застывшая, словно кусок льда. Глаза были сухи и пусты, как заброшенный колодец. Бледность лица резко контрастировала с черным, наглухо застегнутым платьем. Светлые волосы беспорядочно собраны в пучок, а руки безвольно лежат на коленях. Страшные воспоминания затопили разум, отстранив от всего, что здесь происходило. Теперь он горько пожалел, что находился не рядом с ней.

Неожиданно воцарилась тишина, все повернули головы к двери. Появление родителей Пола заставило прихожан буквально замереть на своих местах. Джереми и Тина Хьюстон медленно шли по дорожке между рядами. Отец Пола одет в строгий дорогой костюм для официальных приемов, а Тина в простую черную атласную юбку и серую блузу. Волнистые волосы перевязаны траурной лентой, в лице – ни кровинки.

Мистера Джереми нельзя было узнать. Буквально за несколько часов из пышущего здоровьем мужчины, преуспевающего бизнесмена и патологического везунчика, он превратился в сгорбленного больного старика, потерявшего все, ради чего все эти годы работал и жил. Муж-

чина, шаркая, брел по ковровой дорожке, как осужденный на эшафот, прощаясь со всем, что было дорого, и безропотно смирившись с ожидающей его участью.

Тина до сих пор не осознавала, что происходит: недоуменно смотрела по сторонам, озадаченно глядела на мужа. Высокую, статную ее вели под руку, будто безропотную куклу, непонимающую, что от нее требуют. Пустым взглядом, в котором не было и намека на слезы, она обводила присутствующих в зале, заглядывая в лица с немим вопросом. От этого становилось жутко.

Джереми подвел ее к скамейке: мутный взгляд остановился на портрете Пола. Она долго вглядывалась в дорогое лицо, пока вдруг не покачнулась и упала бы, если б Джереми не успел подхватить ее под локоть. В зале кто-то охнул, люди зашептались. Джереми усадил Тину и опустился рядом, взяв за руку, пытаясь согреть ледяную ладонь жены, которая остановив немигающий взгляд на портрете, замерла, будто растворившись в нем. Словно мысленно уйдя туда же, где находился сейчас ее любимый сын.

Из боковой комнатки к алтарю в черной рясе и с библией в руках торжественно вышел отец Сэмуил. В зале стало так тихо, что было слышно жужжание случайно залетевшей в зал пчелы.

– Дети мои! – Медленно на распев произнес священник. – Сегодня день рождения святой Богородицы. День, который мы так ждали и так готовились к его празднеству. Но случилась ужасная трагедия, принесла боль постигшей нас тяжелой утраты. Наш любимый Пол Хьюстон ушел в царство Господа нашего. Ушел молодым, в полном рассвете. Ушел неожиданно и раньше срока. Ушел, оставив незавершенные дела и планы. Он был одним из лучших среди нас. Братом нашей веры и добропорядочным католиком.

Сейчас он вкушает небесную манну рядом с Иисусом, и мы молимся за него. Мы молим о вечной жизни. Мы молим о тех, кто остался здесь, чтобы хранить о нем память, которая никогда не покинет любящие сердца. За веру, которая станет опорой для нас в столь тяжелое время.

Каждый приходит в этот мир со своим сроком. И нам не дано знать, сколь уготовано и послано нам. Как говорить в священном писании, призовет Бог самых достойных под свои знамена, ибо скоро грянет священная война: война светлых ангелов с темными силами ада. И мы собрались здесь, чтобы помолиться о невинной душе Пола Хьюстона. Просить о прощении грехов, совершенных им вольных и невольных. Просить даровать ему царство Божие и успокоение души. Мы собрались, чтобы почтить память, вспомнить каким он был примерным гражданином своей страны и любящим сыном, – священник поднял глаза к потолку.

Джереми зарыдал, закрыв лицо руками, он все время произносил имя сына, раскачиваясь взад – вперед, будто звал его, но Тина продолжала пребывать в ступоре, не смея отвести взгляда от портрета и не реагируя на происходящее вокруг. В зале вскрикнула Джес, потеряв сознание. Доктор Снейк тут же очутился рядом, оказывая помощь. Поднялся гул. Сидевший рядом с Джеком Дэнни застонал, пряча лицо на плече Луиса.

– Что же это такое? – Повторял он срывающимся голосом.

Джек держался из последних сил. Несмотря на духоту зала, начало лихорадить. Перед глазами плыло кровавое пятно и черные птицы, жадно клевавшие добычу. Он бросил взгляд на мать. Керол смотрела умоляюще и испуганно. Он видел, как посинели ее губы, а под глазами пролегли глубокие тени.

– Все в нашем мире предопределено, но каков будет путь, мы решаем сами, – продолжал отец Сэмуил. – Идти ли нам тернистой тропой: через боль и страдание, лишения и болезни, но светлой дорогой добра к Богу или выбрать более простой путь. Путь, который предлагает нечистый, дорогу греховную, ведущую в ад, обрекающую на вечные муки и изгнание. Наш Пол не боялся тяжелого пути, он шел праведной дорогой, и будет вознагражден за это на небесах.

Он всегда останется в наших сердцах, память о нем будет храниться вечно. Ведь как сказано в писании...

Отец Сэмуил читал проповедь еще около часа. Джек плохо слушал, погружившись в собственные мысли. Он размышлял о детективе Чаке Бенксе, и его мнимом равнодушии, за которым скрывалось нечто большее, чем простое любопытство.

Мысли путались. Врывались в голову подобно смерчу. Чем больше он смотрел на портрет, тем больше задавал вопросов, тем сильнее чувствовал – это начало... начало чего-то ужасного и неминуемого. Он смотрел на горожан, пристально вглядывался в лица. Кто? Кто может стоять за всем этим.

Бенкс... Что хочет прояснить для себя детектив? Значит, его тоже что-то смущает в этой истории? Значит, он тоже не верит в несчастный случай на повороте. В противном случае коп спокойно закрыл бы дело, сдал в архив и незамедлительно отрапортовал Гордону об установленном факте несчастного случая, чем вызывал бы огромную благодарность и поощрение за честную службу. Но что-то привлекло его внимание там, на шоссе. Джек не мог объяснить, но он чувствовал то же. Как-то все не складывалось ни с характером Пола, ни с его поведением накануне и странным бегством из госпиталя. Будто утеряна какая-то деталь, последовательность событий, кем-то вырезаны несколько часов жизни Пола. Джек привык доверять ощущениям. И они еще никогда его не подводили.

Братья Керлины... могли ли они быть причастны? Если да... тогда как сумели выманить его из госпиталя, как могли заставить совершить побег? Мотивы... Их нет. Если бы дело касалось Керлинов, Пол бы позвонил. Но он не позвонил! Почему?

Мозаика не складывается, недостает слишком много пазлов. Картина непонятна и смазана. Но теперь, перебирая последние мгновение их встречи, было очевидно – Пол хотел о чем-то рассказать перед самым их уходом. Его это мучило. Он нервничал, постоянно смотрел в окно, размышлял, был рассеян, почти не вступал в диалог.

«Ну почему я не обратил на это внимания, поглощенный ничтожными мыслями о Рейчел. Почему сослался на чувство вины, которое, якобы, испытывал Пол перед командой?»

«Но ведь ему стоило только набрать мой номер! Всего один звонок мог изменить его судьбу: сидел бы Пол сейчас на веранде и пил капучино, а теперь»... – он автоматически посмотрел на доктора Снейка.

«Переживая о собственной судьбе, я оказался таким слепым. Моя вина в том, что погиб Пол. Если б я был внимательней, он не оказался бы на серпантине ночью с травмированной ногой и накачанный обезболивающими препаратами».

«А если предположить, что Пол просто не успел позвонить! Но, Господи, зачем кому-то нужно было... лишать его жизни?»

Кто-то взял за руку, с силой сжав ладонь. Подняв голову, Джек увидел склоненного к нему Луиса, пристально следившего за выражением его лица. Друг покачал головой, словно догадываясь, о чем он думает, и сильнее сжал руку.

– Ты не можешь обо всем знать, – прошептал он, и Джек не понял, что он хочет этим сказать.

Отец Сэмуил закончил речь. Теперь все желающие выходили к алтарю и говорили о Поле. Сначала к портрету подошла директор школы «Святого Патрика» Лили Стофф. Она долго говорила, каким Пол был замечательным и добрым парнем; выступили Ламар Уокер, шериф Гордон, мэр Рон Керлин, люди, которые знали его с детства, мисс Грейс и даже садовник Паркер, Моника Грейт, и еще несколько школьных друзей.

Последнее слово сказала матушка Афения. Сухо и высокопарно она заговорила о божьей воле, о том, что не всегда нам понятны его мотивы, и мы не можем постичь его великих замыслов, но должны принимать все, что ниспослано свыше, независимо от тяжести постигшего нас

горя. Все что произошло – предопределенно заранее, таков его путь, его предназначение. Она отыскала глазами Джека и уставилась на него холодным, как у рыбы-пираньи, взглядом.

– Ничего не случается без воли Бога, – добавила она. – А скорбящим родителям скажу лишь одно: вы должны отпустить сына и смириться с его уходом. Ведь смирение – истинный путь к получению божественной благодати...

Отец Пола судорожно держал руку жены. Тина сидела прямо, застывшая и ни на что не реагирующая. Даже на долю секунды не смела она отвести взгляд от портрета сына. Ни одна слезинка так и не скатилась из отрешенных пустых глаз. Фигура превратилась в мрамор, словно она заглянула в глаза Медузе Горгоне. Джек знал, что Горгона так же реальна, как и блик света, отражающийся от стеклянной поверхности портрета, и настоящее имя этому – безумие.

Возле распахнутой двери церкви показался Эрни в грязных разодранных на коленях штанах и покрытой темными пятнами клетчатой рубашке. Непонимающе обведя взглядом зал, сумасшедший, что было сил, завыл, размазывая по смуглым щекам ручьем текущие слезы. Упав на корточки, Эрни принялся колотить кулаками о каменные ступени, разбивая в кровь руки.

От нечеловеческого воя волосы встали дыбом. Кто-то закричал, чтобы его немедленно вывели вон, и Джек в изумлении понял, что визгливый и испуганный голос принадлежит Паркеру, церковному садовнику. Бобби Шифер и отец Сэмуил бросились к катающемуся по камням сумасшедшему, пытаясь привести в чувства и вывести прочь.

Расходились в полном молчании. Джереми вел за руку Тину. Женщина продолжала изумленно таращиться на портрет и оглядывалась даже тогда, когда они переступили порог церкви. С двух сторон несчастных родителей поддерживали шериф Гордон и Рон Керлин. Люди продолжали подходить, выражая соболезнование, но, похоже, только мистер Джереми понимал что происходит.

Рыдающая Кети, растолкав толпу, бросилась к Майклу. Уткнувшись в его грудь девушка, всхлипывая, бормотала какая она глупая дура, и иногда ведет себя как идиотка. Майкл осторожно приобнял ее – и счастливый и несчастный одновременно, лишь слегка качнув головой, отвечая Луису на немой вопрос.

Заметив мать, выходящую из душного церковного зала на свежий воздух, Джек поспешил на встречу. Керол с силой обняла его, прижав к себе. Ее сотрясал озноб. Ужас, который она пережила много лет назад – вернулся. Она больше не могла скрывать его под маской напускного равнодушия. Ей было страшно за их дальнейшую судьбу, и теперь Керол не могла утаить это от сына.

Происходящее напоминало кошмар из сна. Чувство вины засасывало, словно в трясины, тянуло вниз, больше не оставляя проблеска надежды, лишь злость на себя. Он погрузался в пучину безотчетного страха, и больше не хотел бороться: пусть это мертвое течение выкинет куда угодно, лишь бы все закончилось как можно быстрее и как можно болезненней.

Боль – это то, что он заслуживает. Нить жизни, словно тонкий волосок, который оборвется в любой момент, и так важно, как будут жить после тебя те, кого ты любишь. Те, кого ты оставишь.

Он не хотел, чтобы мать вновь страдала.

Он больше не допустит этого.

7

Когда днем, они с матерью вернулись из церкви, она взяла с него слово, что он обязательно пойдет на ужин к Скайокерам.

– Откуда ты об этом знаешь? – Он был так удивлен, что голос задрожал, готовый сорваться на крик.

– Джек, тебе нужно успокоиться. Неужели ты забыл – мы будущие родственники. К сожалению, я не могу пойти вместе с тобой, так как допоздна буду работать в студии. Открытие галереи не за горами, а я ничего не успеваю. Это все так ужасно на меня подействовало.

Пол... Тина... вернув былые воспоминания, это так страшно, – она закрыла лицо руками, плечи подрагивали. Джек подошел к дивану и опустился рядом. – Я боюсь, что с тобой может случиться несчастье. Джек пообещай, что будешь вести себя разумно, осторожно. Пожалуйста. Джек, пообещай, что ты меня не бросишь!

Он обнял ее за плечи, прижав к себе.

– Ты же знаешь – я никогда так не поступлю, да?

– Да...

– Мама кто звонил утром? Почему ты бросилась из дома, ничего не сказав? Ты тогда уже знала о Поле, верно? Тебе сказали об аварии?

– Я не могла... не смогла бы повторить тебе это. Не смогла бы, даже если захотела. Мне необходимо было срочно поехать на собрание, потому что...

– На собрание? Мама произошло такое, а ты отправилась на собрание ордена?

– Джек, дорогой, я не могу говорить об этом. В день восемнадцатилетия тебя во все посвятят, и ты поймешь, что я имею в виду, но только не теперь, слышишь. Ты же знаешь, Тина Хьюстон входит в число руководителей, нам нужно было принять незамедлительные меры для...

Он бросил взгляд на ее бледное лицо, на пучок светлых волос кое-как скрепленные резинкой на затылке, на морщинки под глазами, на опущенные вниз уголки рта, на беспокойные руки, теребящие носовой платочек, и жалость смягчила готовые сорваться с губ обвинения.

– Какие меры? – Тихо спросил он. Керол заплакала. Он взял ее за руку. Она такая маленькая, такая беззащитная, и у нее нет никого, кроме Джека.

– Мама, послушай! Я все сделаю, только обещай больше не плакать. Как ты скажешь, так и будет. Ты меня слышишь? Ты меня поняла? Я обещаю...

– Да, да...

– Я даю слово, что сегодня же поеду к Рейчел и сделаю все, как надо. Ты веришь?

– Да, да...

– Я не хочу, чтобы ты плакала. Не хочу расстраивать тебя. Ты слышишь? У нас все будет хорошо!

– Да...

***

Когда Джек вошел в столовую, за круглым столом сидело несколько человек: Гордон со своей молодой женой Киной, на которой женился два года назад, мэр Керлин Рон, его незамеченный партнер по гольфу, и его жена Паула.

«Большая четверка», – хмыкнул Джек про себя.

Бывшая жена, миссис Гордон умерла пять лет назад, когда Рейчел минуло двенадцать лет. Девочка росла на попечении многочисленных нянек, которые менялись так стремительно и с такой периодичностью, что она не успевала запоминать их имена. Нынешняя же жена

была немногим старше Рейчел, и терпеть ее не могла за несносный характер, вздорный нрав и, конечно же, красоту и беспечность, хотя и сама далеко не являлась милой и пушистой.

Открыто конфликтовать с падчерицей Кира не решалась, так как полностью зависела от Гордона и боялась в один прекрасный момент оказаться на улице, потеряв его расположение. Ведь дочь вертела отцом, как хотела, и могла в конечном итоге добиться их развода, внушив отцу мысль о несостоятельности и корысти по отношению к нему его молодой жены.

Он часто советовался с Рейчел, а не с женой, и Кира ждала случая отомстить высокомерной девице. Находясь в постоянной конфронтации по отношению к друг другу, они искали любой повод для совместных придирок и ссор. Рейчел за то, что она заняла место матери, а Кира за невыносимый характер падчерицы. Гордон даже и не подозревал, какая война ведется за его спиной. Он наивно считал, что близкая по возрасту Кира, ей всего-то двадцать три, является старшей подругой его обожаемой дочери.

Вот и теперь они сидели напротив друг друга: Кира по левую руку, Рейчел по правую, украдкой обмениваясь презрительными взглядами. Чему искренне завидовала Кира падчерице, это Джек. Такого парня вертихвостка Рейчел вовсе не заслуживает. О таком Кира всегда мечтала: сильный, умный, красивый. Но деньги и положение в этом мире решают все, и когда Гордона не станет, она будет еще молода, да к тому же богата. У Киры будет все, чтобы начать новую жизнь.

Джек не ожидавший увидеть на ужине Керлинов, был потрясен. Отношения с их сыновьями у него, мягко говоря, не складываются, поэтому он не имел понятия, как вести себя с этим семейством. Гордон Скайуокер и Рон Керлин являлись не только партнерами по гольфу, но и закадычными друзьями. Они дружили еще со школьной скамьи, и Джек понимал: эта дружба, проверенная годами, нерушима. По крайней мере, он так думал. Так что, ни о каком подозрении о причастности братьев к аварии на Уотерби, не могло быть и речи.

– Здравствуй, Джек, – приветствовал мэра. – Рад встречи и, признаться, мы тебя заждались.

– Э... здравствуйте, сэр, миссис Паула, Кира, очень приятно вас видеть, – сказал Джек, усаживаясь рядом с Рейчел. – А что мистер Керлин, ваши сыновья на ужин не приглашены, даже Фред? – Он тут же получил под столом пинок от Рейчел.

– Наши мальчики вечно заняты, им так сложно выкроить свободный вечер, – сказала Паула.

– Ну, да, понимаю мэма.

– Что за милый молодой человек, вы так давно к нам не заходили. Я начала волноваться, что вы опять поссорились с Рейчел. Так переживала, – Кира одарила Джека ослепительной улыбкой, Рейчел фыркнула и скривилась.

– Если бы все молодые люди были столь галантны. Но об этом остается только мечтать, – продолжала Кира.

– Дорогая, думаю, ты несправедлива, – пробубнил Гордон. – В последние годы в Файерлейке молодежь стала более законопослушной. Ты помнишь Рон, что творилось лет восемь назад? А сейчас мы вынуждены сократить число патрульных, особенно днем. Конечно во многом это твоя заслуга Джек!

– Моя?

– Разумеется. Вы приобщаете подрастающее поколение к спорту. Подаете пример. Американский футбол – мечта почти каждого мальчишки, а вы так просто их идеал, – сказал Гордон.

– Но, папа, по-моему, он является идеалом не только для мальчишек, – Рейчел презрительно уставилась на Киру. – Ведь правда, мамочка, – сделав ударение на последнем слове, пропела девушка.

– Конечно, дорогая, почти все девочки влюблены в Джека, – Кира улыбнулась. – Между прочим, Джек, они считают тебя неприступным, недосягаемым, но это лишь... как это говорить – «подливает масла в огонь». Я постоянно слышу об очередном разбитом сердце.

– По-моему, Кира, ты путаешь со своими подружками, – скривилась Рейчел, получив в ответ ледяной взгляд.

– Вот уж не думал, что вокруг меня ведутся такие жаркие разговоры. Буду впредь внимательнее смотреть по сторонам, – хмыкнул Джек и снова получил пинок под столом. Гордон и Рон рассмеялись.

– Вот это по-мужски!

– Папа, не нужно потакать Джеку, он и так о себе слишком высокого мнения. И легче записаться на прием к президенту, чем встретиться с самим Джеком Харисоном!

– Ты должна понимать: у настоящего мужчины всегда мало времени, к тому же скоро игра. Джек, как ты думаешь, победим Аризону?

– Джек никогда не проигрывает, – сказала Кира. Рейчел закатила глаза к потолку.

– Мистер Гордон на все воля Господа.

– Джек, как всегда, скромничает, – попытожил мэра. – Мои ребята уверены: «Белокрылые орланы» победят. Уже ставки делают.

– Ставки? Вот уж не стоит, – на щеках парня заиграл румянец. – Вы слышали о Грее Мэтьюсоне? Так вот – это парень не промах, и его команда одна из сильнейших студенческих команд.

– Уверяю тебя, стоит. Никогда не сомневался в твоих способностях, – многозначительно протянул мэра, переглянувшись взглядом с Гордоном.

– Джек... Джек... Джек... Это что, вечер восхвалений? Может, поговорим о ком-нибудь другом, а то он вообще зазнается, и вы будете обращаться к нему не иначе как «Ваше Величество»! – Фыркнула Рейчел. За столом засмеялись. Парень наклонился к девушке и прошептал на ухо, чтобы другие не слышали:

– Что касается тебя, я не прочь, если ты станешь меня так звать прямо с сегодняшнего ужина.

– Не дожدهшься, мистер «Возомни что»! – Фыркнула Рейчел.

– А как же папин завет?

– Уже перебор!

– Тебя хватило ровно на две минуты?

– Для тебя это и так слишком много...

Две женщины, одетые в скромные синие платья и белые передники, начали подавать салаты: запеченные кусочки курицы в белом соусе, уложенные на круглые позолоченные тарелки, окорок под соусом Борди. Джеку меньше всего хотелось есть и он придумывал способ, как бы поскорее закончить с ужином.

– Сегодня все-таки праздник, день Святой Матери и День Труда. Жизнь продолжается, не смотря на постигшее Хьюстонов горе. Какая ужасная авария...

– Да... пир во время чумы...

– Что, Джек, прости, не расслышал.

– Да я так, о своем, мистер Рон.

– Рон, пожалуйста, только не за столом, – сказала Паула. – У нас будет время обсудить это.

Сыновья были точной копией матери, от отца достался лишь массивный подбородок и разрез глаз. Джек украдкой поглядывал на Паулу. Чтобы она сказала, расскажи он о подозрениях на счет братьев, да и стала ли вообще слушать. Рейчел подкладывала Джеку мясной салат, всякий раз, будто бы случайно, прикасаясь к его руке, что не ускользало от пристального внимания Киры.

Сэр Гордон сам разливал красное вино многолетней выдержки «Батичелли» по бокалам и довольно кричал. Хоть он и безумно любил дочь, но всегда хотел сына. Его первая жена вскоре после рождения Рейчел заболела и больше не могла иметь детей, а Кира не хотела ребенка, по крайней мере – пока. Но ведь ему шел пятый десяток, и на этот счет Гордон уже не строил иллюзий. Джек заменял ему сына. Он любил его, как сына. Строил планы на счет его будущего – сначала он поможет с поступлением на учебу в Федеральную академию, а в дальнейшем передаст парню свое дело.

– Нужно запретить молодежи гонять по чертовому серпантину. Мои ребята предложили помочь, – вывел Гордона из задумчивости мэр. – Фред сказал, что они станут контролировать дорогу. Ни один адреналинщик не проскочит по шоссе двести сорок шесть.

– Это не обязательно, Рон, у нас высококвалифицированные служащие. Ребята толковые, справятся сами. На некоторое время придется увеличить число патрульных, и этот вопрос уже решен. Фреду пора заняться другим делом, и ты помнишься согласился на этот счет.

– В чем он согласился?

– Милая Паула, не волнуйся. Все в пределах разумного, впрочем, как и всегда.

«О чем это они»?

– Но прошу, давайте сегодня за столом не будем о проблемах! Давайте лучше поднимет бокалы. А ты что же, Джек, это же очень легкое вино!

– При всем уважении сэр, пить я не собираюсь. У меня сегодня не праздник, а горе, – резко выдохнул Джек. Ему стало тошно смотреть на эти довольные сытые физиономии.

– Разумеется, Джек, дорогой. Мы все понимаем, – Кира вздохнула, с нежностью глянув на парня. – Гордон, пожалуйста, не настаивай.

– Конечно, Джек. Но хочу заметить – такое отношение ничего не изменит.

Разговор на время прервался, все принялись за ужин, по достоинству оценивая блюда. Джек уныло ковырял в тарелке, вспоминая вечер памяти, проведенный сегодня в школе Ламаром Уокером. Когда вся футбольная команда собралась в раздевалке, вошел тренер с большой охапкой цветов, которые осторожно опустил возле шкафчика Пола.

Джек никогда не видел Уокера таким расстроенным, даже предположить не мог, что смерть одного из учеников вызовет такую реакцию с его стороны. Без обычных реплик и резкости Тренер тяжело опустился на скамейку и тихо заговорил. Он начал рассказывать о себе, устремив куда-то в пустоту тоскливый взгляд.

Рассказал, как мальчишкой, живущим в приюте «Стоунбриджа» сбегал с уроков на стадион и, затаив дыхания, смотрел игру. Как его наказывали, запирая днями в подвале, как отчитывали в кабинете директора, били ремнем, не давали есть. Ничего не помогало: он снова и снова сбегал и с этим ничего не могли поделать.

Но однажды покойный отец Себостьян отвел его к школьному тренеру Адриано Чиконе, эмигранту из Италии. Вот тогда и началась его настоящая жизнь. Майкл Вик, Джозеф Патрик, Джек Эстакато, Луис Спейсер – это были его кумиры, учителя и наставники. Уокер дни напролет проводил на стадионе, и весь остальной мир его просто не интересовал.

– Знаете то, что произошло с Полом, стало для меня настоящим шоком. Когда такое происходит, начинаешь задумываться о своей жизни. Она вся прошла здесь, и до этого момента, я никогда не думал о том, что все может закончиться в любой момент.

А Пол? Ведь он ничего не успел сделать в своей жизни. Строил планы, думал о будущем. Его семья, любимая девушка, – Ламар поднялся и теперь нервно ходил по раздевалки. – Вы должны быть осторожны. Вы все... не должны совершать необдуманных поступков. Жизнь не прощает легкомыслия. Пообещайте, что сто раз подумаете, прежде чем решиться на что-либо. Пообещайте мне это сейчас!

Джек совсем запутался. Раздирали противоречья и сомнения. Хотелось уйти от обыденности. Сбежать на край света. Начать жить заново. Жить свободным.

Все может закончиться в любой момент!

В быстро сгущающихся сумерках раздался колокольный звон монастыря на горе Маун-Худ. Мелодичная тихая трель говорила о вечном, пела о душе, терзающейся муками, шептала про призрачную надежду. Джек отодвинул от себя тарелку, не в силах больше притворяться, что ест. Кира тихо переговаривалась с Паулой, украдкой бросая взгляды на Рейчел. Только теперь Джек заметил, что девушка крепко держит его за руку.

– Думаю, уже завтра закрою дело Пола.

– Все очевидно, верно Гордон?

– Да, как и предполагал с самого начала – несчастный случай. К тому же я оказался прав еще в одном: в крови Пола обнаружена ударная доза оксиконтин вперемешку с алкоголем, причем в достаточном количестве, чтобы и крепкого мужчину свалить с ног. Эта адская смесь и слона бы вырубил за несколько минут. Возможно даже, что Пол просто заснул за рулем...

– Что вы сказали, сэр? – Оцепенение как рукой сняло.

– Да, Джек. Доктор Снейк из криминалистической лаборатории прислал по факсу заключение. Из него следует, что Пол, перед тем, как отправиться в свою последнюю поездку принял значительную дозу алкоголя.

– Это не может быть правдой! – Вскрикнул Джек, вскакивая со стула. Рейчел вздрогнула, отпуская его руку.

– И, тем не менее, все так, – Гордон медленно наливался краской. – Плюс ко всему на месте аварии обнаружена пустая бутылка «Ковбой» с его пальчиками, а это, как ты знаешь, один из лучших сортов виски и чертовски крепкое.

– «Ковбой»? Да что вы... – Джек глубоко вздохнул. – Я говорю вам, Пол не употреблял даже слабоалкогольных напитков, не то, что виски!

– Против фактов ничего не противопоставишь, Джек, – мрачно добавил мэр. – Я понимаю, тебе не хочется в это верить, но все именно так – ясно, как божий день. Пол не первый, и не последний для кого глоток виски оказался роковым.

– А может, кто-то хотел, чтобы все так выглядело! Что если это подстроили, спровоцировали аварию и Пол...

– Джек, ну кому мог мешать Пол? Он что президент Кеннеди или глава фондовой биржи? Наоборот, в будущем он занял бы...

– Не забывай, у него в крови обнаружили алкоголь. Факты и еще раз факты, – перебил Гордона мэр.

– Что в будущем? – спросил Джек.

– Что прости?

– Вы сказали, сэр, что Пол в будущем занял бы... Что?

Мистер Рон и шериф Гордон переглянулись.

– Видишь, ли, Джек. Пол был перспективным парнем: отлично учился, занимался спортом и мог в дальнейшем занять руководящую должность в мэрии, – Джек всегда отлично распознавал фальшь. И сейчас именно тот случай.

– Может нам оставить вас одних, – фыркнула Рейчел. – Джек, я что невидимка или мы на собрании хороших мальчиков?

– Прости, дорогая, я совсем заболтал твоего парня! – С явным облегчением пробубнил Гордон, вытирая пятерней со лба капельки пота. – Пока готовят десерт, вы можете и прогуляться.

– Боюсь, сэр, не выйдет. Мне нужно идти. Завтра тяжелый день и я хотел пораньше лечь.

– Джек, ты так долго у нас не был и уже собираешься уходить!

– Мне действительно, пора! Передайте Норе, ужин был отмененный! И извините еще раз.

– Ну что ж, раз так, не буду тебя держать!

Гордон поднялся, чтобы попрощаться с Джеком. Кери, Паула и Рон Керлин кивнули со своего места.

– Было очень приятно проговорить с тобой, Джек, – сказал мэр.

– Взаимно, сэр! Мистер Гордон, до встречи!

– Джек, рад, что ты все обдумал и принял правильное решение, – Гордон прошел за Джеком и Рейчел в гостиную. – Пообещай, если Рейчел станет вести себя заносчиво, дашь знать!

– Э...

– Она молода и не опытна Джек, не суди ее строго!

– Папа, тебе обязательно это говорить?

– Я все понимаю, сэр.

Вот почему Рейчел плакала, – подумал Джек. – Папочка учил любимую дочь, как нужно себя вести. Значит только поэтому, она решила продемонстрировать отцу, как он сильно ошибается и стоит ей щелкнуть пальчиком и Джек будет у ее ног. Учить Рейчел? Вот уж неверное решение. Ну и семейка! Полезла целоваться, чтобы уличить папочку в неправоте!

– Так рад, что вы помирились! – Гордон приобнял Джека. – Дай слово, что будешь заходить почаще!

– Не могу, сэр. Слишком много дел, – буркнул он.

– Вот видишь, папа, что я говорила, – тут же встала Рейчел.

– Надеюсь, это не уловка. Хотя извини, знаю, ты действительно не бездельничаешь! Передавай привет Керол. Ну, хорошо, Рейчел, не смотри на меня так, уже ухожу, – рассмеялся Гордон.

Девушка, хмуря брови, следила за отцом, пока он не вышел из комнаты. Как только Гордон скрылся за дверью, она подняла на Джека томные глаза и вздохнула.

– Папа никогда не думает, что говорит!

– Ошибаешься, иначе он бы не работал шерифом.

– Ну, конечно! – Фыркнула девушка. – Я немного сердита на тебя, за столом ты почти не обращал на меня внимания. Но я готова простить. – Рейчел подошла к нему вплотную. – Ты знаешь, у меня есть новый сингл Джестибоя. Может, послушаем его вместе?

– Рейчел, и на этот раз папочка за дверью? – Девушка в ответ лишь хмыкнула.

– Ты не слышала, я...

– Слышала, но одна минута ведь ничего не решит, – она подошла еще ближе. Подняла руки к его груди. Джек настороженно следил за ее движениями. От Рейчел стоило ожидать любого подвоха, но вместо этого она начала расстегивать верхние пуговицы на рубашке. Тонкими нежными пальчиками провела по его груди и родимому пятну чуть выше левого соска.

– Это пятнышко так похоже на след от поцелуя, – прошептала она. – Когда я впервые его увидела, то просто взбесилась, думая, что кто-то посмел...

– Мы тогда были совсем детьми, – хрипло прошептал Джек. Во рту предательски пересохло. – И ты уже тогда ревновала?

– Да, я всегда тебя ревную. Может это глупо, ведь ты все равно никуда не денешься, но я просто не выношу, когда ты делаешь вид, что тебе все равно. А ты, правда, ничего не ощущаешь, когда я провожу по родимому пятну пальцем? Вот так...

– Ты же знаешь, в этом месте я ничего не чувствую.

– Даже так? – Прошептала она.

Рейчел медленно приблизила лицо к его груди и осторожно, едва касаясь кожи, поцеловала в родимое пятно. Джек покачал головой, тогда она дотронулась губами чуть выше. Вздрыгнул, быстро отстраняясь. Тело моментально покрылось мурашками.

– В опасные игры играешь, – прохрипел Джек.

– Значит, здесь ты чувствуешь?

– Здесь, да. Я же не говорил, что совсем бесчувственный, – он облизал пересохшие губы.
– Это замечательно. Ты еще не передумал? Может, все-таки послушаем музыку?
– Ты пытаешься меня соблазнить?
– Джек, ты себе льстишь! – Она тихонько засмеялась.
– Тебе не кажется, что ты за ужином выпила слишком много вина? Что скажет твой отец, если нас застукает?

– Ничего, он сам недавно советовал мне сделать это.

– Сделать что?

– Не будь занудой, Джек!

Она закрыла глаза, в ожидании подставив губы, но он развернулся и открыл дверь.

– До свиданья, Рейчел, спокойных снов, – сказал он с кривой усмешкой, выходя во двор.

Лицо Рейчел исказила ярость.

– Ну и проваливай, идиот! – Крикнула она, с силой захлопывая дверь.

– Рейчел, ты отлично усвоила папин урок, – засмеялся Джек, направляясь к пикапу и на ходу застегивая рубашку. Ему доставило мстительное удовольствие вывести из себя девушку. Если он и пришел на ужин, то это для него ровным счетом ничего не означало. Простая формальность, которую нужно соблюсти. Простая формальность, одна из тысячи других, которые еще предстоит совершить, следуя правилам, установленным для него орденом.

– Что ж, я готов! – Сказал он вслух. – Но не думайте, что я стану для вас комнатной собачкой...

Джек возвращался домой по улицам ночного города, считая попадающиеся на встречу патрульные машины. Гордон увеличил патрулирование, выбив дополнительный деньги из казны. Что ж, похвально.

«Бьюсь об заклад – это было чертовски трудно сделать».

Джека ошарашило известие о том, что шериф собирается закрывать дело. «Пустая бутылка из-под виски. Да что с ними такое, будто они не знали Пола? Он родился и вырос здесь. Он никогда не совершал необдуманных глупых поступков. Пол не был импульсивным, все делал не второпях, сто раз подумав о последствиях. Пол не пил, но даже если предположить это, что само по себе «априори» невозможно, он никогда бы не сел за руль в таком состоянии, если только... если только от этого не зависела бы чья-то жизнь».

Встречные полицейские узнавали старенький пикап, сигналив, проезжавшему мимо Джеку. В машине тихо звучала музыка Джеймса Брауна. Джек снова и снова анализировал все, что узнал от шерифа, понимая: ставить точку в этом деле рано. Ничего здесь не понятно. Нет мотива, заставившего Пола бежать из больницы. Ничего нет.

Проезжая мимо бара «У Босса» заметил Фреда и Артура Керлинов разговаривающих на улице с одним из местных рокеров. Двери внедорожника распахнуты настежь, откуда гремит тяжелый рок, оглашая округу надрывными визгами гитары и ударных.

– Тоже мне, помощники в наведении порядка. Рэкет на страже Файерлейка! От них самих город защищать надо, – обратился Джек к своему отражению в зеркале салона.

Учитель Дилет Престон самозабвенно играл на заднем дворе с любимцем Биппи. Пес нехотя плелся за мечом, когда Престон бросал его терьеру, радуясь, словно молодой папаша первым шагам первенца, когда Бип осторожно брал мяч зубами и лениво приносил хозяину. Биппи грустно смотрел в глаза, вяло помахивая хвостом, всякий раз, когда Дилет чмокал пса в мокрый нос и трепал по загривку. Джек усмехнулся, представляя, что обо всем этом думает замученный чрезмерной лаской пес.

Подъехав к «Огненному Озеру», он притормозил машину, как обычно, чтобы немного побыть здесь перед сном. Джек не понимал, почему оно так манило. Когда смотришь на это будто бы живое существо, на двигающуюся по спирали магму, на выстреливающие вверх огненные стрелы успокаивало, даже нет, умиротворяло, словно слышишь мать, поющую колы-

бельную. Казалось, начинаешь мыслить яснее, а все страхи уходят, как тучи, разгоняемые невидимой рукой. Иногда возникает непреодолимое желание спуститься вниз в горячую колыбель и уснуть на его живом берегу спокойным безмятежным сном, забыв об обязательствах, чужих, навязанных ему планах и боли, живущей в груди.

Огненный столб, шипя, взметнул вверх, осветив склоны отвесных берегов. Джек перегнулся через перила, пытаясь что-либо рассмотреть, как накануне. Он до сих пор не был уверен: привиделось ли вчера или действительно по склону что-то двигалось? Оглянулся, вспоминая сон, уверенный, что сейчас увидит Сэма или индейца позади себя. Напряг слух, готовый услышать детский смех. Но все было тихо.

– Может, это тоже было сном: я ничего не видел, и смеха тоже не было. Может, просто схожу с ума или у меня развилась паранойя, отчего я начал путать сон и явь?

В ночи мелодия телефона прозвучала словно хлопушка, взорвавшаяся под ухом. Джек вздрогнул, чертыхнулся. Кому он мог понадобиться в такой час? Глянув на дисплей, все сразу стало понятно.

– Ну конечно... Слушаю Луис.

– Ты где? Я звонил тебе домой раз двадцать. Керол говорит, что ты у Скайуокеров. Звоню туда, Гордон отвечает, что ты уже уехал. Я к тебе битый час не могу дозвониться! У тебя, что проблема с телефоном? Я, между прочим, волнуюсь, не мог догадаться звякнуть сам! Все нормально-то?

– Эй, эй притормози! Спокойно друг. Я в порядке. Еду домой, скоро буду. Странно... но я не получал никаких звонков. Сотовый всегда при мне и он в полном порядке. Может со связью что?

– Связь работает нормально, – обижено протянул Луис.

– Ладно, значит действительно телефон, посмотрю завтра. Ты что-то хотел?

– Да нет, просто узнать, как ты!

– А где Майкл? Ты его видел после панихиды?

– Разумеется. Он помирился с Кети, и догадайся, где теперь?

– У нее...

– Точно.

– А Дэн?

– Уже дома, плохо себя чувствует, после службы ему было неважно.

– Ничего серьезного, надеюсь?

– Думаю, нет. Его мать говорит – нервное. С ним все будет в порядке. Ты сам как?

– В норме. Я кое-что узнал о Поле.

– Что?

– Ты знаешь, обнаружили...

В телефоне зашумело, заскрипело и он, пискнув, вырубился.

– Превосходно! – Протянул Джек, удивленно разглядывая сотовый. – И как это понимать?

Телефон совершенно новый. Он купил его всего месяц назад, когда ездил в Спрингфилд по делам. Джек вертел в руках «Нокиа» и не мог сообразить, что с ним не так. Может, забыл поставить на зарядку? Нет, он точно помнил, что утром батарея была на ста процентах, и когда разговаривал с Луисом – индикатор батареи тоже был полным.

Неожиданно телефон включился сам. На экране высветилось: девять пропущенных звонков от абонента Луиса Рочестера.

– Да... – разочарованно протянул Джек. – Сотовый явно накрылся. Куплю завтра новый, наверное, ударил где-то нечаянно, – Джек устало потер глаза. – Пора домой, встретимся с Луисом в школе, там и поговорим.

Он завел пикап и через пять минут был уже дома.

Керол, как обычно уснула в кресле, рядом на полу валялась книга Эмили Бронте, а на столе в кухне накрыт ужин. Как же хорошо она знает сына: он не станет ужинать в доме шерифа и, вернувшись домой, несомненно, голодным, захочет перекусить. Джек осторожно перенес Керол в комнату. С закрытыми глазами она пробубнила, что-то типа: «Мистер Стивенс я же говорила, это мое видение мира несколько отличается от вашего...». Прошел к себе. Есть по-прежнему не хотелось. Приняв душ, Джек сразу лег в постель.

Перед глазами стояла зажженная свеча и портрет Пола, край которого перетянут траурной черной лентой, церковь, с перешептывающимся в ней народом, Эрни, сидящий на ступеньках церкви, отрешенное выражение на лице Тины Хьюстон и матушка Афения, сверлившая холодным взглядом.

В эту ночь ничего не снилось. Джек просто провалился в темноту и был несказанно рад этому.

8

На следующий день поговорить с Луисом в школе так и не получилось. Они не могли остаться наедине даже на минуту. Все время кто-то находился рядом. Мальчишки подходили к Джеку, чтобы поговорить о Поле.

Большой портрет с траурной ленточкой висел в вестибюле. Ребята приносили цветы и зажигали свечи. Фотография была сделана за несколько недель до трагедии, когда снимали будущих выпускников для школьного альбома. На ней он выглядел немного смущенным, карие глаза смотрели внимательно и грустно. Как в тот последний вечер, в госпитале.

Учителя на занятиях читали лекции о безопасности на дорогах и вождения в нетрезвом виде, но Джек почти не слушал: Пол не пил в тот проклятый вечер, в этом он был уверен на сто процентов. А еще он был поражен тем, как все спокойно проглотили версию об опьянении, будто не знали его с малых лет. Никто даже не попытался разобраться, что произошло на самом деле, никто не задавал вопросов! Это было более чем странно.

Майкл теперь все время проводил с Кети, виновато поглядывая в сторону Джека и Луиса и пожимая плечами, словно оправдываясь, когда задумчивый взгляд Джека останавливался на нем: «Кети так потрясла трагедия, что теперь она боится расстаться со мной даже на час. Ну, что с нее взять... женщина!»

Тренировка прошла отвратительно. Принимающим на замену Пола Хьюстона было решено назначить Кевина Олдмана. Ламар Уокер был сама вежливость, и не привыкшие к такому обращению с его стороны ребята терялись, играя из рук вон плохо. Но Джек знал: пройдет неделя-другая, и все вернется на свои места. Жизнь не стоит на месте, чтобы с нами не происходило, и как бы мы не мечтали повернуть время вспять, этого никогда не случится.

Тренер объявил, что известна точная дата проведения матча – двадцать шестое сентября, как раз перед праздником всех святых. Времени осталось совсем немного. «Но мы сыграем как надо!» – Неуверенно добавил Уокер, вопросительно посмотрев на Джека.

На лесопилке мистер Йетс объявил, что незамедлительно отправляет Джека в краткосрочный отпуск. Он не желает, чтобы из-за хронической усталости квотербекера «орланов» команда сыграла плохо. Если они проиграют этим выскочкам из Аризоны, он спалит свою лесопилку! Поэтому, если Джек не хочет разорения отца своего лучшего друга, пусть не спорит, а поступит так, как ему говорят, сделав все от него зависящее в решающей игре. Впрочем, он ничуть в нем не сомневается, как и всегда!

Джек купил новый телефон, заехал домой. Керол еще не вернулась из галереи, и гора немой посуды уныло выглядывала из забитой до отказа раковины. Он наведет порядок в кухне немного позже. Не сейчас! Джек прошлепал в мастерскую, но не решился развернуть стоящие возле стены полотна. Керол рассердится. Она обожала показывать сыну новоиспеченные картины, рассказывая об их истории и содержании каждой, будто Джек и сам этого не видел.

Сразу позвонил с сотового Луису. Трубку долго не брали. Наконец, запыхавшийся Луис ответил, что сегодня у него планы доделать с Дэнном «Крайслер», по крайней мере, он на это надеется, и как истинный ценитель антиквариата, по мнению Майки, он просто восхищен проделанной работой, так что откладывать на потом было бы крайне неразумно.

– Ты не представляешь, это круто! Надо завтра обязательно опробовать ее.

– Завтра же...

– Я помню: это будет заезд, посвященный памяти Пола. И пусть кто-нибудь попробует меня остановить, – грустно добавил он.

– Хорошо, там мы и поговорим.

– Может, подъедешь ко мне в гараж?

– Не сегодня, Луис.

– Тогда до завтра. Черт, я весь в масле! Ага, Дэн, что-то там кряхтит... Эй, Дэнни, возьми другой ключ, – крикнул Луис. – Иду... иду. Ладно, Джек, не прощаемся!

Монотонные гудки обострили чувство одиночества, а завывание поднявшегося за окном ветра лишь усиливало гнетущее ощущение. Джеку казалось, будто он остался один во всем этом чертовом мире, словно очутившись в фантастическом фильме, где герой утром просыпается и с ужасом осознает, что в городе из живых он один. Джек заставил себя поесть, принял душ, надел любимую гавайскую рубашку и отправился на встречу с детективом.

Машина осталась в гараже. Захотелось просто пройтись, к тому же ветер немного стих. Наполовину спрятавшееся за горами красное солнце напоминало полуприкрытое веко гигантского чудовища, хищно подглядывающего за расположенным в низине городком. Жара уходила вместе с последними лучами, и вечерняя прохлада принесла с собой облегчение. Джек расстегнул рубашку, вздохнув полной грудью.

Через десять минут он уже подходил к аллее «Огня». Навстречу по тротуарной дорожке рядом с отцом Сэмуилом с перебинтованными кистями важно вышагивал Эрни. Каким образом священнику удалось заставить сумасшедшего надеть приличный чистый костюм, стоило лишь догадываться, но Эрни выглядел как почтенный горожанин. Если б не его вечно идиотское выражение блаженства на отрешенном лице и не тоненькая дорожка слюны, беспрестанно стекающая по массивному подбородку на чистую рубашку, его можно было бы принять за одного из рабочих с лесопилки Йетсов.

– Джек рад тебя приветствовать! – Всплеснул руками отец Сэмуил. – Матушка очень расстроилась, что так и не смогла поговорить с тобой. Ведь такое горе случилось! Она хотела поддержать твой дух молитвой. Матушка Афения ждала до последней минуты и очень огорчилась, повторяю, что ты так и не смог уделить ей внимания, – священник осуждающе устался на него.

– Но она надеется, в следующий приезд ты выполнишь обещание, – священник с ловким проворством подхватил под руку Эрни готового плюхнуться на землю, чем вызвал улыбку на лице Джека.

Отец Сэмуил являлся профессионалом своего дела, умеющим безошибочно находить ту единственную связующую с окружающим миром нить к нуждающемуся в этом: больному, беспомощному или отчаявшемуся, помогая мудрым советом или силой молитвы. Вот и Эрни для него несчастная потерянная «душа», к которому он проявлял стойкое терпение, ухаживая за безумцем, словно за ребенком.

Эрни заметив улыбку Джека, тоже расплылся в улыбке. На ворот рубашки потекла очередная порция слюней, и отец Сэмуил привычным движением, достав из кармана ряссы носовой платок, вытер ему рот.

– Что с Эрни? – Спросил Джек, предпочитая не отвечать на речь о «печали» матушки Афении.

– Он так расстроился на проповеди, что нечаянно повредил руки о ступени. Мы были в госпитале, где многоуважаемый доктор Снейк любезно согласился помочь Эрни, благослови его Господь, – священник перекрестился.

– Как же вам удалось заставить Эрни надеть костюм?

– Сила слова велика, Джек, не стоит ее недооценивать!

– Но ведь Эрни не понимает, что ему говорят?

Как бы в подтверждение этого Эрни неожиданно загавкал, засунув палец в нос.

– Доктор Снейк говорит, что при аутизме человек может воспринимать слова на подсознательном уровне. Просто он понимает их по-иному, нежели мы. Иногда я ловлю его взгляд, и бьюсь об заклад, он меня слышит. Думаю, Эрни понял, когда я объяснял, как важно в обществе прилично выглядеть.

Эрни вновь попытался сесть на землю, вытащил палец из носа и вытер о брюки.

– Дитя мое, не стоит так делать. Миссис Трезен очень расстроится, если ты испортишь выходной костюм ее покойного мужа, – Эрни обижено скривился, губы задрожали. Никак он собирается разреветься.

– Не нужно, Эрни! Когда мы вернемся, я угощу тебя твоими любимыми дорожными крекерами, но с условием, что ты будешь хорошо себя вести, – священник вздохнул, подняв глаза к небу. – В кабинете доктора Снейка он чуть не съел фонендоскоп.

– Забавно! – Засмеялся Джек.

– Отнюдь... дитя мое, – священник дотронулся до его руки. – Но не вижу смысла сейчас говорить об Эрни, хотя он и заслуживает этого. Меня беспокоит твое состояние. Ты будто огорожден от нас, ты чем-то сильно озабочен. Поверь, слово молитвы может, как исцелить, так и направить на истинный путь. Ты блуждаешь в темноте и не видишь дороги, но она прямо перед тобой. Тот свет, что живет в каждом из нас, поможет, только ты должен сам зажечь его и не должен бояться этого. Настаиваю на нашей встрече, помогу понять. Джек, нужно исповедаться, очиститься от грехов и просит благословения Господа.

– Даю слово: на этой неделе обязательно зайду к вам, – парень громко сглотнул, отвернулся, чтобы отец Сэмуил не увидел выражение обреченности, появившегося на его лице.

Священник понимающе кивнул. Эрни сорвал цветок лабилии и, зажмурившись от удовольствия, принялся его жевать. Отец Сэмуил попытался отобрать растение, но те тут-то было. Физически Эрни развит достаточно, чтобы противостоять слабым попыткам священника, поэтому с легкостью отводил от себя его руки. Зеленая каша стекла по подбородку, падая на костюм. Эрни недовольно мычал, уворачиваясь от священника, пока вдруг не замер, уставившись на грудь Джека.

Столб огня, взметнувшийся вверх из «Озера», на миг ярко осветил лицо, на котором отражался неопикуемый ужас. Сумасшедший поднял грязный палец и ткнул в родимое пятно на груди Джека.

– Что случилось, Эрни! – Спросил Джек, но тот не реагировал, пребывая в ступоре, и продолжал тарачиться на родимое пятно. Он проследил за взглядом Эрни, тут же прикрывая грудь рубашкой.

– Что? Что я сделал? Эрни, когда жарко, я иногда хожу, расстегнув рубашку. В этом ничего такого нет.

Сумасшедший настороженно следил за действиями Джека расширенными от страха глазами. Неожиданно он истошно завопил, упав на землю и закрывая голову руками. Как ни старался отец Сэмуил, усилия ни к чему не привели. Удержать сумасшедшего от падения не удалось. Костюм миссис Трезен безнадежно испорчен. Джек же не решился помогать священнику, решив, что его прикосновение еще сильнее выведет парня из себя.

– О нет, Эрни, бесовское отродье, – закричал священник, побагровев от бесплотных попыток поднять парня, но легче сдвинуть каменный валун на плато «Семи Камней». Утихомирить Эрни тоже не получалось, он распался все больше: визжал, рыдал, грыз землю, мычал, закрывая глаза руками и раскачиваясь из стороны в сторону. Затем он запустил в сторону Джека смачным плевком, потом еще и еще.

Джек ловко уворачивался.

– Да что это с тобой? Спаси Господь мою душу, – перекрестился священник и ответил Эрни увесистый подзатыльник. «Иногда физическое воздействие лучшее средство от истерии».

Сумасшедший зарыдал громче, распластавшись по земле, словно поверженный мечено-сец короля Артура. Терпение у Джека закончилось. Безумные вопли Эрни подымут на уши всю округу, не хватало здесь еще и Гордона! Он бросился на помощь отцу Сэмуилу, подхватив Эрни под мышки и рывком поставив на ноги. Но, как и ожидал, стоило только дотронуться

до безумца, Эрни, легко отпихнув отца Сэмуила, бросился наутек, продолжая оглашать аллею безумным воем. Священник, кивнув Джеку и давая понять, чтобы он оставался на месте, бросился в погоню.

Джек растерялся, не зная, что предпринять: либо догнать и успокоить Эрни, что было бы далеко не так просто, либо предоставить улаживать дело отцу Сэмуилу и дожидаться детектива, который, кстати, уже показался из-за поворота.

Коп, видя бегущего навстречу разъяренного громадного мужика, в котором в сумерках не сразу признал Эрни, среагировал мгновенно. Рука скользнула под серый пиджак, ухватившись за полированную ручку наградного пистолета. Заметив его движение, священник в ужасе закричал и с такой прытью припустился за сумасшедшим, приподняв рясу, что ему позавидовал бы и призер олимпийских игр Гарольд Абрахамс.

– Нет, нет, – из последних сил кричал священник. – Это Эрни, он вам ничего не сделает! Он безобиден, его напугали...

Детектив ошеломленно замер на месте. Рука продолжала сжимать пистолет, до тех пор, пока Эрни с криком не пронесся мимо, а следом – отец Сэмуил, и эти две странные фигуры не скрылись за поворотом. Крик Эрни затих, превратившись сначала в жалобное поскуливание, а затем в тихий плач.

– Что мне всегда нравилось в этом городе, так это тихие вечера, когда можно спокойно побродить по безлюдным улицам, предавшись мыслям и наслаждаясь божественной тишиной, – улыбнулся детектив, подойдя к растерянному Джеку. – Что вы сделали с бедным Эрни? Пообещали женить на матушке Афении? – Джек не ответил, продолжая смотреть в сторону, где в глубине сада исчез Эрни, и, недоумевая, что могло его так напугать?

Он знал Эрни несколько лет, и подобного никогда не происходило. Джек всегда относился к парню хорошо – заступался, спасая от Керлинов, решивших очередной раз поизмыслиться над бедолагой, угощал сладостями. С другой стороны, какие безумные видения посетили его голову на этот раз?

– Ну, здравствуй Джек!

– Здравствуйте детектив Бекс!

– Давай присядем на скамейку, – видя, что Джек не реагирует, продолжая всматриваться в глубину аллеи, слегка дотронулся до его плеча.

Зазвонил сотовый. Джек вздрогнул, глянул на дисплей, на котором мигал незнакомый номер. Поднес трубку к уху, но услышал лишь шелчок отбоя.

– Джек садись, – с нажимом произнес Бекс, первым опускаясь на скамью. Он послушно сел рядом, продолжая смотреть в противоположную сторону, почему-то в любой момент ожидая появления Эрни, только теперь с ножом в руке.

– Конечно, в кабинете было бы гораздо удобнее, но прогуляться перед сном не повредит. К тому же там нам не дали бы поговорить спокойно.

– Да, конечно, – машинально ответил парень, продолжая думать о своем.

– Итак, Джек уже достаточно много времени, и я хотел бы поскорее приступить к делу.

– Детектив, извините, но разве шериф не распорядился прекратить расследование?

Чак Бекс хмыкнул, провел рукой по седеющим волосам, приглаживая их, и уставился на Джека затуманенными уставшими глазами.

– Скажем так, я убедил его немного повременить. Для меня лично, – сказал он, выделив последнее слово, – в этом деле еще много неясного. Закрыть его можно в любое время, но нужно быть уверенным на сто процентов, чтобы сделать это.

– Значит, вы не уверены, что...

– Джек, знаю, тебе хочется знать больше того, что я могу сказать, предупреждаю сразу – я не стану отвечать на твои вопросы. Скажу одно: если я пригласил тебя для разговора, значит, ты можешь помочь.

– Хорошо, я готов.

– Отлично, тогда начнем, – детектив задумчиво пожевал губу. – Ты и твои друзья: Луис, Майкл и Дэн последние кто видел и разговаривал с Полом. Расскажи об этом вечере подробнее: что говорил Пол Хьюстон, что просил сделать, был взволнован, расстроен, напуган, вел себя иначе, в чем это выразалось. Может, ему кто-нибудь звонил, угрожал?

– Нет, ничего такого не было. Хотя он был грустным, да. Все время смотрел в окно. Но думаю, любой на его месте не радовался бы. Получить травму накануне матча, чувствовать себя виноватым перед командой. Ведь неизвестно к каким последствиям это приведет: травма окажется серьезнее или какое-либо осложнение. Верно? Нельзя предугадать наперед. Думаю, из-за этого Пол очень сильно переживал, постоянно перекладывал журнал с места на место, бесцельно щелкал каналами телевизора, нервно крутил кольцо на пальце и...

– Кольцо, какое кольцо?

– Пол сказал, мать подарила перстень накануне, хотя планировала сделать это на день рождение. Как талисман.

– Опиши, – детектив полез в карман и, достав блокнот, начал быстро записывать.

– Семейный золотой перстень с большим фиолетовым камнем, по-моему, он сказал, что это топаз. Постойте, а что с... с... у Пола этого кольца не оказалось?

– Значит, он все-таки нервничал в тот вечер, – проигнорировав вопрос Джека, спросил Чак.

– Да, но каждый из нас так себя бы чувствовал, я же вам говорю!

– О чем вы разговаривали?

– Как обычно. О футболе, планах и все такое.

– Скажи, Джек, при вас он принимал какие-либо препараты? Может, медсестра приносила лекарства?

– Э... нет. Нет, точно. Даяна несколько раз заходила, но лекарств никаких не приносила.

– Подумай хорошо еще раз, это очень важно: при вас медсестра действительно не давала Полу таблеток?

– Абсолютно точно. Пока мы были в его палате, он ничего не принимал, – детектив сделал пометку в блокноте.

– Ему кто-либо звонил?

– Нет, – выдохнул Джек, думая, что коп нарочно задает ему одни и те же вопросы по нескольку раз.

– А вы?

– Я?

– Да, вы? – Джек не мог понять, куда он клонит.

– Я тоже.

– Ни матери, ни кому другому? – Джек отрицательно покачал головой, детектив опять что-то черкнул в блокноте.

– Джек, скажи, в тот вечер твой телефон был с тобой.

– Разумеется. Он всегда при мне, зачем еще нужен сотовый. Да мало ли что.

– Например, что? – Бекс уставился на него немигающим взглядом.

– Извините, не пойму к чему вы клоните? – Грубо бросил Джек.

– Я задал простой вопрос, что в нем тебе не ясно? – Равнодушный взгляд скользнул по не застегнутой рубашке Джека.

– Извините. Может позвонить мать, у нее бывают проблемы со здоровьем. Я ответил на ваш вопрос?

– Более чем! – Детектив поднялся, Джекследом. Озеро с шипением выплонуло столб огня. В воздухе поплыл запах серы и дыма.

– После того, как вы покинули госпиталь куда направились? – Джек долго ждал этого вопроса.

– На плато... плато Уотерби, – тихо ответил он.

– То есть, вы были в том месте, где позже был обнаружен труп, – Бенкс заметил, как Джека передернуло. Румянец на лице сменила мраморная бледность.

– Извини, Джек. Где позже обнаружили Пола...

– Да, были там. Мы каждые выходные приезжаем на плато погонять на серпантине.

– Об этом кто-нибудь знает? – Мутный равнодушный взгляд скользнул по лицу, но теперь Джек заметил в их глубине тщательно скрываемое нетерпение. Огонь, вырвавшийся из кратера, окрасил зрачки в красный цвет, предав глазам детектива что-то демоническое.

– Думаю, об этом знают многие.

– Ладно... – медленно отчеканил Бенкс. – Теперь скажи, когда ты вернулся домой?

– Около двух, – Джек начинал нервничать. Вопросы детектива определенно ему не нравились.

– Когда вы были на плато, тебе кто-нибудь звонил.

– Вы имеете в виду звонил мне Пол или нет?

– Допустим и это тоже.

– Нет, он мне не звонил.

– А кто-либо еще?

– Нет.

– Это кто-нибудь может подтвердить?

– Ребята.

– Джек, ты возвращался домой один или с тобой кто-то был?

– К чему вы клоните, детектив! – Вспылил он. – Говорите прямо! Вы подозреваете меня? Детектив молчал, покусывая нижнюю губу.

– Вы утверждаете, что не получали от Пола Хьюстона звонков в ту ночь?

– Утверждаю!

– Тогда, ладно, – спокойно сказал коп. – Перед своим бегством из госпиталя, Пол сделал со своего телефона всего один единственный звонок...

– И кому же ... – от волнения пересохло в горле. Детектив молчал, а Джек продолжал нервничать все больше.

– Тебе, Джек. Ты продолжаешь утверждать, что не звонили! – Голос детектива зазвучал громче и угрожающе. – Что он сказал, о чем попросил? Почему ты пытаешь скрыть эту информацию?

Джек удивленно смотрел в темные глаза копа, буквально потеряв дар речи. Чак Бекс выглядел слишком спокойным, чтобы Джек мог проглотить это. Такому самообладанию можно только позавидовать.

– Как вы? Да что вы, о чем говорите? – Одними губами прошептал парень. – Телефон в тот вечер был со мной, и никто не мог кроме меня ответить на звонок, а я точно на него не отвечал, потому что никакого звонка не было! Слышите? Никто не звонил в ту ночь! Не понимаю, детектив, зачем вы меня путаете, но в тот вечер, я могу вам заявить с полной ответственностью, Пол не звонил мне, и уж тем более, я не мог ему ответить!

Чак Бекс молчал минуты три, беззаботно разглядывая пейзаж, продолжая покусывать нижнюю губу. Солнце почти скрылось за горами, оставив после себя слабое оранжевое сияние, а в безоблачном небе появились первые бледные звезды. Тишина умиротворяла, лишь изредка ее грубо нарушал крик выпи, доносившийся из леса, да слабый гул водоворота горячей магмы далеко внизу.

– Видишь ли, Джек, когда Пол Хьюстон бежал, то второпях, думаю, забыл прихватить с собой телефон. Оставил на прикроватной тумбочке. Мы, естественно, проверили последние

входящие и исходящие. В последний раз с его телефона звонили примерно в пятнадцать минут второго на твой номер. Разговор длился четыре минуты. Я связался с телефонной компанией и на свой запрос получил распечатку. Вот она, – Бекс полез в карман, достал бумагу и протянул Джеку, который взял листок деревянными пальцами и несколько раз пробежал глазами по колонкам цифр, остановившись на самой последней.

Он сразу нашел подтверждение словам детектива. В длинном столбике исходящих последний номер был его, сделанный в час пятнадцать, длительность разговора – четыре минуты тринадцать секунд. Это просто бред! Примерно в это время Джек подходил к «Огненному Озеру» и ни с кем по телефону не разговаривал.

Он не спятил, но что-то здесь определенно не так, даже, несмотря на неоспоримые доказательства, которые сейчас держит в руках. Нет! Такого просто не бывает! Сейчас он проснется в своей постели и это тоже будет очередным кошмаром, уходящим прочь с первыми лучами солнца. Джек снова посмотрел на исходящий номер, свой номер.

– Но, шериф Гордон сказал, что в телефонной компании ничего не удалось выяснить... – растерянно прошептал он.

– Что, прости? – Бекс склонился к самому лицу. Джек ощутил запах дорого одеколona. Закрыв глаза, покачивая головой.

– Детектив, сэр, я не могу это объяснить. Но в то самое время, которое указано в распечатке, я подходил к кратеру, был как раз недалеко от этого места. Телефон лежал в кармане джинсов, и звонков никаких не поступало. Это какая-то фальсификация, иначе объяснить не могу!

– Хорошо, тогда дай мне свой телефон.

– Да, пожалуйста...

Джек полез в карман, достал сотовый и протянул детективу.

– Постойте, это новый, я купил его сегодня днем, но сим-карта та же.

– А что с другим телефоном.

– Он начал барахлить еще днем. Ко мне не могли дозвониться... – Джек загнулся и поднял голову. – Я решил, что, ударил его на тренировке и повредил. Выяснить так ли это – не было времени, поэтому я просто пошел и купил новый, – медленно проговорил он, глядя на копа и отчетливо осознавая, как это выглядит.

– Надо же, как удобно! Не находишь? Одно к одному, – интонация, с которой были произнесены слова, очень не понравилась Джеку. – Куда ты его дел, свой старый сотовый? – Равнодушные нотки растаяли так же быстро, как кусок льда в стакане с теплым лимонадом.

– Никуда, он у меня дома, и если хотите, я его вам принесу.

– Нет необходимости. Даже если ты удалишь входящие, операция будет зафиксирована в телефонной компании, как и все прочие.

– Простите, я не... Вы думаете, я вас обманываю. Вы думаете – я встречался с Полом и теперь что-то скрываю? Не понимаю...

– Я пока тоже, Джек, но уверяю, скоро все выясню. Я знаю тебя несколько лет только с лучшей стороны, и поэтому мне не совсем понятны твои мотивы, но, надеюсь, ты сам сможешь в этом разобраться. Надеюсь, я не ошибаюсь. Но согласись: это выглядит более чем... странно.

– Более чем? Выходит, вы мне не верите? Вы думаете, я скрываю, что разговаривал с Полом за несколько минут до... его гибели, – добавил он шепотом.

– Джек, извини, но я привык опираться лишь на факты. Факт первый: ты почему-то скрываешь, что разговаривал с Полом, хотя в руках держишь доказательство. Факт второй: ты не желаешь распространяться на тему этого разговора, и факт третий – ты не желаешь говорить о причине побудившей Пола бежать в ту злосчастную ночь из города.

– Похоже, я не смогу вас ни в чем убедить, чтобы сейчас не говорил, верно?

– Факты, Джек, вещь неоспоримая. Но, на время давай забудем о них. Допустим, допустим, ты прав, – он замолчал, достал сигарету, закурил, пожевал губами фильтр и затянулся. – Тогда, как ты сам можешь это объяснить?

Парень пожал плечами. Устало прикрыл глаза.

– У меня нет ни одной боле менее здравомыслящей идеи.

– С этим делом придется поработать, дабы доказать очевидное, – задумчиво протянул Чак, будто разговаривал с самим собой.

Из-под полуопущенных век Джек настороженно наблюдал за элегантно одетым пожилым мужчиной: аккуратно повязанный галстук в тон рубашки, до блеска начищенные туфли, дорогой костюм, раздумывая, говорить ли после всего услышанного о своих подозрениях или все же стоит повременить. Что если коп подумает, будто Джек намеренно пытается увести его в другую сторону, направить по ложному следу?

Бекс откинулся на спинку скамьи, закинул ногу за ногу, явно наслаждаясь прекрасным вечером. Облик заскучавшего джентльмена выдавали глаза: внимательно, цепко ощупывающие каждый дюйм взволнованного лица собеседника. Найти в отражении серых глаз ответы на свои многочисленные вопросы – это все, что он сейчас хотел.

– Сэр, шериф сказал, что в крови Пола обнаружен алкоголь, а рядом пустая бутылка из-под виски. Так?

– Не думаю, что должен отвечать, Джек.

– Сэр, я прошу.

Полицейский неторопливо затянулся, выпустив несколько колечек дыма. Казалось, он решил проверить нервы собеседника на прочность. Джек терпеливо ждал, пытаясь сдержать быстро набирающий обороты гнев, боясь, что вот-вот вспылит и этим испортит все. Когда он уже решил, что детектив не ответит, Бекс заговорил:

– Я скажу тебе, но сначала ответь. Как думаешь, у Пола были враги? Подумай хорошо, вспомни, может он говорил об угрозе?

– На счет врагов, точно не скажу. Мы ведь не были близкими друзьями, к сожалению. На счет угроз... не замечал ничего такого, хотя...

– Что?

– Может вам стоит внимательней присмотреться к братьям Керлинам.

– Дети мэра?

– Да... понимаете там, на плато Уотерби мы были не одни. В тот вечер туда же подъезжали и Керлины со своей компанией. Они могли что-то видеть, хотя и уехали за долго до нас, но...

– Но?

– Но ведь они могли и вернуться...

– Керлины, интересно, – он снова достал потрепанный блокнот и черкнул пару строк.

– К сожалению, сэр, больше ничего не могу сказать. Итак, м... как на счет моего вопроса?

– Услуга за услугу, Джек, да!

– Можно сказать и так!

– А ты ведь не хотел говорить мне о Керлинах, так?

– Так.

– Почему, изволь спросить? – Определенно парень нравился ему все больше: не глуп, не болтлив, знает намного больше, но не доверяет настолько, чтобы говорить о своих наблюдениях не боясь последствий. Слишком осторожен, взвешивает каждое слово. Редкая черта для столь юного возраста. Откуда такая настороженность в его-то возрасте, если только...

«Нужно покопаться в его личном деле»!

– Откровенность за откровенность? – Спросил Джек. Бекс кивнул, стряхивая пепел с сигареты. – Думаю, им все равно все сойдет с рук. Вы ведь понимаете о чем я и наверняка знаете

о проделках знаменитых братьев не меньше моего. Но что вы можете изменить? Ничего! Зря сотрясать воздух бравадой и лозунгами, руководствуясь лишь эмоциями – не в моих правилах.

– Хм. Почему ты думаешь, что им все сойдет с рук, из-за отца?

– Вы знаете не хуже моего. Неужели лучший друг, незаменимый партнер по гольфу, будет создавать неприятности его семье? Шериф постарается уладить дело очень тихо и быстро, не привлекая лишнего внимания к данной «небольшой» проблеме, а если станет нужно – может пойти и на крайние меры, – Джек вспомнил разговор с Гордоном. – Он всегда достигнет компромисса с оппонентом, иначе – Гордон не был бы лучшим другом мэра...

– Крайние меры?

– Сэр, я ответил на ваш вопрос!

– Хм... Ответил. Значит, ты не веришь в силу правосудия? Хорошо, Джек. Уговор есть уговор. В крови Пола действительно обнаружен алкоголь, вместе с препаратом, содержащим вещества, скажем так, влияющие на вестибулярный аппарат и значительно снижающие концентрацию внимания. Идеально, накачать парня препаратом и вынудить его отправиться на автомобиле по мокрой от дождя, петляющей узкой дороге. Плюс – ночь и ливень и без того сделали видимость нулевой. Сто процентный успех предприятия гарантирован!

– Значит, это правда... вы подозреваете, что Пола убили! – Дыхание участилось, жутко захотелось пить.

– Я так не говорил, но и эту версию стоит рассмотреть. Если бы ты не скрывал от меня некоторые моменты вашего разговора

– Сэр, я говорю чистую правду. Хотя понимаю, может показаться, я намеренно скрываю от вас информацию.

– Факты!

– Не знаю, но звонка я не слышал, как и не приходило сообщение о пропущенных.

– Ну, хорошо, допустим, – хмыкнул коп.

– А как вам такая правда – Пол не употреблял алкоголь. Вы верите, что в госпитале ему вдруг жутко захотелось в первый раз в жизни надраться и отправиться в путешествие. Я лично нет. Он никогда бы так не поступил, никогда! Пустую бутылку могли и подбросить. Вопрос: как она уцелела при аварии, когда все другое превратилось в месиво? – Он увидел перед глазами переломанную пополам, раздавленную шариковую ручку.

– Вот именно, Джек, возможно, кто-то очень хочет, чтобы мы поверили в несчастный случай. Не возражаешь, если я поговорю с твоими друзьями?

– Я передам вашу просьбу.

– Не стоит, я сам им позвоню, – он поднялся.

– Сэр, вы меня подозреваете? Откровенность за откровенность.

Детектив вздохнул, выбросил сигарету в урну, и посмотрел на Джека скучающим взглядом.

– Пока не сделаю определенных выводов и не соберу достаточно доказательств – буду подозревать каждого. Это моя работа, парень. Надеюсь, ты это понимаешь.

– По крайней мере, честно!

– До встречи, Джек. Да, вот еще что, надеюсь, если вдруг что-либо вспомнишь или появится информация, любая... обязательно позвони. Договорились? Не шерифу или кому-то из управления, только мне. Вот держи визитку, и хорошенько подумай обо всем, что я тебе сказал.

Он сунул в руку Джека кусок картона, слегка склонил голову:

– Надеюсь, наша команда победит в соревнованиях. Желаю удачи!

– Спасибо, сэр.

– Да и еще: не стоит гонять по трассе – слишком опасно... и... неразумно.

Детектив быстро пошел по аллее, скрываясь за поворотом. Через некоторое время послышался звук отъезжающего автомобиля.

Джек направился к «Красному озеру» и, подойдя к самому краю кратера, оперся о перила. Взгляд тут же приковало однообразное движение смертельной спирали, полностью растворяя время, стирая ощущение его быстротечности. Джек долго размышлял над услышанным, понимая, что ощущения не подвели его и в этот раз, впрочем, как всегда.

– Ничего себе, – вздохнул Джек, приходя к определенному выводу. – Чтобы там не говорил Бекс, надо предупредить Луиса о предстоящем разговоре с детективом, необходимо рассказать о звонке Пола в ту роковую ночь, – он достал телефон и быстро набрал номер.

Солнце спряталось за горами, и теперь в небе господствовала королева-луна, скупо освещая город призрачным светом. Зажгли фонари, собирая возле яркого ореола ночных бабочек и разрисовывая тротуары радужными кружками. На аллее стало немного светлее, хотя тени отбрасываемые деревьями удлиннились, стали глубже и чернее. Озеро выплюнуло струю огня, и оно, словно щупальца осьминога, протянулось в сторону Джека.

На звонок долго не отвечали, и когда уже Джек решил, что-либо Луис спит, что маловероятно, либо вновь валяется под днищем своего «монстра», что более всего, в трубке шелкнуло, и раздался веселый голос:

– Я тебя слушаю Джек!

– Ну, слава Богу! Луис, ты сейчас не занят? Надеюсь, не разбудил?

– Я тебя слушаю Джек!

– Отлично! Только что разговаривал с детективом Чаком Бексом, который ведет дело Пола. Ты знаешь, открылись кое-какие детали: оказывается не все так просто, как я и предполагал. Есть кое-что касающееся лично меня, да ты слушаешь? – Сказал Джек, встревоженный исходившей из трубки тишиной.

– Я тебя слушаю Джек!

– Да, что ты все заладил одно и то же. Ты понял, о чем я тебе толкую? Если я немного и сомневался, так после разговора с детективом просто убежден: аварию подстроили. Нам нужно все обсудить, давай зав...

– Я тебя слушаю Джек!

– Эй, Луис, у тебя, что пластинку заело... ты там в порядке?

– Я тебя слушаю Джек!

– Луис? – Грудь сдавило от страха.

– Я тебя слушаю Джек! Я тебя слушаю Джек! Я тебя слушаю Джек! Я тебя слушаю Джек!.. – Голос в трубке говорил все быстрее и быстрее, звуча с каждым разом на октаву выше, словно пленка на магнитофоне в ускоренном воспроизведении, пока вдруг не оборвался воющим криком. Телефон жалобно пискнул и отключился... сам.

Джек испуганно швырнул сотовый в траву, замерев от ужаса и продолжая наблюдать, как медленно гаснет экран дисплея. По спине стекла струйка пота, но не от жара. Колотило в ознобе. Сердце отбивало барабанную дробь.

– Это уже точно не галлюцинация, – прошептал он, стирая дрожащей рукой выступивший на лбу холодный пот.

Набрав в грудь больше воздуха, Джек заставил себя подойти к телефону и взять в руки. Он словно держал в ладонях гадюку, готовую вот-вот раскрыть пасть и вцепиться в него ядовитым жалом. Сотовый был выключен. Он зачем-то вытащил батарею, повертел в руках и вставил на место, и только потом нажал кнопку включения. Нетерпеливо ждал, когда тот заработает вновь. Затем осторожно, словно это не детонированный боезаряд, готовый взорваться при малейшей вибрации, убрал его в карман джинсов, и тут же подпрыгнул на месте, когда дисплей неожиданно ожил, и заиграла музыка смс-сообщения.

– Черт, вот черт, – выругался Джек, трясущимися руками доставая телефон и, посмотрев на сообщение, прочитал вслух:

– Пропущенный звонок от абонента Пола Хьюстона... Два раза... Время вызова двадцать три пятнадцать, второе сентября...

– Святая Мария...

Джек медленно поднял руку и посмотрел на циферблат часов: время – двадцать три двадцать... второе сентября...

Пол Хьюстон звонил ему пять минут назад...

9

На похороны Пола собрался весь город. Небольшое кладбище за церковным садом не могло вместить всех желающих.

Возле гроба находились лишь самые близкие – родители Пола: Джереми, Тина, ее сестра с мужем и детьми, мэр с семьей, сэр Гордон и Рейчел, школьные учителя, директор Лили Стофф, друзья: Оливер Хайман, Билли Геллер, Джим, Стив Дитертон, подруга Пола Джесси, рыдающая, на массивной груди своего отца, Джек, его мать Керол, Луис, Майкл с Кети и маленькой Сью, Дэнни с родителями и сестрой Керри, отец Сэмуил, доктор Снейк. Джек заметил и детектива Бекса на лице, которого застыла маска глубокой скорби. Коп украдкой обводил пытливым взглядом присутствующих, нервно одергивая полы черного идеально отутюженного пиджака.

Гроб с телом Пола выставили для последнего прощания. Солнечные блики отражались от лакированной поверхности. Казалось, будто по нему пробегают крохотные искорки. Легкий ветерок перебирает темные прямые волосы, слегка прикасаясь к мраморному лицу, на котором лишь безграничное спокойствие, черные густые брови, длинные пушистые, как у девчонки, ресницы.

Чуть полноватые губы, казалось, сейчас растянутся в улыбке. Пол проснется и недоуменно пробасит: «Какого черта они тут стоят и пялятся на меня». Его лицо такое умиротворенное и безмятежное, что просто невозможно поверить в жестокую правду. Но пересекающий лоб профессионально загримированный рваный шрам разрушал иллюзию спящего юноши, возвращая в страшную действительность.

Тина Хьюстон неестественно прямо сидела на стуле, с тем же отрешенным видом, как и в церкви, не отводя глаз от любимого лица. С той роковой ночи, она не произнесла ни слова, не заплакала, не закричала. Словно сгорела изнутри, напоминая прозрачную пустую оболочку: без слез, страданий, страха, отрешенная от суеты, она эмоционально погибла там, на дороге, вместе с Полом. Здесь ее не было, лишь былая тень: никто и ничто не сможет вернуть ее назад.

Джереми, напротив, источал такую скорбь и отчаянье, что даже самое черствое сердце не могло оставаться равнодушным. Слезы оставляли две блестящие дорожки на посеревшем от горя лице. Сгорбившись и судорожно держа Тину за руку, он все время звал сына по имени в безумной надежде, что этот жуткий кошмар всего лишь плод его воображения, и сейчас Пол отзовется – они втроем поедут домой, где ждет шикарный ужин, горящие свечи и игра в покер.

– Господь, пастырь мой, я ни в чем не буду нуждаться

Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим

Подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени своего

Я пойду долиною смертной тени и не убоюсь зла, потому что ты со мной...

Отец Сэмуил торжественно воздел руки к небу, со скорбью поднимая воспаленные от бессонницы глаза на присутствующих. Джессика, теряя сознания, схватила Дэнна, который оказался рядом, за руку.

Надрывный крик разорвал тишину. Люди плакали, кто навзрыд, не стесняясь слез, кто украдкой. Майкл, белый как полотно, обнял Кети, словно защищая от ужаса, парализовавшего Файерлейка, не имея сил оторвать взгляд от воскового лица напротив:

– Нет, не верю, не верю.

Джек оглянулся на Луиса: на скулах играют желваки, руки сжаты в кулаки. Его спокойный голос, раздавшийся из сотового вчера ночью, перешедший в вой, до сих пор стоит в ушах. Джек тряхнул головой, прогоняя наваждение, перевел взгляд на Пола, сердце болезненно сжалось. Неужели так легко можно оборвать чью-то жизнь, неужели можно решиться на такое?

Куда уходят наши надежды, куда ушел ты, Пол? Справедливо ли это? Кто решает, кому жить долгую жизнь, а кому умереть молодым? Почему кто-то может отнять у тебя самое дорогое и продолжать жить сам? Как же Господь позволяет такое?

– Земля к земле, прах к праху, – произнес священник, окрестив гроб. – Дети мои, на все воля Бога, да не усомниться в вас вера, ибо нам не дано понять помыслов Господа. Каждый приходит в мир со своим сроком, судьба предопределена заранее. Нужно молиться за упокоение души, и отпущение грехов, нужно молиться за оставшихся.

На все воля Господа! Пол будет ждать нас в прекрасном Господнем мире, а когда придет и наш черед, мы встретимся с теми, кто ушел первыми! Но кому дозволено войти в святой Дом, решают дела и помыслы наши. Только истинная вера и благословение Господа! Не плачьте, дети мои, ибо душа Пола сейчас в лучшем мире, где нет горести и болезни, нет страха и боли...

Джек беспокоился за мать. Он сжал ее ладонь, и, не смотря на поднимающуюся жару, она оказалась ледяной. Керол больше не могла плакать, лишь судорожно всхлипывала. В этом горе она видела свою утрату. Душа истекала кровью, умирала от боли. Облик Сэма, старшего сына, стоял перед глазами.

Могила Стива, отца Джека и Сэма, находилась рядом. Керол смотрела в ее сторону, сдерживалась из последних сил, чтобы не потерять сознание. Пелена заволакивала глаза, а гул в ушах становился все громче, все настойчивей.

Сэм так и не был похоронен, его тело не нашли. Он просто ушел и не вернулся. Сэмми Харисон был объявлен без вести пропавшим, а по прошествии двенадцати лет признан умершим. Серое надгробие, рядом с могилой мужа, всего лишь камень с его именем. Место куда она может приходиться, чтобы помолиться и отдать дань уважения.

Джек отвел взгляд, он больше не мог смотреть на эти траурные ленты. Стая черных ворон, расселась недалеко на надгробных камнях, поглядывая с любопытством. Нетерпеливо каркая, разместившись полукругом, будто мрачные зрители мифического амфитеатра, чей шелест крыльев напоминал восторженные аплодисменты жуткой пьесе под названием «Смерть», предоставленной на их суд. Перекрикивая друг друга, словно делясь впечатлениями, птицы перелетали с одного надгробия на другое, подбираясь ближе, выбирая наиболее удобные места для лицезрения очередной сцены.

Джека затошнило. Он отвернулся от черной стаи, заметив краем глаза мальчугана лет четырех, который, смеясь, выглядывал из-за надгробья в самом дальнем конце кладбища, видимо играя в прятки. Белые кудряшки, ниспадающие до самых плеч, обрамляли пухленькое розовощекое личико, создавая вокруг головы светлый ореол, будто один из херувимов, изображенных на своде церковного потолка, спустился в скорбное место, чтобы помолиться вместе со скорбящими. Белая холщевая рубашка с короткими рукавами, небрежно заправлена в длинные по колена шорты, с большими карманами по бокам.

Заметив, что Джек смотрит на него, он помахал ладошкой и звонко рассмеялся, тыча пальчиком в одну из ворон, примостившуюся рядом с ним. Джек оглянулся, не узнавая ребенка, надеясь увидеть легкомысленную мать, взявшего кроху на кладбище? Быстро пробежав глазами по толпе, он в тревоге вновь глянул на малыша.

– Ну и кого угораздило привести сюда паренька? – Раздражено пробормотал Джек. Малыш зашелся в приступе смеха, видно решив, что Джек решил с ним поиграть, поманил рукой, снова спрятавшись за надгробье. Ужасное сочетание: отчаянье десятков людей и звонкий детский смех, доносившийся с другого конца кладбища!

Джек выпустил руку матери, потер виски, пытаясь унять дрожь. В голове будто работал отбойный молоток, ударяя по оголенным нервам. Сделал шаг в сторону мальчика, решив выяснить, какой идиот привел его сюда и оставил без внимания. Но мать на удивление твердой рукой схватила за локоть.

– Мама, подожди, только узнаю...

– Прошу тебя, не уходи. Боюсь, без твоей поддержки просто потеряю сознание. Мне так плохо... Так...

– Конечно, я никуда не уйду, – он растерянно обернулся. В дальнем конце старого кладбища никого не было. Наверное, малыш снова спрятался за одно из надгробий. Джек долго вглядывался, но ребенок больше не появился. Сбежавшего, наверное, сорванца нашла мать и увела прочь.

Странно, он никого не заметил и был уверен – мать с шумным чадом мимо точно не проходила.

Началось прощание, люди подходили к гробу, в последний раз отдать дань уважения. Джессика, вскрикнув, тяжело осела на землю, и доктору Снейку пришлось оказывать помощь. Мистер Джереми, причитая, упал на грудь сына, вцепившись руками в гроб и чуть не перевернув его. Поднялся крик. Тина молчала, растерянно оглядываясь по сторонам.

Джереми буквально оттащили от гроба Рон Керлин и шериф Гордон. Теперь поочередно подходили школьные друзья, вспоминая о моментах, проведенных рядом с Полом. Дэн на негнущихся ногах, медленно приблизился к гробу. Долго молчал, глядя на покойника, потом неожиданно погладил его по голове и зарыдал.

Джек подошел последним. Мистера Джереми с силой сдерживали с двух сторон, не давая броситься на грудь сына. Джек смотрел на восковое лицо, бескровные губы, длинные ресницы, и душа переполнялась ненавистью к человеку, виновному в катастрофе.

– Пол, обещаю, я найду того, кто сотворил такое! – Прошептал он. – Найду ублюдка, клянусь! Разорву собственными руками. Он с полна ответит за все горе, которое причинил. За все, что совершил.

«Дверь медленно закрывается, с тошнотворным мерзким скрипом. С каждым последующим дюймом сердце наполняется страхом, ты больше никогда не увидишь его Найфмэн. Ты больше никогда не пожмешь его руку...»

– Пол, прости, что меня не оказалось в тот момент, когда я так был тебе нужен. Никогда не прощу себе этого. Я должен был почувствовать, должен был понять. Я ведь всегда чувствовал, прости. Пока бьется мое сердце, ты всегда будешь жить в нем! Пока бьется сердце, в нем всегда будет жить ненависть к убийце...

Тонкая струйка крови потекла из правого уха Пола. Теперь вблизи выражение его лица не было таким умиротворенным, каким казалось ранее. Он увидел страдание, ужас, неверие и... удивление. Только теперь он увидел, что пальцы рук перебиты и неестественно искривлены, губы приоткрыты, так что видны белоснежные зубы, а густой слой пудры и крема скрывает кровоподтеки по всей правой половине лица.

Отец Сэмуил смотрел прямо на него. Джек сжал кулаки так, что они хрустнули. Внутренняя дрожь усилилась, испарина выступила над верхней губой, а сердце пробивало грудную клетку. «Проклятые птицы, их карканье сводит с ума!»

Луис буквально оттащил его в сторону.

Крышку гроба опустили. Лебедка заработала, опуская его в могилу – последнее пристанище измученного израненного тела. Джереми, вскрикнув, дернулся вперед. Стая ворон кем-то потревоженная с криком взмыла вверх – «зрители» встретили завершения финальной сцены громкими «овациями».

Джек посмотрел в дальний конец кладбища, ребенка не было.

– Дже... – раздался шепот у самого уха. Будто со всей силы ударили в спину. Он дернулся, молниеносно разворачиваясь. Позади, всхлипывая, стоит Моника Грейт. Мокрые глаза за толстыми стеклами очков, кажутся просто огромными. Нервно кусая губы, она смотрит на могилу, продолжая теревать края легкой блузки, не замечая его пристального взгляда.

К шепоту Моника явно не имеет отношения, потому что Джек сразу узнал этот голос. Узнал интонацию. Эту, свойственную только одному человеку манеру говорить тихо, с приды-

ханием, прикрывая руками глаза, будто от усталости. Он узнал бы этот голос из тысячи. Узнал бы даже через сотни лет!

Никому из присутствующих голос принадлежать не мог.

По спине стекла струйка пота. Да, он сразу узнал голос и от этого волосы на голове стали дыбом. Дышать стало трудно, он словно захлебывался, проваливаясь в ледяной омут.

«Дверь... медленно закрывается. Нет! Не уходи!»!

Шепот до боли родной и теплый, мог принадлежать только ему. Шепот, который словно машина времени отбросил на много лет назад к тому, кто ушел, навсегда закрыв за собой дверь. Человеку, который был и остается для него всем. Человеку, который был ему братом...

– Сэмми... – прошептал Джек.

***

Дом Джереми и Тины Хьюстон находился рядом с особняком Скайокеров, сразу через шоссе на Холанд Стрит. Идеальный газон, кусты голландских роз, издающих тончайший аромат, стоит только пройти мимо, выющийся по стенам декоративный плющ, окутывающие высокие окна зеленым орнаментом, глубокий бассейн с плавающими на поверхности листьями тополя, сорванными вчерашним ветром, все выглядело одиноким и покинутым. В доме поселились боль и безумие, а гнетущая тишина обостряла чувство потери, словно вокруг дома провели невидимую черту, навсегда огородив от остального мира, превратив в вампира, пожирающего жизненные силы и волю каждого, кто смел пересечь эту черту.

Джек вошел в гостиную: с потолка свисала пузатая люстра с множеством хрустальных сосулков, бросающих золотистые отблески по зеркальному паркету, полукругом расставлены мягкие кресла прямо напротив высокого окна, откуда открывался прекрасный вид на реку, теряющуюся к востоку в лесных джунглях. Рядом стол с многочисленными закусками и вином. Над камином из белого гранита портрет Пола.

Джереми, владелец сетью ювелирных магазинов, был дельцом до мозга костей, сколотив состояние исключительно благодаря деловой хватке и интуиции. Начиная дело и имея лишь крохотный магазинчик в Файерлейке, он быстро разбогател, продолжая играть на бирже и вкладывать ценные бумаги в развивающиеся компании. К своим пятидесяти он сколотил приличное состояние, счет в банке, дающий уверенность в завтрашнем дне, огромный дом, в котором все сделано с любовью, прекрасную семью и самое главное наследника.

Пол был для него смыслом жизни, гордостью, надеждой. Он видел в нем будущее, видел того, кто достигнет таких вершин, о которых он мог лишь мечтать, тот, кто продолжит семейный бизнес, ступив на новый уровень. Трагедия отняла все, перечеркнув жизнь черной лентой – оставив голое пепелище на том месте, где только что цвел сад.

Только ради него он работал все эти годы – не покладая рук, забывая об отдыхе и спокойных вечерах в кругу семьи. Только ради него шел на риск, мечтая, как в один прекрасный день передаст в руки сына ту империю, которую создал сам. Полу никогда бы не пришлось довольствоваться малым и рисковать, ставив на кон все, что имеет. Никогда бы...

Собравшиеся в доме шепотом переговаривались, обсуждая прошедшие похороны и состояние Тины, периодически поднося ко рту бокалы с вином и устремляя взгляды в сторону камина. Джереми, опустошенный и подавленный сидел на диване, обхватив голову руками, в окружении мистера Гордона и Рона Керлина, мечтая лишь об одном – остаться в одиночестве, выпить бутылку или две коньяка, забываясь в пьяном угаре. Тина, словно статуя, в ступоре стоит возле портрета сына, не воспринимая действительность, не слыша и не видя никого, не смея оторвать глаз от его лица.

Джек, Луис, Майкл и Дэн подошли к Джереми еще раз выразить соболезнование и проститься. Майкл выпил немного вина, в надежде притупить боль, как он сказал, и теперь вздыхая, то и дело бросал взгляды на портрет в гостиной. Дэнни красными воспаленными глазами

с надеждой поглядывал на Джека, словно он был тем единственным, кто знает ответ на мучивший многих вопрос.

«Что произошло с Полом на самом деле?»

Луис, превосходно владевший собой в любой ситуации, и эта не была исключением, оставался более спокойным и рассудительным, чем его подавленные друзья.

– Мистер Джереми, еще раз примите наши соболезнования. Если мы можем вам быть чем-то полезным, то только дайте знать.

– Спасибо вам. Спасибо, что пришли. Ребята... Джек, ты был для него кумиром. Пол постоянно говорил о тебе. Пол, мой мальчик. Он. Он больше... Как же... Как же так?

Лицо Джека вспыхнуло, он стиснул протянутую руку, пытаясь унять дрожь, которая лишь набирала обороты. Джереми бессильно уронил голову на грудь. По бледным щекам текли слезы. Он вздохнул, попытался что-то сказать, но не мог. В горле стоял ком. Джек поспешно развернулся и быстрым шагом направился к двери, почти побежал, желая поскорее оказаться на свежем воздухе. Весь дом пропах тяжелым удушающим запахом смерти, запахом горя. Он чувствовал его, ощущал физически. А еще он больше не мог выносить пустые ничего не значащие слова и бредовые обещания его друзей – мистера Гордона и сэра Рона.

«Я сделаю все, что в моих силах и тд. и тп. Тупой бред! Тупой бред сивой кобылы!»

Гордон так и остался сидеть с открытым ртом, пораженный неслыханной дерзостью.

Джек задержался лишь на мгновение, чтобы поклонился Тине и был ошарашен, когда она с силой дернула его за плечо. Кружевной черный платок слетел с головы, сползая по плечам, оказался на полу. Джек в ужасе уставился на ее голову: еще вчера черные, как смоль волосы за одну ночь стали седыми.

– Во всем виновата я одна. Не надо было этого делать! Она предупреждала, предупреждала меня.

– Миссис Хьюстон, подождите, я позову кого-нибудь вам помочь?

– Мне не нужна помощь. Я не должна была отдавать его.

– Простите, я позову сэра Джереми.

– Я не должна была, понимаешь? – Рука дрожала, она приблизилась к нему почти вплотную, пристально вглядываясь в его лицо. Джек почувствовал на щеке горячее дыхание. Ее глаза лихорадочно блестели. Друзья топтались позади, шокированные внезапным «пробуждением» миссис Тины, не зная, что предпринять.

– Никто не смел поднимать на него руку. Он особенный... особенный. Это я виновата... они забрали... понимаешь, мы не нашли. Они забрали его...

– О чем вы, миссис Хьюстон? Что забрали...

– Они забрали его... мы не нашли...

– Дорогая, что происходит? – К ним спешил Джереми, за ним неразлучные Гордон и Рон Керлин. Тина пристально вглядывалась Джеку в глаза:

– Слушай, проснись! Ты должен... Они все сгорят в аду! Вместе со мной! Это все я виновата, – прошептала она, – проклятая печать... Все из-за нее. Не смей отдавать ее кому-либо, не отдавай... ее.

Через секунду глаза миссис Хьюстон потускнели, лицо превратилось в равнодушную маску. Она развернулась к портрету сына. Рука, сжимавшая локоть Джека безвольно упала. Гордон оказался проворней всех.

– Она говорила, говорила? – Требовательно спросил он у ребят. Денни икнул, мгновенно покрываясь краской. Майкл непонимающе таращился то на Джека, то на Луиса.

– Тина, ты что-то сказала? Ты пришла в себя? Тебе лучше, – тряс ее за плечи муж, но женщина не реагировала, бессмысленный взгляд замер на портрете.

– Джек, что она сказала. Джек? – Джереми обратил к нему горящий взгляд. – Я требую, чтобы ты ответил. Я прошу, – он в мольбе сложил руки у груди.

– Она сказала... – заплетающимся языком начал Майкл, но Луис толкнул его в бок. Это движение не укрылось от шерифа:

– Джек, ты не должен умалчивать! На кону здоровье миссис Хьюстон. Ты должен понимать, любая информация поможет вернуть Тину! – Прошептал Джереми.

«Похоже, миссис Хьюстон вовсе не хотела, чтобы они это слышали» – Джек подозрительно покосился на шерифа.

– М... мистер Джереми, она ничего такого не сказала. Она думает, что я... Пол, и позвала меня, – это было жестоко, но иначе Гордон не отстанет.

– О, Господи, Тина, – вскричал Джереми, обнимая ее.

Пытливый взгляд шерифа скользил по лицам.

– Майкл, больше ничего миссис Хьюстон не говорила? – Требовательно спросил он. Парень отрицательно покачал головой. – Луис? Дэниэль? Хорошо, тогда идите, но не забывайте, я закрыл серпантин для увеселительных поездок. Любой смельчак, которого я так застукаю, получит штраф, а его родители строгий выговор. Думаю, мы понимаем, что это необходимость, – добавил он, многозначительно глянув на Джека.

– Джек?

– Конечно, сэр.

– Луис, Дэнни, Майкл?

– Разумеется, сэр, мы понимаем. Всего хорошего! – Ответил за всех Луис.

Под пристальным вниманием Гордона они пересекли гостиную и вышли во двор. Гордон продолжал следить за ними через окно до тех пор, пока машина не скрылась за поворотом. Обменявшись многозначительными взглядами с мэром, шериф достал телефон.

– Ричи, слушай внимательно: необходимо, поставить наблюдение за Джеком?... Да, Джек Харисон... черт тебя дери, как будто я стану говорить в этот момент о другом Джеке. Думаю, недели будет достаточно... пока достаточно... Везде, даже в сортир! Отчет положишь на стол утром в следующий четверг. Дальнейшие указания получишь от меня лично. И докладывать только мне. Все отбой.

Шериф убрал телефон и задумчиво посмотрел на Тину.

«Чтобы не утаивал Джек, он видел, как она шептала мальчишке на ухо. Что? Его задача это выяснить!»!

***

Темно-синий форд Дэнна медленно катил по городу. Ребята молчали, каждый думал о своем.

– Эх... – вздохнул Майкл, сидевший на заднем сиденье вместе с Луисом. – До сих пор не могу поверить...

– Куда ехать? – Буркнул Дэн.

– Рули к «Семи Камням», – Джек не поднял головы, продолжая разглядывать свои руки.

– Папочка шериф запретил появляться на серпантине, ты же слышал.

– Слышал, но мы не гонять едем, а поговорить. Мне нужно кое-что вам рассказать, а более спокойного места не найти. Меня достало слышать ото всех слова сочувствия.

– Значит, детектив Бекс тебя удивил?

– Не то слово, Луис. Как всегда в точку. Кстати, я вчера ночью звонил тебе во втором часу. Где ты шлялся? – Руки задрожали, и Джек сжал их в кулаки.

– Вчера? В два я еще был в гараже. Телефон находился при мне. Ты говоришь во втором часу? Нет, нет уверен, никакого звонка не было. Я сам было хотел тебе звякнуть, но глянул на время и передумал. Не было настроения выслушивать твои сонные ворчания.

– Значит, такие же проблемы, как и с моим телефоном. Постой!

Джек достал сотку и набрал номер Луиса, через некоторое время послышался сигнал вызова и Луис глянул на свой сотовый, все еще не понимая, что хочет сказать Джек.

- Все нормально. Ты точно...
- Посмотри в журнале входящих? Ну, что?
- Джек нетерпеливо ждал, пока Луис щелкал кнопками:
- Джек, я же говорю – сотовый был при мне.
- Пропущенных нет, уверен?
- Ну, разумеется! Да в чем собственно дело!
- Сейчас доедем до места, тогда поговорим.

Джек снова проверил журнал звонков в своем сотовом. Почти не удивился, увидев в исходящих, последний вызов вчера в час пятнадцать значился номер не Луиса, как он и ожидал, а незнакомый. Он нажал кнопку ответить. Несколько секунд неприятного ожидания и безликий женский голос сообщил, что данного номера не существует. Надо же! Он ждал чего-то подобного. Посмотрел в журнале пропущенных звонков, будучи уверенным, что и звонка от Пола тоже нет, и был поражен, когда обнаружил его номер в этом списке.

– Черт, Дэн, ну что ты плетешься еле-еле, как беременная мамаша с коляской, – подал голос Майкл. – Дай я сяду за руль!

– Ага, тебя теперь только в космонавты! – Хмыкнул Луис. – Сколько выпил, герой? – Майкл обиженно насупил и отвернулся к окну.

– После того, что произошло с Полом, я, наверное, больше никогда не смогу гонять. Мне жутко даже просто ехать по этому шоссе, – прошептал Дэн. Майки вздохнул, прижавшись горячим лбом к прохладному стеклу окна машины.

Минут через двадцать форд притормозила на «Семи Камнях». Патрульный на мотоцикле сопровождал их почти до самого плато, но, не доезжая до серпантина, к всеобщей радости свернул в противоположную сторону. Они вышли из машины и уселись прямо на камни.

Майкл почти протрезвел, и теперь со злостью бросал камушки в сидящих поблизости ворон, облюбовавших высокий валун на другой стороне дороги. Камни не долетали до цели, но каждый раз, к радости Майкла, создавали среди птиц небольшой переполох.

– До чего же противные создания. Вы видели, сколько их было на кладбище? Собрались, как на представление. Все время сидели и тарасились на нас, как вампиры при виде свежей крови. Откуда их столько развелось в городе? Не припоминаю, чтобы они раньше вообще здесь обитали? – Значит, ни одни Джек это заметил.

– К твоему сведению, Майкл, ворон – очень мудрая птица.

– Мудрая? Да ты что, Луис, они же падальщики! Надеялись, ждали, когда им что-нибудь перепадет. Мне смотреть на них тошно.

Джек вспомнил, как птицы отвоевывали друг у друга кусок «кровавого пирога» на месте аварии, и его передернуло. Это не ускользнуло от внимательного взгляда Луиса.

– Рассказывай, – сказал он, хлопнув его по плечу.

Джек медлил, не зная, с чего лучше начать. Стоит ли говорить о странном голосе возле «Озера», о тени, молниеносно поднимающейся по отвесным каменным стенам, о его страхе? Наверное – нет. Ни один нормальный человек в такое не поверит. Ребята, может и не скажут, но точно подумают, что он свихнулся! Даже он сам не поверил бы, если бы не испытал на себе.

Может, он действительно спятил, и все происходит только в его голове? Тогда как же объяснить вчера вечером звонок погибшего Пола? Доказательства в его телефоне, и это уже не просто слова. Что тогда? Ребята терпеливо ждали.

– Я вчера звонил тебе, Луис, чтобы сказать – детектив Бекс намерен поговорить с каждым из вас наедине...

– Зачем ему это понадобилось, черт? – Прервал Майкл.

– Стандартная процедура, я ожидал чего-нибудь подобного, – кивнул Луис. – Хотя, постой, ты говоришь звонил? Звонка не было.

– Да... звонок странным образом прервался.

– Что ты имеешь в виду под словом «странным»? – Спросил Дэн.
– Об этом расскажу позже. Так вот... детектив многое рассказал. Вы, конечно, понимаете, о нашем разговоре никто не должен знать.

– Разумеется!

– А почему это ты на меня так смотришь? – Обиженно протянул Майкл.

– Потому что ты не должен говорить это даже Кети.

– Ты принимаешь меня за идиота, Джек. Она и так напугана!

– Нет, Майки, я никого из вас не считаю идиотами, иначе не был бы сейчас здесь, – он замолчал, собираясь с мыслями.

– Первое: в крови Пола обнаружена большая доза алкоголя, способная свалить с ног, даже здорового мужчину...

– Бред!

– Не может быть... Джек, ты же не думаешь, что я тогда в больнице...

– Майки, давай не будем перебивать, пусть Джек сначала все расскажет, – Луис хмуро покосился на птиц, которые выясняли отношение, видимо чего-то не поделив, подняв невообразимый гвалт.

– Итак, первое – это алкоголь в крови Пола, – продолжил Джек. – Мы прекрасно знаем, что Пол вообще не употреблял спиртное. Возникает вопрос: как тогда такое могло произойти? И если допустить эту возможность – что заставило его так поступить?

Второе: Пол без посторонней помощи не смог бы самостоятельно спуститься по веревке со второго этажа – это очевидно. Отсюда возникает другой вопрос: возможно ли, что ему кто-либо помог? Далее: на месте аварии обнаружена пустая бутылка виски. Как она могла при таком ужасном столкновении оказаться возле тела в целости и сохранности, тогда как другие предметы, более крепкие, чем хрупкое стекло, разбиты вдребезги, и полицейским пришлось собирать осколки на добрых двадцать ярдов вокруг?

В-четвертых: думаю, мать Пола не сошла с ума. Она кого-то боится, плюс винит себя в произошедшем, потому что что-то дала ему, чего не должна была ни в коем случае отдавать. Миссис Джереми попыталась сказать это мне. Она знает, я все равно буду сомневаться, и возможно решила подсказать с чего стоит начать. Хотя видит Бог, я ничего из сказанного не понял. И в-пятых... – Джек устало прикрыл глаза рукой.

– Почему ты замолчал, – напряженно спросил Дэн.

– Не знаю, как сказать...

– Скажи, как есть! – Посоветовал Луис.

– Хм... ладно... слушайте, – он отнял ладони от лица, и все заметили, как Джек взволнован.

– Вчера, после разговора с детективом, я решил сразу позвонить тебе Луис, чтобы рассказать о возможной скорой встрече с Бексом. М... когда я набрал твой номер, то через некоторое время мне ответили.

– Стоп! Я же сказал, что не отвечал на звонок!

– погоди, Луис, – протянул заинтригованный волнением друга Майкл. – Продолжай Джек.

Джек замолчал, пытаясь подобрать слова, такие чтобы ребята его поняли и не сочли психом. Он оглянулся, бросив взгляд на город далеко внизу. Видневшиеся из-за зелени листья крыши домов походили на шляпки грибов, появившиеся после дождя. Он разглядел крохотную точку, сразу узнав машину шерифа, подъезжавшую к полицейскому управлению.

– Мне ответил ты, Луис. По крайней мере, я на все сто процентов был уверен в том, что это твой голос. Ты сказал: «я тебя слушаю, Джек» и... засмеялся. Я начал рассказывать о встрече с копом, но ты твердил одну и ту же фразу снова и снова: «я тебя слушаю, Джек» все быстрее и быстрее, пока не оборвался на высокой ноте. Затем телефон вырубился, и я, кажется,

бросил его на землю, но, справившись со страхом, поднял. Буквально через пять минут он включился сам... – Джек замолчал, судорожно сглотнув. Жутко хотелось пить.

Друзья озадаченно переглянулись между собой.

– Прямо пересказ фильма «Один пропущенный звонок»...

– Заткнись, Майки. Вечно ты не в тему, – Дэн подвинулся к Джеку, вслушиваясь в каждое слово.

– Телефоны, конечно, могут сами вырубиться, когда, например батарея разрядилась или он накрылся, но чтобы включались сами... это уже чересчур! Ты уверен, что именно так и было... – Майкл почесал макушку, покосившись в сторону Луиса.

– Слушайте, я не звонил, это правда. Такие розыгрыши не в моем вкусе, тем более учитывая положение вещей... Может, ты просто ошибся и набрал не тот номер, а кто-то решил приколоться? Те же Керлины, от них любой гадости можно ожидать... – выдвинул предположение Луис.

Конечно, Джек предполагал, что ему сразу не поверят. Он следил за выражением лиц друзей, гадая, как они отреагируют по поводу пришедшего смс.

– Это не все. Когда телефон включился, пришло смс-сообщение, о пропущенном звонке...

– Какое еще смс-сообщение? – Первый не вытерпел Майкл, протянув к нему руку.

Вместо ответа Джек достал сотовый. Нашел текст сообщение и передал телефон Луису, буквально замершего при виде текста. Майкл с Дэном заглянули ему через плечо. По мере того, как до Дэна доходил смысл написанного, его лицо становилось все блее. Наконец он поднял на Джека округлившиеся испуганные глаза:

– Это что, шутка!

– А ты считаешь сейчас самое время для шуток? – Отрезал Луис. Майкл недоуменно смотрел то на него, то на Дэна. Камень, приготовленный для слишком близко подобравшегося к ним ворона, выпал из руки и покатился по земле.

– Господи... Тогда, я ни черта не понимаю, – наконец сказал он, – Джек, объясни!

– Что объяснять, вы сами все видите. Когда я поднял телефон и прочел это сообщение, то решил, что спятил и не хотел вам его показывать. Но, поразмыслив обо всем, пришел к выводу...

– Ребята, что если это действительно Пол подает нам какой-нибудь знак... – Дэн тяжело прислонился к скале, трясущимися руками вытирая выступивший на лбу пот. Восточку с того света. Черт, да это же, это же... Может, может он хочет справедливости?

– Думаю, Дэн, все гораздо проще...

– Рассказывай, – потребовал Луис.

– Мы прекрасно знаем, что Пол не принимал алкоголь и никогда не сделал бы этого по доброй воле. Что если предположить: кто-то заставил его.

– Зачем?

– Пока не могу сказать. Возможно, чтобы инсценировать аварию. Такое нельзя исключать, ведь так? Не разбившаяся об асфальт бутылка дорого виски... этот «некто» мог нарочно ее туда подбросить. Когда я разговаривал с детективом, стало ясно – ему самому многое не понятно в этом деле и закрывать его он не собирается, не смотря на заверения шерифа, который говорил об этом накануне.

– Бекс та еще ищейка, точно, – свистнул Майкл.

– Именно – профессионал. Теперь другое: как Пол мог сам спуститься с окна с травмированной ногой? Это невозможно, попробуйте сами. Перевяжите ногу и вперед. Думаю, посадка не будет мягкой.

Теперь об оксиконтине...

– Что еще за хрень?

– Это Майкл препарат, который назначают с крайней осторожностью. Он вызывает сначала прилив сил, снимает боль, но сильно понижает концентрацию внимания и вызывает сонливость. Что если предположить, будто приняв препарат, Полу стало легче, и он решил поразвлечься? – Джек вопросительно посмотрел на друзей. Майкл пожал плечами. Дэн почесал за ухом. Один Луис смотрел прямо в глаза.

– Стал бы он поступать так неразумно и опрометчиво, рискуя в любой момент свалиться с окна, тем самым, усугубив ситуацию или нанеся себе дополнительные травмы. Он мог просто договориться с охраной и выйти через центральную дверь. Я думаю, как одному из лучших игроков «Орланов» ему пошли бы на уступки. Даже не сомневаюсь в этом. Помните, с какой легкостью нас к нему пропустили? Об этом знал и Пол. Тогда зачем, черт возьми, нужно выстраивать столь сложную комбинацию, когда можно сделать все просто и не рисковать свернуть себе шею?

– Значит, ты хочешь сказать: Пол никуда не собирался в тот вечер, а возможно он просто не хотел никого посвящать в свои планы и у него были на то веские причины?

– Возможно, – продолжил Джек. – Может, мать Пола действительно догадывается о чем-то. Надо попытаться через какое-то время встретиться с ней наедине. Сейчас это делать бессмысленно, она еще не в себе. Да и Гордон с мэром хуже сторожевых псов.

– Это так ужасно, – всхлипнул Дэн. – Но если это чьих-то рук дело, то для чего... зачем?

– Не знаю, – обессилено выдохнул Джек. – Боюсь, мы еще долго не сможем найти ответ. Теперь далее: Чак Бекс рассказал мне еще кое-что... Пол не взял с собой сотовый, может быть, забыл второпях, неизвестно, но перед самым уходом из госпиталя, он позвонил мне на мобильник...

– Что? Он звонил тебе в ту ночь, а ты не сказал...

– Я не договорил, Майки: детектив сказал, что последний исходящий в его телефоне был на мой номер в час пятнадцать... но... – Вот и подошел разговор к тому, о чем Джеку совсем не хотелось говорить. – В это время я возвращался домой, и все дело в том, что на сотовый мне никто не звонил. Ситуация примерно такая же, как вчера и с твоим мобильником, Луис.

– Погоди. Ты говоришь, что не услышал звонка?

– Я не говорил, что не слышал звонка! Я говорил, что никто не звонил. Не знаю, не могу понять, но последнее время телефон то работал, то нет, и, когда детектив об этом рассказал, я сразу подумал, что сотка накрылась окончательно... но...

– Пол звонил тебе, а вызов не поступил, так что ли? – Вскрикнул Майкл.

– Наверное, так. Но потом сегодня пришло это сообщение... – Джек вскочил и теперь взволнованно расхаживал между валунами. В сторону города по шоссе проехало несколько автобусов. Очередной заезд туристов.

Джек забрал свой сотовый из трясущихся рук Дэна и нажал «перезвонить» в ответ на смс о пропущенном звонке Пола.

– Что ты делаешь? – В испуге закричал Майкл и протянулся к телефону, намереваясь отобрать его у Джека, который в ответ лишь мягко отстранил друга и включил громкоговори-тель, чтобы все могли слышать ответ.

Они в напряжении замерил. Телефон долго молчал, затем пошли гудки. Дэн украдкой перекрестился и зашептал молитву, отойдя назад, будто бы боялся, что из сотового протянется рука и схватит его. Вздрыгнул, когда над головой раздалось карканье.

– Телефон выключен или находится вне зоны доступа... – Дэн издал вздох облегчения. Джек покачал головой, на немой вопрос Луиса.

– С этой мобилы ответить никак не могут, ведь он храниться как важная улика в сейфе департамента полиции! – Крикнул Майкл, хлопнув Дэна по плечу.

– Разумеется.

– Но, тогда, кто и главное как отправил с него сообщение? Не могу взять в толк... я... Нужно обратиться в компанию «Скай», по-видимому, произошла путаница. Компьютеры нередко дают сбои, и все возможно. Я просто идиот, что это говорю! Я сам могу залезть в их головной компьютер и просмотреть все входящие и исходящие! Так даже будет лучше. Никто не узнает.

– Только этого нам еще не хватало. Ты бы поостыл, – Луис недовольно покачал головой.

– Господи! Звонок с того света, – продолжал Майкл, усевшись на камень. – Это знак... он подает нам знак...

– Ребята... это жутко, – на Дэне лица не было.

– Или кто-то играет со мной, – зловеще прошептал Джек. – Кто-то хочет подставить или напугать... Кто-то имеющий возможность проникнуть в комнату с уликами в центральном управлении, чтобы позвонить с телефона Пола. Кто-то, кто может залезть в центральный компьютер телефонной компании и изменить данные. Кто-то ненавидевший меня на столько, что решил использовать гибель Пола, чтобы навредить мне. Кто-то с большими связями и возможностями...

– Фред Керлин? – Охнул Майкл.

– Вряд ли у него имеются такие возможности или связи! – Скептически заметил Луис.

– Не знаю, но постараюсь это выяснить. И тогда...

– Ты можешь на меня рассчитывать, – неожиданно произнес Луис.

– На нас! Рассчитывать на нас, – вышел вперед Дэнни.

– В кои веки ты прав, Дэн! Джек, ты можешь на нас рассчитывать, – кивнул Майкл и протянул к нему руку.

10

Дни в Файерлейке потекли своим чередом. Время излечивает раны, притупляет боль, и городок постепенно оправлялся от трагедии. Жизнь входила в привычное русло. По настоянию шерифа дело Пола Хьюстона было сдано в архив с квалификацией как несчастный случай.

Чак Бекс продолжал негласное расследование, рискуя службой и карьерой. Поговорить с ребятами Джека он все-таки успел. Впрочем, шерифу до этого не было никакого дела. С чувством выполненного долга он занимался повседневными делами. Порядок в городе восстановлен, можно немного и расслабиться.

Пиво, игра в гольф по выходным, отдых на природе – что еще нужно стареющему джентльмену, имея молодую жену, прекрасную дочь и приличный счет в банке? Держать себя в отличной физической форме становилось все труднее. Гордон катастрофически полнел, и ему опять необходимо обновлять гардероб.

Когда на стол положили отчет о проделанной работе по наблюдению за Джеком и его друзьями, Гордон вздохнул с облегчением. Похоже, Джек с того самого дня немного успокоился и проблем не доставлял. Хотя периодически кто-нибудь из его друзей устраивал слежку за братьями Керлинами и по воскресеньям они продолжали гонять по шоссе двести сорок шесть.

С первым Гордон разобрался довольно быстро, поговорив с Джеком, когда тот в очередной раз пришел навестить Рейчел. Джек объяснил это не иначе как ребячеством и попыткой как-то развлечься в редкие часы отдыха. Противостояние двух компаний, ничего более, заверил он, и Гордон на это счет успокоился.

Да и у Рейчел с Джеком вроде бы все налаживается. Шериф решил, что Джек перебесился и теперь успокоился, взвесив все за и против. К тому же будущего без Рейчел у Джека не могло быть, это Гордон доходчиво объяснил ему. Кто идет против Бога, тот служит Сатане! Одно из прекрасных высказываний нашего отца Сэмуила. А со служителями зверя разговор один...

Что же касается второго – гонок по опасной дороге, шериф оказался здесь абсолютно бессильным, как не странно это звучит. Джек был непреклонен, заявив, что сэр Гордон может

просить что угодно, но только не требовать отмены гонок. Адреналин и жажда скорости – без этого Джек не в силах прожить, примет это Гордон, либо нет.

Не помогали ни патрульные, ни закрытие трассы, ни его верные помощники: сыновья друга мэра, с которыми Джек с ребятами даже подрались, пытаясь прорваться на плато Уотерби. Вовремя подоспевшие полицейские, вызванные уважаемым сэром Паркером, разогнали честную компанию, иначе дело переросло бы в серьезную потасовку. И отчего у них между собой такая, мягко сказано, вражда – шериф никак не мог взять в толк, а Джек же на этот вопрос, просто отшучивался.

Он уверял, ничего с ним произойти не может, пока городом управляет сэр Керлин и шериф Гордон, и не было понятно – смеялся ли Джек или говорил всерьез. Постепенно шериф оставил Джека в покое, и больше не приставал с нравоучениями, хотя продолжал приглядывать за ним и его честной компанией.

Джереми и Тина Хьюстон после трагедии стали жить обособленно. Джереми запил с горя и теперь его часто можно встретить среди посетителей бара «У Босса» вместе с отъявленными алкоголиками и бездельниками. Забросив дела, погрузившись в пучину горя, мистер Джереми искал забвения в вине, но, как правило, не находил.

Миссис Хьюстон в черном одеянии бродила по улицам, с надеждой заглядывая в лица прохожих, будто искала кого-то, а затем возвращалась на могилу сына, где сидела тихо и молча, пока солнце не опускалось за горизонт, а день не сменяла ночь, и отец Сэмуил насильно не уводил ее домой.

Доктор Снейк настаивал на ее лечении в Спрингфилде, для чего необходима лишь подпись одного из членов семьи. Так как Джереми почти всегда был пьян и поэтому не в состоянии отвечать за свои поступки, Рональдом Керлином было решено вызвать из Финикса сестру миссис Тины для окончательного решения по поводу госпитализации и введения совместного бизнеса.

Джек несколько раз встречался в городе с матерью Пола, в надежде на разговор, но его усилия ни к чему не приводили. Она оставалась молчаливой, отстраненной и подавленной, полностью погрузившись в свой собственный мир. Местный сумасшедший Эрни буквально ходил за ней попятам, подвывая и скуля, словно старая больная собака. Осторожно подходил к сгорбленной фигуре на кладбище и, встав рядом, тихонько гладил по голове, стараясь утешить.

Могилы Пола утопали в свежих цветах, которые каждый день приносили его друзья, Джек, Луис, Майкл и Дэн. Они рассказывали ему о школьных делах, зажигали свечи и тихо молились. Джек не смог рассказать ребятам о своих снах, о Поле, о его прощании и обвинении в смерти. Он не забыл своей клятвы найти убийцу, и эта решимость росла с каждым днем. Теперь он твердо был убежден – смерть Пола не была простым несчастным случаем.

Ребята выработали тактику слежки за Керлинами, но ничего не узнали. Зато собрали приличный компромат, которому когда-нибудь, Джек на это надеялся, дадут ход. Братья жили двойной жизнью: по вечерам занимались мелким рэкетом, дрались, приторговывали наркотиками. Джек с друзьями, как мог, мешал их мелкому бизнесу, но этого явно было недостаточно.

Пока Гордон намерено закрывал на произвол Керлинов глаза, ничего не изменить. Пока мэром города оставался Рон Керлин, все было бесполезно. Какую-либо причастность Керлинов к аварии установить не удалось: в то время, когда произошла трагедия, они напивались в баре, и даже успели подраться с местными рокерами, чему было масса свидетелей.

За неимением других версий Джек решил принять выжидательную позицию. Тот, кто совершил убийство, обязательно еще напомним о себе.

Керол готовилась к открытию выставки и целыми днями пропадала в мастерской. Она стала еще более задумчивой и грустной, а в короткие утренние часы, когда им удавалось завтракать вместе, подолгу смотрела на сына печальными глазами и целовала в макушку, совсем как тогда, в далеком детстве. На вопрос Джека, что ее тревожит, она вздыхала и говорила,

старательно скрывая дрожь в голосе, что ничего такого, просто волнуется перед открытием галереи.

Джек приделал к ножу Сэма небольшое серебряное кольцо, сломанное в одной из драк Фредом Керлиным, повесил на широкую цепочку и теперь всегда носил нож на шее, словно талисман. И действительно, его ощущение рядом с сердцем придавало уверенность и силу. Надежду, что в конечном итоге все закончится хорошо: он попадет в высшую лигу, свяжет свою жизнь с игрой, Рейчел измениться и он, может тогда, захочет быть с ней.

Джек наблюдал за Майклом и Кети, у которых любовный роман набирал обороты. Майки разительно изменился. На других девчонок не обращал внимания, смотря на Кети влюбленными глазами. Практически все свободное время они проводили вместе, и друзья на него не сердились. Иногда Джек спрашивал себя, будет ли у него когда-нибудь так же, и как это ощущать, что ты влюблен настолько, что все прочее для тебя перестает существовать? Все остальное отходит на второй план. Что это за странная штука – любовь?

Луис верный своему слову, постоянно брал маленькую Сьюзи на тренировку, заезжая за ней на своем «монстре», и она гордая, как ее величество королева, гордо вышагивала мимо надувшегося Майкла, не забыв по дороге показать язык.

– Сдалась она тебе, – каждый раз ворчал Майкл. – Зачем тебе это надо? Пригласи лучше Мэгги Хайт, все польза: меньше будет гадостей обо мне Кети рассказывать.

– Ты все равно не поймешь, – говорил Луис, усаживая вместе с Сью в машину и соседскую малышня, чьи довольные мордашки, измазанные шоколадом и мороженым, выражали при взгляде на него глубокое благоговение. Малышня были самыми преданными его поклонниками. На тренировке их счастливые крики доносились всякий раз, когда Луис удачно проделывал ту или иную комбинацию.

– Завел бы себе уже подружку, – продолжал бурчать Майкл, отчего со всей силы получал от Сью кулачком по спине.

После школы Дэн отпраивался на лесопилку. Время шло, но чувства к Рейчел становились только сильнее: безнадежно влюбленный, он продолжал испытывать перед другом чувство вины, ненавидя себя все больше. Выматываясь до предела так, чтобы хватало сил лишь на ужин и блаженный сон, парень с ужасом понимал, что изнуряющие методы ни к чему не приводят. Его чувства к девушке друга не охлаждаются.

Рейчел с наслаждением садиста продолжала измываться над Дэном, особенно если рядом находился зритель способный по достоинству оценить ее необыкновенный талант и умение унижить человека вне зависимости от обстоятельств и причин, предшествующих этому. Как правило, это был Фред Керлин, который проворно ухаживал за Рейчел, в надежде досадить Джеку и вывести из себя.

Хотя Джека это вовсе не волновало. Его сместили тщетные попытки Рейчел вызвать в нем ревность, всегда приводящие в конечном итоге к крикам, оскорблениям с хлопаньем дверей и битьем посуды в школьной столовой.

По воскресеньям ребята собирались на плато Семи Камней, чтобы устроить очередной заезд. Это был единственный выходной, когда они могли собраться все вместе: поговорить о планах и обсудить возникшие вопросы. Друзья планировали поездку на реку Овайхи порыбачить и отдохнуть от города, но опять что-то не выходило и все приходилось откладывать. Остановились на конечном варианте: после игры, которая состоится уже через две недели, они обязательно выберутся на рыбалку, не смотря ни на что.

На смену теплым дням пришли дожди, чему радовался лишь старик Герри Дик, чей разбрызгиватель во дворе работал, когда ему вдумается, но только не в жару, да садовник Паркер, чей виноград продолжали наглым образом обдирать местные мальчишки.

«Теперь-то в такую погоду они не сунутся»!

К тому же он приобрел здоровенную злую псину-добермана, которая рыскала по ночному саду, как сам черт и не дай бог ему попасться.

Как-то возвращаясь вечером после тренировки и подойдя к церкви, чтобы опустить деньги в чашу «Подношений», Джек увидел священника, стоявшего на ступенях и отчитывающего Эрни, который, судя по всему, опять чего-то натворил. Эрни с обиженным видом сидел рядом, подогнув под себя ноги, искоса снизу-вверх поглядывая на отца Сэмуила в своей неизменной клетчатой рубашке с открытым воротом и черных штанах на лямках, смахивающий на гигантскую куклу-пупса, с тем же бестолковым выражением на гладко выбритом лице. Каждый раз, когда священник начинал говорить, Эрни жалобно визжал, как мартышка в зоопарке, закрывая глаза и корча рожи. В конце концов, отец Сэмуил махнул на него рукой, устало прилонившись к тяжелой двери.

После последней встрече у кратера, полоумный всячески избегал с ним встречи. Заметив его издали, он принимался истошно вопить, убегая в противоположном направлении. Джек так и не смог объяснить, чем вызван его беспричинный страх перед ним. Но со временем Эрни успокоился и лишь жалобно скулил, когда парень оказывался рядом.

Скорей всего это объяснялось рецидивом болезни Эрни, но доктор Снейк, осмотрев парня, пришел к выводу, что для окружающих он не опасен и никаких прогрессирующих изменений его психики не видит. Все свелось к даче Эрни легких успокоительных. Дело поручили отцу Сэмуилу, но это оказалось не таким простым заданием, как казалось на первый взгляд.

– Добрый вечер, святой отец! – Поздоровался Джек, когда священник остановил на нем грустный взгляд.

– Джек, давно не виделись, давно! Хотя ты обещал зайти! Помнишь?

– Да, но...

– Понимаю, эти события и меня выбили из колеи. Ну, на все воля Бога! Я рад, что ты наконец-то пришел.

– Я... мм... не...

– Хорошо, Джек, не топчись на месте, заходи. Я готов тебя выслушать. Поговорим, так сказать, в неофициальной обстановке.

Эрни, видя, как священник уходит, завизжал, чем сразу навлек на себя гнев святого отца. Он нетерпеливо махнул на сумасшедшего рукой.

– Иди к себе в комнату, Эрни, бисово отродье... Помилуй, Господи, мою душу! – Перекрестился отец Сэмуил, возведя глаза к небу.

– Что он натворил, святой отец? – Спросил Джек, проходя за священником через зал в крохотную келью с правой стороны от алтаря, чья дверь скрывалась за массивными деревянными панелями.

Комната представляла скромное жилище служителя церкви. Узкая кровать с крестом над изголовьем у небольшого окна, деревянный стол, накрытый белой скатертью, три стула, старинный комод, пару кресел, книжный шкаф – вот и все убранство.

– Проходи, Джек. Сейчас организуем чай. Пока располагайся, а я сейчас.

Священник открыл дверь справа, которую Джек сразу и не приметил, скрываясь в ее глубине. Раздался стук фарфоровых чашек и шипение электрического чайника. Через минуту отец Сэмуил показался, неся в руке разнос с двумя лиловыми кружками, чайником и стеклянной розеткой с печеньями и сахаром. Он выложил незатейливое угощение на стол, указав Джеку на стоящий рядом стул, скрипнувший под его тяжестью, когда Джек нерешительно сел.

– пей чай, пока он горячий. Нет ничего лучше крепкого горячего зеленого чая, – многозначительно заметил отец Сэмуил и с наслаждением отпил из кружки, издав при этом громкий хлюпающий звук.

– Мы давно не разговаривали, Джек. Конечно, тому можно придумать массу оправданий, но они все равно будут служить лишь отговорками.

Снаружи послушался рев, кто-то с силой тарабанил в дверь. Священник покачал головой на молчаливый вопрос Джека.

– Эрни... Скажу честно, давать ему лекарство – сущее наказание, прости меня Господи, – он перекрестился. – Легче поцеловать бешеного пса нашего садовника! Слава Богу, осталось еще два дня.

– Почему бы не поручить эту работу доктору? Пусть госпитализирует его на время.

– Что ты! – Всплеснул руками отец Сэмуил. – Эрни – несчастная душа маленького ребенка в этом несуразном теле. Это сильно травмирует его, а мой долг, как истинного католика, помочь его душе и направить на путь истинный. Хотя мне кажется, он мало меня понимает... – Священник вновь перекрестился. – Но ничто человеческое ему не чуждо, проказник, прости Господь его душу.

– Вы о чем?

– Эх, утром он так напугал вашего директора, что пришлось давать ей успокоительное?

– Лили Стофф, вот уж не думал, что она чего-то боится?

– Не смешно, сын мой. Ей действительно стало плохо. Срам-то какой, стыдно сказать, – священник перекрестился. – Эрни подсматривал за ней, когда она переодевалась. И вот дурачок, а все туда ж.

Джек не сдержался и захохотал, представив картину: прямо как Квазимодо и Эсмеральда нашего времени. Ничего более нелепого он не мог себе вообразить – высокомерная молодая особа и это недоразумение природы. А Эрни еще тот тип!

Отец Сэмуил осуждающе посмотрел на него. Джек торопливо поднес чашку ко рту, чтобы не захохотать снова. И надо отдать должное отцу Сэмуилу, чай действительно был хорош.

– Но, как бы то ни было, я прочитал Эрни проповедь о великой силе целомудрия и чистоте души, надеюсь, он понял хоть толику из всего сказанного, хотя... – он махнул рукой. – Я тебя пригласил не об Эрни поговорить, сын мой.

Настроение у Джека моментально испортилось, и пить чай тоже перехотелось. Он отодвинул от себя кружку и на предложение святого отца налить ему еще, отказался. Священник встал, убрал чайник, кружки, смахнув крошки от печенья прямо на пол. Он намеренно медлил, на лбу пролегла морщинка.

– Джек, скоро день твоего восемнадцатилетия, этот день особенный для нас всех. Мы не один десяток лет ждали прихода наследника, того, кто сможет возглавить орден и повести его членов в борьбе со злом. Мы ждали, чтобы передать дело нашей жизни в надлежащие руки. Этот день предсказан еще за долго до твоего рождения, и ты понимаешь, с каким волнением мы ждем, когда сбудется предначертанное. С самого раннего возраста тебя готовили к этому, но не посвящали во все тонкости нашего дела. Когда же тебе все станет известно, ты будешь горд и счастлив, что такая миссия возложена именно на тебя.

– Но пока я ничего не знаю и мне не особенно это нравится.

– Я уверен, поверь, ты изменишь мнение обо всем, как только вступишь в права. Ждать осталось совсем недолго.

– Но я хочу жить, как все. Я не хочу быть наследником...

– Тебе будет сложно, но ты сможешь устоять. Долг матушки Афении помочь тебе достойно пройти этот путь. Но даже она не всесильна. Как бы ты ни старался, ты не сможешь жить как все и отдать возложенную на тебя миссию другому. Наше общество, наш орден очень долго ждал именно тебя, и теперь мы готовы к этому событию. Я хочу, чтобы ты понял, Джек, изменить ничего нельзя. Время бесповоротно. В твоих жилах течет иная кровь. И то, что возложено на тебя, произойдет, – Джек поднялся, он не мог сидеть на месте.

– Что значит иная, отец Сэмуил?

– Иная – значит особенная...

– Ясно, – хмыкнул Джек, ничего не поняв. – Это значит, что я не смогу заниматься любимым делом.

– Ты будешь заниматься тем, чем захочешь, но только живя в нашем городе. Ты не сможешь жить вне его.

– Это смешно! Я не хочу оставаться здесь!

– Я прошу только немного терпения. После ритуала, ты осознаешь, как сильно заблуждался и будешь рад продолжить служение ордену.

– Какому ордену, сэр? Вы же священник...

– Да это так! Поэтому я и позвал тебя, чтобы поговорить и успокоить. Доверься мне Джек, неужели я посмел бы причинить тебе зло. Оглянись вокруг. Да, наша община живет обособленно от остального мира, да, мы не выпускаем чужаков в наш круг, да! Но мы сохранили чистоту и непорочность. Тем миром правит дьявол, а здесь царство Господа! – Теперь и священник поднялся и взволнованно ходил по комнате: лицо покраснелось, в уголках губ собралась слюна, взгляд пронзительных глаз перебежал с предмета на предмет.

– Царство Господа? А как же Пол Хьюстон?

– Замыслов Господа нам не дано понять. Мы не можем знать причин, но мы знаем, что Бог не допустил бы преступления...

– Да? Несчастный случай, – с сарказмом произнес Джек.

– Именно, сын мой!

– Сэр, значит, мне нужно смириться. Всю жизнь провести в этом городе, жить с ... с нелюбимым человеком. Не это ли грех, святой отец?

– Грех? Это служение делу Бога, молодой человек. Наши предки – первые колонисты на эту землю прибыли еще в начале шестнадцатого века, и с тех пор мы охраняем... – Он замялся. – Джек, мальчик мой, прошу тебя, будь терпеливым. Ты не можешь наделать глупости. Все гораздо серьезнее, чем может показаться. Это не религиозный фанатизм, как ты сейчас думаешь. Уверен, ты осознаешь свою значимость. Полюбишь Рейчел, ведь она так прекрасна, как богиня! Если б ты знал, что тебе завидуют все мужчины нашего города!

– Отец Сэмуил, вы не ответили, что вы охраняете!

– О, всему свое время. Джек, я так люблю тебя и так хочу, чтобы у тебя все было хорошо. Ты можешь пообещать мне кое-что?

– Что? – Хмуρο бросил парень.

– Пообещай беречь себя. Умоляю, не гоняйте на серпантине по ночам. Ведь если с тобой произойдет несчастье, ты не представляешь, какую катастрофу это за собой повлечет.

– Какую, – усмехнулся Джек – Или это тоже великая тайна!

– Не смейся. Все серьезнее, чем ты можешь вообразить! В манускрипте написано: огненная река выйдет из берегов, если главный хранитель погибнет, и погубит все живое намного миль вперед. Ее гнилостное смертоносное дыхание проникнет в каждого, до кого сможет дотянуться. Они изменятся и откроют дорогу злу, ожидающему своего часа.

– Ага, понятно. Я буду главным хранителем... – Джек сел за стол. – Не понимаю, почему я это слушаю, бред какой-то...

– Прошу не богохульствовать в моем присутствии, сын мой, – священник перекрестился и сурово уставился на Джека.

Вой стих. Видимо Эрни ушел, и теперь тишину нарушало лишь чириканье воробьев, доносившееся из открытого настежь окна.

– Простите, отец Сэмуил. Не хотел вас оскорбить. Ну, мир? – Джек улыбнулся неотразимой улыбкой, благодаря которой многие прощали ему бестактность, а иногда и явную грубость, тут же забывая резкость и обидные слова. Исключением не стал и святой отец. Он облегченно вздохнул и, подойдя к Джеку, похлопал его по плечу:

– Я так рад, что ты меня понял, мальчик мой, благослови тебя Господи! – Он перекрестил Джека. – Так ты обещаешь вести себя осторожно?

– Обещаю, святой отец...

– Превосходно! Давай-ка выпьем еще чайку? Не откажешь старику в его просьбе, – не дожидаясь ответа, священник скрылся в маленькой комнатушке, готовя чай.

– Святой отец, матушка Афения хочет говорить со мной об ордене?

– Вот чего не могу сказать, так этого! Ты же знаешь, она не посвящает нас в свои планы. Кстати, матушка очень расстроилась, что так и не смогла повидать тебя. Но думаю, на игру она обязательно придет, тогда вы и встретитесь?

– Замечательно, – без энтузиазма пробормотал Джек. Разговаривать с этой особой желания не возникало.

– Святой отец, можно у вас спросить?

– Конечно, Джек!

– Почему монастырь «Плача» закрыт? Никто не смеет прийти на встречу с близкими. Помолиться с ними.

– Для молитвы существует святой храм, – сухо сказал отец Сэмуил. – А монастырь для невест христовых, и видеть их никто не должен. Они уходят, отрекаясь от суетного мира, принимая обет. У них нет больше родственников, лишь Господь.

– Почему? Разве это не жестоко? Почему нельзя навестить родителей, например, Елизу Питт, которая в прошлом году, сразу после школы ушла туда. Неужели ее никто больше не увидит?

– Девушка сама выбрала этот путь. Это право каждого. И таков устав монастыря. Так было испокон веков.

– Но это просто ужасно. По собственной воле заточить себя в темницу.

– Не в темницу, а в божественную обитель. Ты многого еще не понимаешь, может в силу молодого возраста, но некоторые готовятся к этому с детства и чтят за честь уйти в монастырь, посвятить дарованную им жизнь служению Богу, вдалеке от праздности и веселья. Я со многими разговаривал, Джек, но не многим уготована такая честь.

– Вот уж не подумал бы, что можно добровольно отречься от всего... Слушайте, святой отец, а вы не ошиблись... ну, насчет меня? Может, я вовсе не тот, кто вам нужен? А может, произошло чудовищное недоразумение. Понимаете, что я хочу сказать? Я не чувствую того, что наверное должен. Мне хочется жить совсем другой жизнью. Я не тяготею к религии, и правила морали меня не сильно заботят. Все, к чему меня готовят с детства, чуждо и отвергается мной. Разве это правильный выбор. Разве так должно быть?

– Да, могло быть и хуже. Лишь через отрицания ты узрешь путь. В свой следующий день рождения ты, как бы это сказать, переродишься заново. Почувствуешь, как тебя наполнит иная сила, а понимание откидывает с глаз пелену. Ты станешь другим... совсем другим. Ритуал освободит твои возможности. Твое мировоззрение изменится. Ты согласишься на мир иным взглядом. Понимаешь о чем я?

– Пока нет, – вздохнул Джек. – Меня мучают кошмары... – не с того, ни с чего выпалил он. Священник замер, не донеся кружку ко рту. Рука дрогнула, пролив чай на рясю.

– Кошмары, – стараясь, как можно спокойнее произнес он.

– Да! «Огненное озеро». Сэм, срывающийся в пропасть. Пол... странные голоса, звуки, шелест крыльев...

Священник перекрестился и перекрестил Джека.

– Дьявол пытается свести тебя с ума, завладеть разумом, искушить, ты не должен поддаваться черной силе. Молись, молись ежечасно, ежеминутно, но ты обязан бороться с этим, противостоять. Чем ближе приближается срок, тем ожесточеннее он будет сражаться за твою душу. Ты не должен верить тому, что он говорит, не верь тому, что видишь. Дьявол может

принять любой образ, пытаюсь сбить тебя с праведного пути. Тебе нужно приходить в храм чаще, Джек, каждый день, ты слышишь... каждый день!

– Конечно, отец Сэмуил, – без особого энтузиазма ответил парень.

Вот это тирада! И что он думал услышать. «Дьявол борется за его душу. Интересно, что бы ответил доктор Снейк, скажи я о снах: переутомление, психоз, признаки начинающегося безумия, что?»

– Почему индейцы сюда не приходят, отец Сэмуил?

– Что это вдруг ты о них спрашиваешь, – подозрительно покосился священник. – Вот уж нечего им здесь делать.

– Я, кстати, видел одного из них – старика, еще до аварии...

– Дьявол может принять любой вид, Джек, не забывай. Не мог ты видеть у нас индейцев, они обходят это место стороной, считая проклятым. Легенды гласят, что во время образования «Огненного Озера»... ты ведь помнишь ее?

– Разумеется.

«Как можно забыть то, о чем талдычат тебе с детства»!

– В то время, когда образовалось «Озеро», произошло что-то странное между поселенцами и местными индейцами чинуки. Тому есть масса всяких историй в нашей библиотеке. Если тебе станет интересно и ты решишь расширить кругозор, можешь почитать литературу или обратиться к профессору Макдилану. Но чтобы они нарушили запрет и явились сюда, об этом не может быть и речи.

– Но я его видел, как вас сейчас. Он смотрел прямо на меня, что-то по-своему лепетал. Я не понял, лишь одно – он был чертовски зол на меня.

– Смотрел на тебя? Да, видно тучи сгущаются, нужно известить матушку Афению, – пробормотал отец Сэмуил, перекрестившись. – Ты ошибаешься, сын мой! Индейцы не могут сюда прийти, они не посмеют. Чем ближе срок, тем дьявол изобретательней... Это видения, не иначе.

– А как же Луис Смол, мой друг, ведь он наполовину латиноамериканец?

– Ну, допустим не наполовину, а меньше, и он не чинуки. Его корни тянутся с востока, как мне известно. К местным он отношения не имеет, хотя и живет здесь с рождения. Кстати, передавай ему привет. Мистер Луис очень серьезный молодой человек.

– Хорошо, передам. Спасибо отец Сэмуил за беседу, чай, но уже поздно, и я пойду.

– Да, тебе пора. Не забудь о том, что ты пообещал, помнишь?

– Да.

– Передавай привет Керол.

Выйдя из церкви, Джек вздохнул полной грудью. В лужах отсвечивались фонари, отчего тротуар напоминал секретный фарватер. Казалось, что ступаешь прямо по размытым кружкам света.

Джек достал сотовый. Больше перебоев и таинственных звонков не было, укрепив во мнении о причастности к этому кого-то из города. Хотя Дэн продолжал уверять, что без злых сил здесь не обошлось.

– Луис, ты уже дома?

– Да. Родители вернулись из экспедиции! Так что у нас праздник! Приходи.

– Рад бы, но не смогу. Завтра у матери открытие галереи, и я обещал не задерживаться. Она хотела показать картины, которые отобрала для коллекции. Я обещал, так что извини! Передавай им от меня огромный привет!

– Конечно, передам! Но завтра после тренировки соберемся у меня. Предупрежу об этом родителей, а то они вас сегодня ждут. Майклу сейчас позвоню, пусть на завтра никаких дел не планирует. Хотя ему передумать и вывернуться ничего не стоит!

– Отлично, тогда увидимся в школе. Ты с ребятами сегодня на тренировке отлично про-
рвал оборону Стикса, хотя ее выстроил сам Ламар.

– Спасибо! Имея такого учителя, как ты...

– Ну, ладно, – засмеялся Джек. – Отбой!

Пройдя мимо «Озера» и вздохнув полной грудью запах горячей серы, словно живитель-
ный глоток воды для умирающего от жажды, взглянув на щупальца-руки, тут же протянувши-
еся к нему, он быстро прошел к дому.

В гостиной горел свет. Керол ждала сына, нервно меря шагами комнату. Светлые волосы
беспорядочно забраны в пучок, во рту почти докуренная сигарета. Увидев его, она поправила
белую блузку, выбросила окурочек в пепельницу и в нетерпении махнула рукой. Джек чмокнул
мать в щеку, спросил, как прошел день и, не дождавшись вразумительного ответа, покачал
головой:

– Ты ела?.. Ага, понятно.

– Джек, может, мы сразу пройдем в мастерскую – хочу услышать, что ты думаешь о моей
коллекции.

– Конечно, если ты обещаешь, затем поужинать со мной.

– Обещаю! Обещаю! А теперь пошли, – нетерпеливо воскликнула Керол.

Она быстро пошла вперед, все время оборачиваясь, будто боялась, что он сбежит. Войдя
в мастерскую, Джек увидел, что мать уже все приготовила, и несколько картин на мольбертах
стоят у противоположной стены, ожидая его приговора. Керол тут же достала новую сигарету
и, прикурив, с силой затянулась.

– Мама, ты же знаешь, я не одобряю.

– Джек, ну как, что скажешь... – не обратив внимания на его замечания, буркнула жен-
щина.

Он подошел к первой картине, на которой изображен монастырь, окруженный лесом.
Солнце почти опустилось за горизонт, и замок освещали призрачные огни. Тяжелые тучи скры-
вали небо, отбрасывая темные тени на старые каменные стены, покрытые мхом.

– Превосходно, мама, это здорово! Но...

– Правда, тебе нравится!

– Конечно! Только мрачно, словно это замок Синей Бороды!

На другой картине изображена старая женщина в грязном дорожном плаще: мутные уста-
лые глаза смотрели на узкую тропинку, петляющую между деревьями и убегающую в густой
лес. Женщина тяжело опиралась на палку, видимо подобранную рядом. Над головой на мох-
натой ветки ели сидела красивая небольшая птичка: желто-оранжевое брюшко, черная спинка,
с крапинками белых пятен на крыльях, конический острый клюв приоткрыт в песне – иволга.

– Отлично!

Джек переходил от картины к картине, а Керол внимательно следила за выражением его
лица.

– Тебе грозит успех, – сказал Джек.

– Ты думаешь?

– Я просто уверен... я... ув...

– Что?

Он замер возле последнего творения, сначала подумав, что ему показалось. Джек закрыл
глаза, потряс головой и вновь посмотрел на картину. Ему не показалось.

На полотне изображено «Огненное Озеро», в самые прекрасные минуты сумерек, когда
сгущающаяся темнота озарялась фиолетовым сиянием кратера, образуя своеобразный светя-
щийся купол. Столб огня и лавы поднимался вверх, освещая тонкую фигуру, стоящую на самом
краю обрыва. Светлые волосы от легкого ветерка беспорядочно разметались по лицу, на кото-
ром застыло умиротворение. Губы растянуты в улыбке, прищуренные голубые глаза смотрят

с вызовом и озорством. Юноша стоял с разведенными в разные стороны руками, словно собирался прыгнуть в низ. Сэм, а это был именно он, был точно таким, каким Джек видел его во сне.

Керол посмотрела на побледневшее лицо сына.

– Ты не одобряешь?

– Откуда... почему ты написала это... как к тебе вообще пришла идея нарисовать именно это? – Его голос дрожал. Керол опустила глаза, нервно теребя на пальце правой руки кольцо, с большим синим сапфиром.

– Ты будешь смеяться.

– А разве это смешно!

– Ты прав, не смешно, – она прошла к дивану и тяжело опустилась на него, судорожно затягиваясь сигаретой. – Мне это снилось несколько раз. Понимаю – это безумие, но я решила нарисовать Сэма таким, каким его видела.

– Когда тебе это снилось?

– Последнее время часто... довольно часто.

– А Сэм что-нибудь говорит... в твоих снах?

Лицо Керол исказила гримаса боли. В ответ она покачала головой, но сделала это слишком быстро, что поневоле навело на мысль об обратном.

– Думала, если нарисую его – станет легче...

– Помогло?

– Нет...

– Мама расскажи, прошу... – Взмолился Джек, но она вновь покачала головой.

– Мне нечего рассказывать, это правда... Я только вижу, что он стоит на краю кратера, а затем падает вниз... Вот и все.

– Хорошо, только успокойся, ладно? – Промямлил Джек, видя, как по щекам матери скатились две слезинки. – Картина действительно отличная, и я просто уверен – завтра тебя ждет успех.

Он отошел от холста, не в силах больше находиться рядом. Глаза Сэма, словно живые, прожигали насквозь. Он вспомнил свои сны и содрогнулся от ужаса.

«Значит, не только ему снятся кошмары. Но разве может быть, чтобы им с матерью снилось одно и то же. Сны, пугающие своей реальностью, такие правдоподобные?»

Джек уверен, Керол недоговаривает всего, и Сэм в ее кошмарах говорит с ней так же, как и с ним. Но что он рассказывает? И что может это означать: совпадение или действительно существуют какие-то силы, таинственные силы, которые пытаются что-то донести до них? Джек в это не верил, но объяснить происходящее не мог даже самому себе.

Уходя, он в последний раз оглянулся на картину. Сэм улыбался именно той улыбкой, перед тем, как ступить за порог его комнаты, которую Джек запомнит навсегда. Он вдруг ясно представил, что вот сейчас брат прикроет глаза рукой и устало бросит:

«Не горюй капитан-найфмен, я же обещал не бросать тебя».

11

Город замер в ожидании предстоящего матча. Повсюду висели флаги «Бобрового» штата, и плакаты с изображением команды «Орланов». Тщательно прибранные и украшенные флагами и цветными шарами зеленные улицы, томились в ожидании встречи с многочисленными фанатами «Плохих парней», которые приезжали на автобусах вместе с командой Аризоны уже сегодня вечером.

Шериф усилил патрулирование, ведь вне зависимости от исхода игры, вечер продолжится массовым гулянием с фейерверком и ночной дискотекой, что неизбежно столкновением фанатов противоборствующих сторон. Такое поведение отнюдь не является редкостью, учитывая нравы нынешней молодежи. Гордон выделил специальный наряд, который должен

нести круглосуточное дежурство в парке у «Огненного Озера», во избежание несчастных случаев с чрезмерно «принявшими на грудь» гостями.

Высокий сияющий отель на Холандстрит готовился принять любое количество приехавших туристов. Разумеется, шикарные апартаменты ждали и команду из солнечной Аризоны: с мини баром, кондиционером, кабельным телевидением и огромной ванной комнатой.

Ламар Уокер от волнения не находил места. Последние несколько дней он практически не спал и был чрезвычайно раздражителен. Тренировки длились по пять-шесть часов ежедневно, но тренер не был удовлетворен результатами команды. Кевин Олдман, сменивший Пола, оказался слабым принимающим, но производить замену уже не имело смысла – времени на подготовку очередного игрока не было. Уокер вновь стал вспыльчивым и резким, а откровения после смерти Пола казались чем-то далеким и невероятным.

Джек, Луис и Майкл надолго задерживались на поле после окончания тренировки. Они до автоматизма прорабатывали разработанную Джеком комбинацию, которую проведут на последних минутах игры для завершения решающего гола или попадания в зачетную зону. По крайней мере они на это надеялись.

Комбинация должна стать сюрпризом. Все довольно просто – эффект неожиданности. Команда противника не сможет правильно отреагировать на ситуацию. Ведь они нарушат правила, и предвидеть это никто не в силах. Но интуиция Джека как всегда подсказывала – это станет решающим моментом. Хотя не стоит наивно предполагать, что у Грега Мэтьюсона тоже не припасен козырь в рукаве. В этом Джек даже не сомневался.

Фред Керлин отдал бы многое, чтобы подставить его на игре, даже если цена – поражение команды Файерлейка. Он может связаться с «Парнями» и выдать все, что удалось узнать.

Майкл по своему обыкновению не ворчал, понимая – времени не осталось. Он отменил встречи с Кети, запрещая появляться на стадионе. Разговаривал лишь по телефону, обещая все звезды с неба, но только после матча...

Презентация открытия галереи Керол, как и ожидал Джек, прошла более чем превосходно. Заинтересованный ее работами крупный бизнесмен и коллекционер живописи – искусствовед из Вашингтона, прибывший по личному приглашению мэра, купил картины за баснословную сумму и предложил заключить контракт. Картины Керол переправляются в престижную частную галерею в Вашингтоне, что открывает дорогу в большое будущее. Сразу после матча она уезжала в Сиэтл, для заключения договора. Ее тревожило лишь одно: Керол не хотела расставаться с Джеком даже на день.

Настал день матча. «Плохие парни» и их фанаты прибыли накануне на четырех автобусах, разукрашенных эмблемой клуба: пират с черной повязкой на глазу и мячом в руке. «Белокрылые орланы» во главе с главным тренером Ламаром Уокером и бесчисленные фанаты футбола торжественно приветствовали гостей на центральной площади.

Впереди процессии шел Грег Мэтьюсон рядом с тренером чехом Эриком Чивоски, с любопытством оглядывая встречающих. Выглядел он внушительно: высокий, сильный, дерзкий. Джек первый подошел к нему, протянув руку для приветствия.

– Что ж, слышан об «Орланах», – нараспев произнес Грег. – Люди горазды байки рассказывать. Думал, ты поздравнее. Надеюсь, разделаем вас под орех. Даже не надеюсь, а не сомневаюсь! – Он улыбнулся, с силой сжав протянутую руку. Хотя улыбка более походила на оскал – улыбка аллигатора пьющей из реки антилопе.

Джек ответил на рукопожатие, слегка склонив голову.

– Игра покажет.

– Ага, надежда всегда умирает последней, – пробубнил Майкл, стоявший сразу за Джеком.

Капитан соперников презрительно оглядел Майкла с головы до ног и неожиданно протянул ему руку, сплюнув под ноги жвачку.

– Извини, – нахально сказал он, вскинув брови. – Даже не заметил, кто тут. Буду с нетерпением ждать момента, когда пощады попросишь, малыш!

– Не надо ждать, попрошу прямо сейчас. Пощади! – Скривившись, пропищал Майки, пожимая его руку, чем рассмешил рядом стоявших болельщиков.

– Вижу, ты шутник, малыш, поэтому пойдешь под раздачу первым!

– Ага, мне уже страшно...

– Время покажет, – серьезно сказал Джек. – Давайте не будем гадать. Отдыхайте, располагайтесь, встретимся на поле.

– Ты у них тут за главного, Джек? – Делая на последнем слоге ударение, произнес Грег. – Что ж идет! Время всегда все расставляет по местам. – Он оценивающе посмотрел на Луиса, сверлившего его взглядом.

Кивнув остальным квотербекер «Плохих парней», окруженный болельщиками гордо прошествовал мимо. Он был уверен в своей победе на сто процентов.

Ламар беседовал с Чивоски, бросая взгляд в сторону Джека, из чего он сделал вывод – речь явно идет о нем. Во всем чувствовалось напряжение: к матчу готовились давно, и исход игры многое решал для каждого. Сомневаться не приходилось – игроки готовы на все, лишь бы принести победу своей команде.

За два часа до начала матча к стадиону потянулись болельщики. Охрана с металлоискателем тщательно проверяла каждого, во избежание проноса запрещенных предметов, в частности спиртного или холодного оружия, что совсем не обрадовало Керлинов и его дружок. Постепенно стадион заполнялся. Последними прибыло руководство города и его гости – важные шишки из Глендейла и Финикса.

Шумно переговариваясь, жуя попкорн, люди делали ставки, нетерпеливо ожидая начала. Рейчел Скайокер, как всегда в окружении веселой мужской компании блистала красотой и остроумием, уверяя, что ее Джек никогда не проигрывает, и кем бы ни был этот Грег Мэтьюсон, «Плохие парни» уедут из Файерлейка побежденными. Что же касается ее – она в этом уверена и даже мысли не допускает, что может быть иначе.

Недалеко сидевший Дэнни, прислушивался к ее словам то краснея, то мгновенно бледнея, продолжая украдкой бросать восхищенные взгляды в ее сторону и отчаянно завидуя этому придурку Фреду Керлину, который постоянно брал ее за руку, поднося к своим губам.

Семьи Грандов и Рочестеры, недавно вернувшиеся из экспедиции, сидели рядом. Маленькая Сью надела самое красивое белое с голубыми цветочками платье. Мать вплела в рыжие косички блестящие ленточки. Девочка аккуратно поправляла их грациозным движением, со стойкостью выслушивая от брата Макса обидные шуточки. Сегодня он не заставит ее выйти себя. Торжественно держа в одной руке пластиковую бутылочку лимонада, в другой маленький букетик цветов Сьюзи взволнованно смотрела на поле, ожидая появления своего кумира.

– Э, невеста, букетик-то завянет, пока игра закончится, – издевался Макс, и получил за это от матери строгий выговор. Девочка не удостоила его даже взглядом, внимательно следя за электронными табло прямо напротив.

Ребекка и Олсон Рочестеры с упоением продолжали рассказывать Генриетте и мистеру Оушену о своей работе. Они были взволнованы до крайности: неудивительно – сейчас будет играть их сын, Луис, такой самостоятельный и такой за лето повзрослевший.

Отец Сэмуил находился рядом с матушкой Афенией, которая оставила монастырь и приехала в город на матч. Он все время шептал ей на ухо, рассказывая о последних произошедших в городе событиях. Тонкие губы монахини плотно сжаты в прямую линию. Она не отвечала, лишь изредка надменно покачивая головой. Колючий взгляд гулял по рядам, пока не остановился на Рейчел Скайокер, кокетничавшей с Фредом. Афения нахмурилась, осуждающе кач-

нув головой. Глаза подозрительно сузились, заметив несчастные бросаемые взгляды на ветреную девушку Дэнном Иейтсом.

В раздевалке Ламар Уокер давал последние указания команде, пытаясь поднять боевой дух. Он ходил вдоль ряда взад – вперед, а глаза игроков пристально и напряженно следили за ним. Тренер говорил уже более пятнадцати минут. Напряжение возрастало, обстановка наэлектризовалась, и, казалось, хватит одной искры, чтобы взорвать стадион вместе с болельщиками и гостями города.

– Играем так, как всегда. Жестко, резко, сильно! Главное уверенность, никому не позволим одержать над нами победу, так «Белокрылые орланы»!

– Да... – кричала команда.

– Покажем гостям, кто хозяин! Покажем, как умеем играть! Мы первые. Вы первые. Не забываете об этом ни секунды. Все, что теперь требуется – это злость, злость и уверенность в себе.

– Да...

– Играем жестко, без соплей! Цель – все, боль – ничто! Да...

– Да!

– Научим «Плохих парней» хорошим манерам!

– Да!

– Запомните: злость и ярость – ваши союзники, никакой пощады «Парням». Вы хорошо усвоили правило?

– Да!

– Тогда вперед, и покажите гостям, что они играют как сопливые девчонки! – Зарычал Ламар, срываясь к выходу, словно спущенный с цепи бультерьер.

Новая белая форма с эмблемой летящей птицы и золотыми буквами «WSE», обрамленных в геральдический знак лорда Белтимора, основателя клуба «Орланов», специально сшита на заказ в Сайлеме и привезена за день до начала соревнований. Форма вызвала одобрение мэра, который придирчиво осматривал экипировку, лично проверяя крепость щитков и шлема.

Луис и Майкл, надев шлемы, с размаху ударились лбами, ликуя от предвкушения. Раздался сухой шелчок, словно выстрел. Не будь на них шлемов, тяжелое сотрясение мозга было бы гарантировано. Хотелось одного: на поле, показать все, на что способно твое тело, раздираемое от переизбытка адреналина. Это круче слепого поворота на узком серпантине в ярде от пропасти!

Когда команда появилась на стадионе, их оглушили визг и восторженные крики приветствия. Болельщики тут же развернули плакаты, забили в барабаны: «Джек с нами, мы победим!», «Белые орланы – вперед!».

Трибуны разделились на два лагеря: синих – болельщики «Плохих парней» и белых – болельщики «Орланов». В воздух взмывали синие и белые ленты. В глазах рябило от ярких цветов, а сотни лиц на трибунах сплетались в один сплошной ковер, будто сложенный по эскизу художника-абстракциониста.

С противоположного входа выбежала команда «Парней», и болельщики гостей буквально взревели в восторге. Грег Мэтьюсон вышагивал впереди, грациозно махая в приветствии. Команды обменялись рукопожатиями. Грег хмыкнул, посмотрев в сторону Майкла, тот в ответ послал воздушный поцелуй.

После жеребьевки игра началась...

***

– Итак, – кричал комментатор, – право начального удара завоевали «Плохие парни». Мяч устанавливается на тридцати пяти ярдовой, удар... Мяч в руках у Спенсера.

Джек бросился вперед, видя, как Грег Мэтьюсон легко ломает защиту, сбивая с ног Джима и Стива. Спенсер делает пас Грегу и тот стремительно бежит, оставляя пройденные

ярды позади. Джек прямо за ним, уворачиваясь от защитников, сбивает с ног Снэпа, делая подсечку.

– Квотербек парней пробежал уже десять ярдов и это первый даун, – продолжал комментатор, – Харисон нагоняет Мэтьюсона, который ловким ударом пробивает защиту, и приближается к зоне. Что мы видим! Он остановлен Джеком Харисоном, который буквально протаранил его.

Джек видел перед собой лишь ноги Грега, когда бросился прямо под них, сделав последний рывок, Грек зарычал, упав вперед. Мяч перешел к Бобби Райту, который передал его бегущему «Орлану» Шону Варману. Грег перевернулся, налетел на Джека, сбив с ног и наваливаясь всем телом. Через решетку шлема смотрели черные, горевшие в ярости глаза. Приличный вес с силой сдавливал грудь, мешая сделать вздох.

– Извини... – хмыкнул Джек.

– Тебя унесут на носилках, – прохрипел Грег.

– Итак, мяч переходит к «Орланам». Квотербек дает последние указания команде... У «Орланов» замена: вместо Лонга выходит защитник Луис Смол и принимающий Майкл Гранд. Харисон подобрал сильный состав, что ж будем надеяться – он правильно сделал выбор. Мяч на двадцати пяти ярдовой...

– Слушайте, ребята, желтый сорок шесть. Будьте внимательны – желтый сорок шесть! Луис прикроешь Майкла со спины, Джим, ты за Шоном. Делаем обманку, а затем блокировку, начали... – голос Джека дрожал от нетерпения.

– Пас Петерсону, Хайману, Варману... «Орланы» стремительно прорываются вперед. Вновь Петерсон, бросок по высокой дуге, мяч у Харисона, – трибуна ревела. – Что мы видим? Мэтьюсон сбивает с ног Хаймана, похоже, с ним не все в порядке и... тачдаун. Счет открывает Джек Харисон, команда «Белокрылых» или как называют их болельщики – «Белых орланов».

Стадион взорвался криками. Девушки из команды поддержки танцевали. В небо кто-то выпустил белые шары, которые медленно поплыли над стадионом, словно стая голубей. Ламар Уокер орал как безумный, подпрыгивая на месте и обнимая хмурого Чивоски, со всей силы тряся за плечи.

Маршалл Пикет, бросился на Майкла, который дерзко показал большой палец Грегу Мэтьюсону, и «Плохие Парни» заработали фол: пятнадцать ярдов штрафа.

– Хаймана спешно уносят на носилках, похоже у него травмирована нога. «Орланы» потеряли одного игрока. Счет открыт на первых минутах матча Джеком Харисоном, звездой футбола нашего города и подающего большие надежды спортсмена, – вещал комментатор.

«Плохие парни» взяли таймаут, и произвели несколько замен. На десятой минуте первой четверти Грег Мэтьюсон отправил в нокдаун лаймена Джо Лероя и занес мяч в зачетную зону, тем самым, сравняв счет. Во второй четверти картина повторилась: Грег принес команде еще шесть очков, и отправил Бобби Рейта на носилках, отчего заработал еще один фол за неспортивное поведение. Принимающий Уил Гредик к концу четверти принес «Плохим Парням» еще один тачдаун. Игра принимала серьезный оборот для команды Файерлейка. Во второй половине игры Майкл снова сравнял счет, но Марк Воджел вывел «Плохих парней» вперед, заработав тачдаун.

В четверной четверти вновь вели «Плохие парни». Они шли с отрывом в двенадцать очков. Ламар Уокер метался за белой линией, словно обезумевший тигр, вылакавший цистерну валерьянки:

– Беременные девки и те бегают быстрее, – орал он. – Стив, живее передвигай свои кривые ноги, что ты целуешься с этим Кейном все время, свали его к чертям собачим.

– Игра накаляется, – кричал арбитр. – Неужели «Орланы» не выправят ситуацию. Пас Бедиду, Гранду, мяч у Вармана, вновь у Гранда, и ... последний рывок. Давай Майкл!

Джимми Татум команды нападения «Плохих парней», сбивает с ног Гранда, мяч у квотербекера парней, но что это? Смол ловко перепрыгивает через головы соперников, вот это акробатический номер! Мяч снова у него, и... он падает в каком-то ярде от зачетной зоны, сбитый Мэтьюсоном, но... Мяч все-таки достигает зачетной зоны... Тачдаун!

Счет в один перевес в сторону «Плохих парней»! До конца игры осталось несколько минут, неужели матч закончится поражением некогда непобедимой команды «Белокрылых орланов»? Или все-таки овертайм... «Орланы» берут последний таймаут!

Трибуна ревела так, что последние слова потонули в сплошном шквале крика.

Когда Луис увидел, как Грег Мэтьюсон со всей силой бьет Майкла в грудь и тот сваливается без чувств, он взорвался от ярости. Джек находился по правую руку и кричал, чтобы он дал пас, но Луис не слышит: в ушах пульсирует тяжелый гул, а сердце пробивает грудную клетку. Он оставил Джека без защиты и, сделав молочко – обманная комбинация, в последний момент сумел вырвать мяч у Грега и, перепрыгнув через спину назад, попытался достигнуть зачетной зоны.

Но в последний момент, почувствовав сильный удар в бок, стал стремительно заваливаться вперед, задохнувшись от боли. Как в тумане он протянул руку с мячом и коснулся линии.

Еще один тачдаун. Счет двадцать четыре – двадцать пять в пользу «Плохих парней». Джек объявил перерыв. Бесчувственного Майкла на носилках уносят с поля.

– Любимый прием Грега, самого плохого из плохих парней, – попытался шутить Луис, продолжая лежать возле белой линии, разглядывая склоненные над ним лица Джека и ребят. Он рывком снял шлем, вынул капу и сплюнул кровь.

– Ты сможешь продолжить?

– Я в порядке. Майки?

– Его унесли на носилках.

– Чертов Грег и его парни, они отправили самых лучших... С Майклом серьезно?

– Он его вырубил.

– Вот дерьмо!

– Да, это прием «Плохих парней», мы ждали этого, помнишь? Луис, у нас осталась последняя попытка. Ты отлично справился с молочком, но остался зеленый. Без Майкла будет сложно это сделать.

– Мы с тобой справимся. О! Сюда бежит Ламар. Лучше бы сам черт! – Он попробовал подняться, но спину свело болью. Луис отрицательно покачал головой на вопросительный взгляд Джека.

– Луис, – раздался возмущенный голос Уокера. – Тебя что, тоже отделали, как гребаную девчонку? Нет? Слава богу! Это было превосходно. Что это ты там вытворил? Хотя сейчас не важно, объяснишь потом. Еще один рывок, и мы возьмем кубок. Джек мне нужно с тобой поговорить. Отойдем.

– Итак, Майкла замени Алеком Шейком, укрепи заднюю защиту. Нужно разыграть красный сорок, ты понял.

– Сэр, я не согласен. Без Майкла это будет сложно – бегущего нам тогда не спасти. Мы потеряем мяч.

– Ты не слушаешь! Думаешь, я этого не учел? Мне виднее, ясно?

– Да, сэр, – спорить времени не было.

– С Богом. Знаю, ты не подведешь.

Джек вяло кивнул, окинув трибуны взглядом. Фанаты кричали, размахивая плакатами. Он попытался отыскать глазами мать, но в этом море людских лиц сделать это практически нереально.

– Что мы имеем? – Подумал Джек. – Перевес в одно очко, несколько минут до завершения игры и отсутствие Майкла: картина незавидная, но у нас есть шанс. Шанс есть всегда.

Игроки выстроились в линию в ожидании решающей схватки. Напротив соперники рассредоточивались по своим местам.

– Играем зеленый тридцать, Лари, Алек, Джо, зеленый тридцать. Луис, ты помнишь нашу дорогу на двести сорок шестом...

– Отлично, Джек, особенно наивысшую точку... – Другие ребята недоуменно переглянулись.

– Хотя Майки так хотел сам погонять сегодня.

– Значит за него!

– Да, Джек, за него.

– Ребята, – крикнул Джек. – В память о Поле! Он будет горд за нас! Отдадим же дань уважения!

– Да... – взревела в ответ команда.

– Начало схватки задерживается, – говорит комментатор. – Джек, видимо, отдает последние указания команде, которой нужно пройти двадцать ярдов до победы, это слишком много, чтобы надеется на успех. Учитывая сложившееся положение, сделать это практически невозможно. Он потерял почти всех сильных игроков. Неужели, впервые за несколько лет «Орланы» потерпят поражение?

Отлично, раздается свисток судьи... Мяч у Алека Шейка, вышедший на замену травмированного Гранда, пас Харисону, которого сбивает Татун, но мяч принимает Смол. Истекают последние минуты матча, обстановка накалена до предела. Мяч снова у квотербекера «Белокрылых орланов». Сможет ли Харисон выправить ситуацию?

Джек, ловко лавируя среди нападающих, приблизился к цели, слыша за спиной хриплое дыхание Грега, не отстающего ни на дюйм. Защитник Джим Бедик ловко сбил с ног нападающего «Парней», расчистив дорогу. Луис находится позади, и, делая пас, Джек чувствует сильную боль в левой кисти. Грег Мэтьюсон в прыжке сбоку сбивает его с ног...

Удар о землю. Перед глазами мелькают мушки, а в ушах шум и тяжелый стук сердца. Время будто останавливается. Двигающиеся по полю игроки, замирают в неестественных позах.

Стадион взревел, увидев падение Джека. Ламар застыл на месте, не веря собственным глазам.

– Твою мать... – прошептал он.

После такого удара Джек вряд ли оправится, и тренер поражен, когда квотербекер тут же рывком поднимается и бежит вперед, показывая ребятам какие-то знаки. От него не отстают Грег Мэтьюсон. Его рука всего в дюйме от спины Джека.

Пришло время разыграть комбинацию, которую они так долго отработывали втроем, теперь их было двое, но сути это не меняло. Луис с мячом приблизился к зоне, но путь ему преграждали два защитника «Плохих Парней»...

Он бросил взгляд на Джека, который, несмотря на жгучую боль в левом запястье, поднял вверх руку. Как по команде Луис Смол и Джек Харисон одновременно высоко подпрыгнули навстречу друг другу, перевернувшись в воздухе, словно два акробата – циркача, в момент, когда Луис бросил мяч, но намного дальше, чем должен был сделать, чтобы Джек смог дотянуться до него. Маневр сбил с толку Грега, который круто развернулся, пытаясь поменять траекторию движения – слишком резко. Его занесло и он на мгновение выпустил соперника из виду.

Не видя прыжка Луиса, который, вдруг каким-то образом оказался прямо перед носом и с силой ударил в бок массой своего тела, двигаясь по инерции, квотербекер «Плохих парней»,

не устояв на ногах, рухнул на землю, скользнув по мячу лишь кончиками пальцев. Джек легко перехватил мяч, и снова сделал прыжок вперед.

– Что за акробатический номер, который демонстрируют «Орланы», – кричал арбитр. – Явное нарушение правил!

Оказавшись вблизи зачетной зоны, Джек послал пас Луису. Бросившись к нему квотербекер «Плохих парней», и подоспевший Фэдд и Пикет усугубили ситуацию не в свою пользу. Луис вновь послал пас Джеку и он, сделав сальто назад, оказался за белой линией.

– Тачдаун! На последней минуте! Вот это цирковое представление! Что это – новая тактика? Судьям придется сложно, учитывая явное нарушение правил! – Кричал комментатор. – Но команда «Белокрылых орланов» побеждает перевесом в шесть очков! Счет двадцать четыре – тридцать!

Что тут началось. Стадион взорвался таким ревом, что голос комментатора потонул в общем гуле. Болельщики в экстазе бросились на поле, смяв дежуривших возле ограждения копов. На трибунах взмыли флаги города, заиграл праздничный марш. То тут, то там раздавались взрывы хлопушек, и в небо взметнулись разноцветные огни. Шериф яро обнимал мэра сэра Керлина, ничуть не обращая внимания на подчиненных, тщетно пытавшихся восстановить порядок.

Отец Сэмуил прыгал на месте, как мальчишка, и даже матушка Афения, всегда такая чопорная и хмурая, светилась словно школьница, а яркий румянец заиграл на впалых щеках. Рейчел Скайокер визжала со своего места так, что оглушила рядом стоящего Фреда. Как безумная она оттолкнула от себя Керлина и кинулась к Дэнну, целуя его в пурпурные щеки и крича в ухо о победе.

Он оглох на одну сторону, но при этом был безумно счастлив от ее близости, Рейчел на миг, забыв о стервозности, превратилась в обыкновенную девчонку. Отчего, просто выигрывала, по его мнению, став еще прекрасней.

Маленькая Сьюзи мужественно пробивалась сквозь толпу болельщиков к Луису, сбежав от матери, хлопотавшей над уже пришедшим в чувство Майклом. Крепко державшая в потных ладошках повядший букетик фиалок, она с остервенением расталкивала взрослых, прочищая путь на поле.

Сначала на Джека навалился Луис, заключив в железные объятия, затем кинулась вся команда и подоспевший вне себя от радости Ламар. Левая кисть распухла прямо на глазах, становясь багрово – синей. Боль адская, но он не обращал на нее внимания. Ликование от победы затмило остальные чувства. Боль – ничто, победа – это главное!

– Кубок серебряного бобра выигрывает команда «Белокрылые Орланы»! – Продолжал вещать арбитр. – Джек Харисон снова доказал, что команда «Белых Орланов» непобедима. Повлияет ли это на приглашения Грег Мэтьюсона в студенческую лигу, покажет время!

Еще немного и от боли он потерял бы сознание, когда Алик Шейк, схватив за кисть, с силой затряс его руку. От навалившихся тел, не хватало воздуха. Перед глазами замелькали черные мушки. Луис первым заметил, что что-то не так, растолкав ребят. Он только теперь увидел его опухшую кисть.

– У тебя перелом. Черт, все-таки Грег достал тебя... Доктор Снейк! Позовите кто-нибудь доктора Снейка! – Крикнул он. – Черт, Джек, ты играл с переломанной рукой!

– Луис не стоит... потом...

На другом конце поля квотербекер «Плохих Парней» разносил команду в пух и прах. Грек кричал, вышагивая между поникшими ребятами. Со злостью швырнув шлем в траву, он решительно направился в сторону Джека. Ребята настороженно замерли: от этого парня можно ожидать что угодно. Луис выступил вперед, загородив друга, готовый кинуться в драку при малейшей провокации.

Внушительные мускулы играют под туго натянутой майкой, под скулами ходят желваки, глаза прищурены, кулаки сжаты – Грег выглядит, как человек готовый решить дело силой. Но, подойдя достаточно близко, неожиданно улыбнулся:

– Признаюсь – недооценил тебя, Джек. Утер нос, ничего не скажешь! Но я всегда признаю поражение. Обманул, развел, как лоха! Провернуть такую комбинацию прямо перед моим носом! А ты действительно... игрок, – он протянул руку. – Приму за честь твою дружбу. Как?

Джек, ни минуты не колеблясь, протянул в ответ здоровую руку. Луис предостерегающе сделал шаг вперед, уверенный, что это ловкий маневр, и Грег попытается отомстить Джеку за унижение.

– Я готов.

– Извини за ребят, за руку, но игра есть игра! – Он протянул руку и Луису. – А ты еще тот ловкач! Не ошибся на счет тебя! Ну что, забудем?

– Забудем! – Улыбнулся в ответ Луис, и, неожиданно размахнувшись, заехал кулаком Грегу в челюсть. – Это за Майкла и за ребят.

Кто-то ахнул. «Плохие ребята» дернулись вперед, готовясь к стычке. Грег отшатнулся назад, но на ногах удержался. Сплюнул кровь из рассеченной губы, и, вопреки ожиданиям, рассмеялся, останавливая рукой своих парней.

– Ну, а теперь забудем? – Сказал Луис, протягивая раскрытую ладонь.

– Отлично, это по-моему! Забудем!

Джек и Луис удивленно переглянулись, а он пожал руку по очереди всем ребятам. Маленькая Сью наконец-то протиснулась к Луису, и с ликующим криком бросилась на шею. Он засмеялся, подняв ее на руки.

– Я знала, что ты победишь! – Сказала она, сунув смятый букетик в его ладонь.

– Спасибо, лишь благодаря твоим молитвам.

Сьюзи Гранд восхищенно перебирала его спутанную, мокрую от пота шевелюру с такой не свойственной маленькой девочке нежностью, что рассмешила рядом стоявших.

***

Награждение проходило в торжественной обстановке. Мэр города – сэр Керлин на правах хозяина вручил команде «Орланов» кубок «Серебряного бобра» и провозгласил победителя в соревнованиях среди школьных команд штатов Аризона и Орегон. Вечером состоялся торжественный вечер с фейерверком и ночным гуляньем, посвященный победе Файерлейка в соревнованиях между штатами.

Весть о том, что последние минуты матча Джек играл с переломанной рукой, разнеслась по городу в считанные секунды, что еще больше вознесло его в глазах горожан. Группа фанатов буквально ходила за ним по пятам, перешептываясь и краснея всякий раз, когда взгляд Джека нечаянно останавливался на ком-нибудь из них.

В госпитале нетерпеливо перенеся обследование и накладывание лангеты на кисть, Джек уже вечером вместе со всеми праздновал победу в ресторане «Белая орхидея», принадлежавшему Джереми Хьюстону, отцу Пола. Делами сейчас занимался его поверенный Ральф Уайт – невысокий толстый человечек с копной рыжих волос и маленькими, вечно слезящимися глазками, но невероятно энергичный и подвижный. Ральф встретил гостей по высшему разряду, приятно удивив, как и дорогих гостей, так и самого мэра.

В окнах отражалось зарево «Огненного Озера», приковывая внимание и вызывая восторженные возгласы. Огромные люстры под потолком, переливаясь хрустальными нитями, рассеивали яркий свет, отражающийся от обтянутых золотым шелком стен. Подсвечники из венецианского стекла, украшенные серебряными листьями, прекрасно доминировали со старинными полотнами, изображающими жизнь Файерлейка в разную эпоху. Портреты аббата и лорда Балтимора очень заинтересовали чиновника из Глейндейла, который разглядывал их с большим любопытством и восхищением.

– Надо же, никогда не подумал бы, что в маленьком городке найдутся такие шедевры? – Обращался он к сэру Керлину, который важно отвечал, что он много чего еще не видел.

Столы ломились от еды и разнообразия вин. Уставшие игроки и приглашенные гости с удовольствием налегали на угощения. Между столами бесшумно скользили официанты, наполняя бокалы, и разнося новые блюда.

Майки с бледным лицом сидел недалеко от Джека, с упоением рассказывая Кети об игре, которая восторженно смотрела на него, то и дело, подкладывая поджаренные кусочки красной рыбы и салата, бдительно наблюдая, чтобы в его бокал наливалось ничего крепче фруктового сока. Майкл весь вечер пытался отвлечь девушку, стараясь пропустить стаканчик другой, но ничего не выходило. Он с надеждой посматривал в сторону Луиса, который весело подсмеивался над ним, видя, как друг корчит рожицы всякий раз, когда Кети, настойчиво отклоняет предложение поднять бокалы за столь блистательную игру.

Рядом с Джеком – Грег Мэтьюсон, периодически бросающий взгляд в окно на призрачное зарево кратера, восхищаясь его необыкновенным величием. Теперь он не выглядит свирепым и бесцеремонным хамом, каким был при первой встрече и на поле, а оказался веселым и приветливым парнем. Они рассуждали о футболе, дальнейших планах и какая из школьных команд возьмет следующий кубок.

Свирепые взгляды, бросаемые на них с другого конца стола Фредом и Артуром Керлинами, ничуть не волновали Джека. Он просто старался игнорировать их, чем распял братьев все больше. Рейчел блистала и была королевой бала: ослепительно расточая улыбки направо и налево, она буквально свела с ума всех гостей. Длинное белое платье, с глубоким декольте приковывало взгляды, а белокурые волосы, уложенные в красивую прическу, манили прикоснуться к ним. Джек сам не заметил, как залюбовался ее красотой.

– Да и девчонки у вас, что надо, – услышал он Грега. – Такой красоты я, пожалуй, еще не встречал, хотя, должен признать, поездил по стране немало и много чего повидал. Джек, можешь представить меня той куколке?

– Конечно.

Они поднялись из-за стола и направились к диванчику на веранде, где отдыхала Рейчел, слушая очередные басни Генри Керлина. Дэнни, сидевший рядом с Луисом, икнул, перевернув на стол бокал вина. К нему тут же бросился официант, и Дэн предпочел мгновенно удалиться, незаметно прошмыгнув на улицу.

– Рейчел, позволь представить Грега Мэтьюсона. Грег – это Рейчел Скайокер, – представил их друг другу Джек.

– Очень приятно.

– Взаимно, Грег. Это вы сломали руку моему парню? – Томно ответила девушка, обдав жаром выразительных глаз и окончательно смутив гостя.

«Рейчел может сбить с ног, просто посмотрев в твои глаза. Берегись, Грег!» – Подумал Джек, решив благоразумно промолчать. Генри Керлин постепенно наливался краской: кажется, его здесь вообще не замечают.

– Видит Бог, не хотел. Прошу прощения! Но, Джек, так это твоя девушка, почему же ты ничего не сказал? Да ты просто счастливчик! Иметь такой бриллиант... Рейчел, как я могу загладить свою вину?

– Просто пригласи меня на танец! Джека не допросишься, а некоторые только и умеют, что болтать без толку, – она глянула на Генри, который от злости готов был провалиться сквозь землю.

– Джек, ты позволишь? – Спросил Грег. Джек кивнул головой.

– По крайней мере, Рейчел тебя простит, – пошутил он, оставляя их одних.

Джек достал сотовый. Ребята из его команды: Хайман, вместе с Джо Лероем и Бобби Рейтом находились в госпитале «Святого Павла». Он звонил каждые полчаса удостовериться, что с ними все в порядке. Травмы не серьезные, но Джек волновался.

Он не переставал думать о трагедии на шоссе двести сорок шесть. Теперь Джек беспокоился за ребят, будто они находились не на попечении доктора Снейка, а в святой инквизиции семнадцатого века, беспощадно ссылавшей всех, кто замечен в ереси или просто оказался не в том месте и не в то время, на костер.

В истории Пола Хьюстона Джек точку не поставил, вопреки многим мнениям, в том числе и мнению Луиса и Дэнна, но пришел к окончательному выводу: Керлины не имеют к аварии отношение. Они не могли придумать и провернуть столь хитроумный план. К этому приложил руки хитрый и жестокий человек, знающий Пола достаточно хорошо. Парня настолько уравновешенного, что его невозможно было вывести на эмоции, а тем более подбить на рискованное предприятие вроде этого.

Убийца должен был знать о его складе характера, о жизни, об его слабостях, и тот, кто задумал преступление, знал обо всем не хуже Джека. Пол был честолюбивым и порядочным до мозга костей. Он не мог сбежать, не поставив кого-либо в известность.

Выяснилось, что пленки с камер наблюдения в госпитале в тот роковой вечер безнадежно испорчены. Джек предполагал, что это могло произойти не без участия Гордона, который пытался как можно скорее закрыть дело, опасаясь огласки и неизбежных последствий.

Спросить шерифа напрямую Джек не мог, да и не хотел, прекрасно представляя реакцию и, якобы, оскорбленное самолюбие. Маска обиженного праведника: «Да как же ты мог об этом подумать, Джек!» – всякий раз появлялась на его пастозном лице, стоило только намекнуть, что в деле-то не все так понятно, как говорит достопочтимый сэр Гордон.

Джека съедало недоверие к людям – эта липкая трясина лжи, засасывающая город и его жителей, погребая под собой то лучшее, что когда-то жило в нем. Он представлял себе ложь сгорбленным грязным карликом, сидящим на плече и скрипящим отвратительным голосом шепча на ухо гадости. Существо тяжело дышало, словно астматик, источая зловоние и мерзость, и маленькими проворными пальчиками с длинными грязными ногтями дергало за волосы всякий раз, когда он начинал забывать о его существовании.

Джек с презрением наблюдал, как мэр и шериф на другом конце стола притворно – сочувствующе улыбались бывшему другу Джереми Хьюстону, напивающемуся на банкете. Шепча с двух сторон, словно змеи искусители, о том, что Тине лучше жить в монастыре, что там она исцелится, что душа обретет покой в служении Богу, что матушка Афении возвратит ей разум.

«Никто не виноват в произошедшем, но он просто обязан думать о будущем, даже, несмотря на страшное горе, постигшее семью. С их стороны можно рассчитывать на любую поддержку и помощь, пусть Джереми только намекнет, и они сделают все, что в их силах и даже больше».

Джек наблюдал за их счастливыми покрасневшими лицами, слушая громкий хохот шерифа, и карлик – неверие шептало на ухо тихим скрипучим голосом:

«Как же остальные смогли так безропотно проглотить наживку, поверив в нелепый несчастный случай? Как они смотрят друг другу в глаза после этого?»

Джек автоматически достал телефон, собираясь позвонить, когда почувствовал, как чья-то рука опустилась на плечо. Луис внимательно смотрел прямо в глаза:

– Джек, с ребятами все нормально. Ты звонил в госпиталь пять минут назад! – Луис знал, чувствовал, что творится в его душе. – Расслабься, у тебя такой вид, будто ты собрался перебить всех жителей города.

– Прости, долгожданная победа, но вопреки обыкновению, я не ощущаю той радости, которую должен испытывать сейчас, – вздохнул Джек. Друг в ответ лишь кивнул, похоже, и ему не было весело.

– Похоже, старина Фредди сейчас кинется на нашего прославленного квотербекера! – Заметил он.

– Не кинется. Он всего лишь жалкий трус, как и его братья, зато Рейчел просто счастлива. Одно радует – хоть кому-то хорошо, – Джек погладил травмированную кисть, которую начинало дергать все сильнее, словно по ней временами пропускали электрический заряд. Он наотрез отказался от обезболивающего, на что доктор Снейк заметил: он вовсе не собирается его отравить, а просто хочет помочь. Джек подумал, что вы уже помогли Полу, но вслух не сказал. Снейк не поймет и обидится, а ведь он вовсе не его профессионализм имеет в виду.

– Ты ее совсем не ревнуешь, свою Рейчел?

– Нет, Луис, совсем не ревную.

– Понятно! Тогда зачем... впрочем, не отвечай, это не мое дело. Тебе не кажется, что пора отсюда уходить. Ну, на свою вечеринку. Кстати, нас давно ждут «У Босса». А где Дэн? Я его не вижу.

– Минут пять назад пошел подышать свежим воздухом.

– Ага! Понятно. Майки кажется лучше...

– Приходит в себя, Кети постарается.

– Мальчики...

К ним все время подходили с поздравлениями, и это порядком утомило. Лили Стофф под села рядом, держа изящными тонкими пальчиками бокал красного вина. Глубокое декольте темно бардового платья выгодно подчеркивало высокую грудь, а красный рубин на золотой цепочке бросал тысячи отблесков, колыхаясь в такт ее дыханию.

В последнюю встречу с Джеком они расстались более чем холодно, но от былой обиды не осталось и следа. Джек посмотрел в зал. Майкл танцевал медленный танец с Кети, чьи глаза блестели от счастья, а рядом Грег кружил Рейчел, забывшую, казалось, все на свете. Их безудержное веселье остановил подошедший к ним Фред Керлин.

Он выглядел элегантно: в строгом черном костюме и галстук бабочкой. Светлые волосы тщательно причесаны и блестят от лака. Самодовольный важный, как всегда, с кривой ухмылкой на губах он что-то сказал Грегу, и Джек заметил, как у гостя под скулой тут же заходили желваки. Зная вспыльчивый характер Мэтьюсона можно было предугадать – дело обернется дракой. Наблюдения прервала директор, склонившаяся к Джеку и заглядывая в глаза.

– Правда, Джек! – Пропела она. Если учесть, что он не слышал ничего из сказанного, то предусмотрительно промолчал, и, по-видимому, она интерпретировала это по-своему.

– Так ты со мной не согласен?

– Эм...

– Видите ли, мисс Стофф, я тоже не вполне согласен, – пришел на выручку Луис. – Мы могли и не выиграть кубок. «Плохие парни» одна из сильнейших команд. Считаю, на последней минуте нам крупно повезло. Джек сломал запястье, но в горячке продолжил игру.

– Да, я действовал скорее интуитивно. Луис прав – повезло, что смог дотянуть до линии. Чистая случайность, везение, если хотите, – он увидел, как Грег схватил Фреда за грудки. Дело явно принимало серьезный поворот. Фред отличный провокатор, и если Грег ударит первым, ничего хорошего их этого не выйдет. Мэтьюсон раздраженно говорил сквозь зубы, черные глаза метали молнии.

– Вы такие скромники! Джек, я горда тобой и так рада, что ты учишься именно в этой школе. – Джек хмыкнул: как будто у него был выбор. – Везенье? Нет. Джек, просто ты не можешь проиграть!

– Я не один одержал победу, мисс Стофф. Мы играли в команде. Простите, но нам...

– Конечно, у тебя отличная команда! – Она томно посмотрела на Джека. Луис в удивлении приподнял брови, но заметив, что Джек кивает в сторону танцующих пар, повернулся

посмотреть в чем дело. Он тут же извинился, вскочив со своего места. Грег и Фред направились к выходу.

– Вот черт! – Джек сразу все понял. Лили неодобрительно скривилась, принимая смену настроения собеседника на свой счет. Выручил слегка захмелевший Ламар Уокер, пригласивший ее на танец. Лили поднялась и, покачивая бедрами, под восторженные взгляды направилась в середину зала.

Джек выбежал из ресторана, по пути неодобрительно глянув на Рейчел, которая, закатив глаза к потолку бросила:

– Сам виноват, и давай обойдемся без сцен!

Отлично она еще просит не устраивать сцену! Он пошел в направлении сада. Свернув за угол, услышал сдавленное ругательство. Открывшаяся взору картина была красноречивей слов. Дэн с Луисом находились между Грегом и тремя братьями Керлинами, сдерживая первого изо всех сил. У одного из братьев шла носом кровь, заливая ворот дорогой рубашки, у другого на пиджаке разорван воротник, у Дэнна под глазом расплзался синяк, несколько капель крови из рассеченной губы попали на футболку.

Видя, что Грег снова размахивается, Джек кинулся вперед, откидывая за шиворот продолжавшего орать Фреда в сторону и успев вовремя отклониться – кулак Грега, описав дугу и не встретив никаких препятствий, прошел в дюйме от его носа.

– Фред, Генри, Артур, что здесь происходит? С ума посходили! Что о вас подумают?

– Я сейчас поубиваю этих недоумков, – рычал Грег.

– Не стоит, друг успокойся. Поверь, они того не стоят.

– Мне плевать, чего они стоят, я их убью!

– Грег, прошу, послушай, давай разберемся по-хорошему.

– По-хорошему, – зарычал Грег. – Согласен, но для начала я этому Фреду физиономию намылю...

– Грег... Не марай руки! Отмываться долго придется. Просто доверься мне, слышишь? – Пытался образумить гостя Джек. Чуть в стороне Керлины с гадкими улыбочками наблюдали за усилиями ребят успокоить Мэтьюсона.

– Послушай, Грег, эти парни известные задиралы, не иди у них на поводу. Обращать на них внимание, только время терять. Не стоит из-за этой жалкой кучки недоумков портить приятный вечер.

– Ты че там несешь, придурок, – крикнул Артур. – Забыл, кому всем тут обязан, раб!

– Грег, посмотри на меня, – Джек слегка тряхнул гостя за грудки, пытаясь завоевать его внимания. Воинственный настрой Мэтьюсона лишь набирал обороты. – Давай сейчас успокоимся и уйдем отсюда к чертовой бабушке. Ты много еще не видел. Мы покажем тебе город, а затем продолжим веселиться в другом месте, одни... Как, идет? Согласен?

– Фред, что скажет папочка, если сейчас нас здесь застукает. Так-то его сынки заботятся о порядке и чести города. Такой прием вы оказываете гостям? – Невозмутимо протянул Луис.

– С тобой полукровка я позже разберусь, – прошипел Фред, сплюнув под ноги Луиса, с намерением и его вывести из себя. Но чтобы такому произойти, необходимо придумать что-то по эффективнее оскорбления.

– Папочка уже идет... – засмеялся Луис, видя, как Керлины нерешительно переглядываются друг с другом.

– Когда-нибудь вы ответите. Вы все, по очереди. Первым будешь ты, жалкий индеец! – Бросил в лицо Фред.

– Отлично! Назначай спарринг в любой день! Тогда и докажешь, что ты крутой...

Братья продолжали сыпать оскорблениями, пока не скрылись в дверях «Белой орхидеи». Успокоить же Грега понадобилось намного больше времени. Джек в общих чертах рассказал ему о подлости братьев и давнюю вражду. Убедившись, что с Дэнном все в порядке – он как

истинный джентльмен принял первый удар Грега, направленный на Фреда Керлина, на себя, облегченно вздохнул.

– Ведь еще неизвестно, как поступил бы Фред, получив по физиономии. Он ведь специально это подстроил. Расхлебывай тогда ту кашу, которую он заварил бы, – логично протянул Дэн, и Джек, почувствовал за него гордость.

– Черт, и чего вы терпите этих недоумков. Дали бы мне день, я разобрался бы с ним по своему, – пробубнил Грег, понемногу успокаиваясь. – Ты это... Денни... извини. Не нарочно, сам понимаешь.

– Забудь, – ответил Дэн, краснея.

Джек решил не спрашивать Грега о причине ссоры, но тот сам все рассказал. Фред перед Рейчел назвал его неудачником, слабаком и дешевым нигером, если он мог так позорно проиграть Джеку. Да он просто недостойн стоять рядом с Рейчел, не то, что танцевать с ней. После такой позорной игры его место на плантации, собирать тростник, кланяться хозяину в ноги, получать плеткой и забыть о большом футболе. Это было уже слишком. Луис возмущенно выдохнул, за такие слова и Джек бы врезал, но только не здесь и не сейчас. Он пообещал, что Грег сможет расквитаться с ним: он устроит встречу, но немного позже.

Друзья решили, что для них достаточно «Белой орхидеи» и ее посетителей, и предложили Грегу поехать с ними, на что тот с радостью согласился. Попрощавшись с гостями и с Майклом, который сидел за столом с Кети, кормившей его десертной ложкой мороженым, они отправились показывать Грегу достопримечательности Файерлейка. Майкл проводил их затуманенным от любви взглядом, может быть впервые не жалея, что не может отправиться вместе.

Почти до утра они гоняли по излюбленному серпантину. Но сначала водрузили огромный букет цветов на место аварии, о которой уже ничего не напоминало. Джек рассказал Грегу о Поле, о его смерти. И тут же позвонил в госпиталь Бобби Рейту. Тот послал его к черту, сказав, что они давно спят, и Джек так достал своими звонками, что он сам готов спрыгнуть со скалы, лишь бы больше не слышать его голос.

Ребята показали Греку «Озеро», которое так околдовало своей красотой, что он поклялся приехать сюда еще раз. Под конец ночи компания осела в баре «У Босса» и пела песни Джони Кеша вместе со всеми присутствующими в зале. Грег, наконец-то забыв о Керлинах, признался, что уже давно так не веселился.

– Мне говорили, что в Файерлейке я должен быть крайне осторожен. Якобы в этом городе живут одни фанатики. Не ожидал, что познакомлюсь с такими чуваками, как вы!

12

На следующий день Керол улетала в Сиэтл. Она переживала, оставляя его одного, как заезженная пластинка твердила монотонным голосом последние наставления: не делай то, не делай это, будь осторожен. Дрожащими пальцами снова и снова пыталась застегнуть непослушную молнию на сумке, пока он, мягко отстранив мать, не сделал это сам. Керол забыла бы сумку, которую тщательно упаковывала весь день, если бы не Джек. Небрежно бросив ее на пол в гостиной, она рассеяно оглядывалась по сторонам. Взяв обещание – звонить каждый день, мать расплакалась, обнимая его и называя своим ангелом. Она категорически запретила провожать ее до аэропорта, так как не вынесет сцен расставания и в последний момент вообще может передумать.

Как только автомобиль Керол свернул на Бруксонхилл и скрылся за поворотом, Джек сразу почувствовал приступ острой тоски и одиночества, словно уже вечность находится один. Обведя пустую гостиную унылым взглядом, заглянув в забитый до отказа холодильник и взяв ледяную бутылку лимонада, включил телевизор и удобно устроился на диване.

Последнее время он все чаще ощущал приступы одиночества, заканчивающийся, как правило, беспросветной депрессией, выходить из которой становилось все труднее. Джек закрывался в непроницаемом панцире. Ничего не приносило удовлетворения, ничто не радовало. Редкие всплески адреналина на стадионе или серпантине помогали отвлечься, но лишь на мгновение, а затем депрессия накатывала с новой силой, и его топило в черной яме.

Помочь не могли даже друзья: Луис, Дэн, влюбленный Майкл, который все больше времени проводил со своей девушкой. Джек понимал его, но не понимал себя. Почему же Рейчел не нужна ему? Что ему вообще нужно? Может, он вовсе не способен на чувства?

По телевизору шли новости. Апатия присоединилась к тоске, и теперь две подруги по-хозяйски расположились в душе.

«Все равно. Мне все равно!»

– Как будет проходить день всех святых в Либертоне, – говорил диктор: дежурная улыбка, пустые глаза. – Репортаж Герри Парсона.

– Осталось совсем немного времени до Хэллоуина. Вы запаслись огромными тыквами? А страшными масками, нет? Тогда вы не из Либертона...

Джек смотрел на экран, продолжая думать о своем. Рука все еще болела, и бессонная ночь дала о себе знать. Очень хотелось спать. Наверное, он задремал, когда его разбудил телефонный звонок. Керол сообщила, что она только что удачно приземлилась в аэропорту Сиэтла – самолет не разбился, аэропорт не взорвали и вообще все чудесно, фальшь в голосе так и резала слух, ее встретили и скоро она примет ванну с лепестками лаванды и выпится в уютном номере люкс.

– Мы вынуждены прервать программу для экстренного сообщения: частный самолет рейса сто сорок девять компании «Трайсел» потерпел крушение сегодня днем на территории национального парка Крейтер Лейн. Все члены экипажа и три пассажира погибли. Одним из пассажиров был корреспондент «Белого вестника» Джонатан Грейбс, известный скандальными разоблачениями в руководящих кругах Финикса, – Джек сделал звук громче.

– Как известно, накануне мистер Грейбс выступил с заявлением на нашем телеканале. Он говорил, что в скором времени предоставит сенсационный материал, затрагивающий интересы весьма высокопоставленных лиц и доказательства коррупционных действий руководителя управления полиции одного из городов штата Орегон. Более подробно о результатах проведенного им расследовании мистер Грейбс обещал рассказать на пресс конференции, которая должна была состояться после публикации материала.

Одна из первых причин крушения авиалайнера названа – отказ двигателя и неверные действия пилота в критической ситуации. Пока не исключена возможность террористического

акта, но более подробный отчет следственная комиссия предоставит после расшифровки черного ящика, найденного на месте аварии. Приносим глубокие соболезнование родным и близким по поводу трагической гибели...

На экране отобразился список погибших. Затем показали короткий сюжет о репортере Джонатане Грейбсе. Он оказался парнем двадцати восьми лет, очень энергичным и жизнерадостным. Его имя отчего-то казалось знакомым, но Джек не мог вспомнить, как не старался, где мог слышать его.

Необъяснимая тревога отозвалась в сердце острой болью, словно по нему провели остро заточенной бритвой. «Хорошо, что Керол позвонила...»

***

Джек выполнил обещание, устроив спарринг между Фредом и Греггом. На первый взгляд все выглядело как простое состязание, не вызывающее подозрения о подвохе. Джек как бы, между прочим, предложил Фреду участвовать в гонках: Фаейрлейк против Финикса, на безопасном почти прямом участке дороги за городом. Ранее распространенная по школе дезинформация братом Майкла, Максом, утвердила всех во мнении, что водитель из Грега никакой, и лучше ставить на Фреда, что лишь укрепило в Керлине веру в победу. Он мечтал о публичном унижении гостя из Аризоны. Керлины не прощают неуважение, и этот тип получит сполна.

Фред Керлин сразу же согласился, считая себя первоклассным гонщиком и предвкушая поражение соперника. Но его ожидал большой сюрприз: Грег плюс ко всем своим достоинствам, еще и профессионально занимался гонками.

Случилось так, как Джек и предполагал. На первом же повороте Грег столкнул Фреда Керлина в кювет, изрядно помяв его машину. Зрители, собравшиеся поглазеть на соревнования и поставившие на Фреда, а их было большинство, пришли в ярость – и это еще мягко сказано, будучи уверенные в победе Керлина на все сто. Теперь, помимо потери денег, они почувствовали себя еще и обманутыми.

Макс Гранд, выигравший приличную сумму денег, купил скутер и теперь рассекал по городу на зависть другой половине мальчишек, чьи родители считали, что им еще рано иметь мотоцикл. Как Максудалось вывернуться из ситуации и не схлопотать за дезинформацию, осталось загадкой. Младший брат Майкла только подхихикивал, когда Джек спрашивал об этом.

Гнев Фреда был безумен, когда он униженный выползал из покореженного автомобиля под смех Луиса, Дэна, Майкл и Джека, которые как-то слишком уж подозрительно быстро оказались первыми на месте аварии. Майкл, сделавший пару снимков распластанного на земле Фреда, тут же отправил их в школьную газету. И Джек даже не мог представить, как Майки сумел уговорить Рейчел их напечатать!

Грег Мэтьюсон получил удовлетворение, которое искал, хотя не преминул заметить, что намылить физиономию Фреда все равно бы не отказался. Он до сих пор считает это наиболее верным решением.

«Керлин из таких типов, которые признают лишь грубую силу»!

Когда Дэнни возразил, Грег расхохотался и ответил, что все равно, когда подвернется случай, это сделает.

«Плохие парни» и их фанаты уезжали на третий день. Джек обменялся с Греггом номерами телефонов и адресами электронной почты. Он даже и предполагать не мог, что будет иметь в его лице еще одного друга. Расставаясь, Грег взял с него обещание, что сразу после окончания школы хотя бы на пару недель Джек с ребятами приедет к нему погостить.

– Но если буду нужен – звони незамедлительно. Понадобится помощь, только скажи: все брошу и примчусь. Я ведь еще надеюсь рассчитаться с Керлинами по-своему, – крикнул Грег из отъезжающего автобуса. – Не забудь!

***

С отъездом гостей и туристов жизнь покатила по налаженной схеме. Город готовился к балу на день всех святых. Ученики раскупали страшные маски и длинные балахоны, радуясь предстоящим каникулам.

Луис снова ремонтировал «монстра».

– У старика сдали нервы, – бурчал он на молчаливые вопросы ребят. Приходя очередной раз в гараж, Джек находил его лежащим под днищем машины, откуда, как правило, торчала еще пара детских ног, которым Луис терпеливо объяснял, как нужно чистить двигатель, каким маслом лучше пользоваться и как правильно менять колесо.

Рейчел уехала в Сайлем, и Джек был несказанно этому рад. Правда она звонила по пять раз на дню, но все же, никто не требовал неизменного присутствия на ужине и не приставал с дурацкими вопросами типа: тебе нравится вот это платье или моя прическа или вот это кольцо или:

«Правда, Бретт Питт такая лапочка?»

Он возобновил работу на лесопилке, помогая Дэну и каждый раз замечая, как тот при его появлении краснеет, молчит и то и дело вздыхает. Джек прекрасно понимал, отчего он продолжает вести себя глупо, но не лез с советами, дабы не бередить и без того открытую душевную рану. Зато у Майкла все было превосходно. Их роман с Кети набирал обороты, и он вновь становился самим собой: беззаботным смешным парнем, цокающим вслед проходящим девушкам, правда, перед этим Майкл теперь внимательно оглядывался по сторонам.

Дела в галереи в Сиэтле, как выражалась Керол, идут превосходно. Верен обещанию, Джек звонил матери перед сном и слушал повествование о том, как та провела день. Вертя в руках именной перочинный нож «Бэйнчмейд», он тщательно скрывал скверное настроения, нервно хихикая всякий раз, когда мать выдавала какую-нибудь глупость, дабы его развеселить.

Он все чаще вспоминал брата. Смешные рассказы, которые слушал раскрыв рот, веря в выдуманные истории о волшебниках и феях. Сэм часто читал младшему брату книгу о Гарри Потере, уверяя, что и к нему тоже обязательно на день рождения придет на волшебном мотоцикле великан Хагрид, чтобы увезти в волшебную школу.

Джек верил в написанные страницы, с нетерпением ожидая этого дня, но не оттого, что мечтал скорее покинуть дом, а лишь потому, что хотел попасть в сказочный мир. Туда, где в чудных лавках продают волшебные палочки и таинственные книги, а по выходным все собираются на квидич и с замиранием сердца всматриваются в небо, где, словно реактивные торпеды, мчатся на метлах юные волшебники, уклоняясь от шаров-вышибал.

Теперь он вырос, и тот наивный маленький мальчик, веривший в чудеса, остался в прошлом. Теперь, когда не было рядом Сэма, готового сделать ради него все что угодно, даже самую большую глупость, не было отца, а его окружили жесткими рамками обязательств, он знал, для чего люди придумывают сказки, а затем верят в них. Для чего бегут от реальности, выдумывая несуществующие миры. Зачем уходят в мечты, воспевая их в песнях и стихах.

Обрести потерянную надежду, вернуться к началу, не перестать верить, что мир состоит не только из меркантильных запросов и выгодных предложений, рационализма, удачных сделок и продвижений по служебной лестнице. Возможно, еще осталось место для чуда, которое в один прекрасный день постучится в твою дверь, и ты неожиданно осознаешь, что счастливей тебя на свете никого нет...

***

Тридцать первого октября погода резко испортилась: на небо набежали тяжелые тучи, принеся с собой холодный пронизывающий ветер и морозящий дождь, который лил с самого утра до позднего вечера, превращая улицы в грязевые потоки.

Несмотря на это подготовка встречи Хэллоуина шла полным ходом. Дети, разряженные в длинные балахоны, надев страшные маски, громкими криками распугивали прохожих, стуча в двери домов в надежде получить сладости.

Старик Герри Дик отчитывал малышню, которым не повезло попасться на глаза. Седые волосы в беспорядке торчали из-под замусоленной кепки, прикрывающей огромную залысину. Всякий раз, когда он произносил очередную тираду, в гневе размахивая руками, она грозила свалиться на грязные ступени, но он ловко поправлял ее скрюченными артритом пальцами.

Разозлившись из-за разбрызгивателя, который продолжал работать когда вздумается, Герри Дик забыл занести корзину с яблоками. Он собрался выйти во двор прямо под дождь, но распахнув дверь и увидев на пороге что-то маленькое и ужасное, так испугался, вообразив, будто узрел самого дьявола, пришедшего за его грешной душой, что стал безостановочно икать, из-за чего разболелся живот и заныло сердце. Из-за треклятого дождя он всегда был не в духе, и последующее лишь подлило масло в огонь.

Джек, проходя мимо, от души смеялся над сварливым дедом. Герри Дик, вдоволь накричавшись, захлопнул дверь перед носом малышни, грозя, что вернется вместо сладостей с ремнем, и те тут же с визгом бросились в рассыпную.

Джек любил дождь. Монотонная песня и успокаивающий шелест листьев старого вяза под окном всегда несли с собой покой, уводя из реальности в далекое путешествие. Он видел в дожде себя, обреченного на вечное скитание, ищущего то, что никогда не суждено найти. Холодные капли падали на горячее лицо, лаская кожу, словно невинные поцелуи девушки, шептали, вымаливая прощения за то, что растворяют в себе без остатка, увлекая в безумный водоворот мыслей, отрывая от этого мира, унося далеко от этого времени.

Охватило странное предчувствие, будто надвигается что-то темное, злое – перемены, которые бесповоротно изменят его жизнь. Как тогда в далеком детстве, когда за Сэмом медленно закрывалась дверь, и он оставался один в темноте. Его будто запечатали в той комнате без окон, из которой он не может выбраться. Дверь надежно закрыли на тысячи замков, от которых никогда не существовало ключей. Паранойя... или может безнадега?

Сквозь витрину кафетерия, напротив полицейского управления, он увидел детектива Бекса, важно восседающего за столиком у самого окна. Бекс маленьким глотками пил горячий шоколад из фарфоровой чашки. Вид, как всегда, безупречен: строгий деловой костюм, белая накрахмаленная рубашка, синий в полоску галстук. Глаза полуприкрыты и, казалось, ко всему безучастны. Похоже, он полностью погружен в раздумья, и когда Джек опустился рядом, коп совсем не удивился его внезапному появлению, будто ждал, что он придет.

– Не возражаете?

– Присаживайся, рад видеть. Отлично сыграл на матче. Подобное можно увидеть только в Файерлейке! Надо же такое придумать! Травма серьезная? – Доктор Снейк буквально только вчера снял лангету с руки Джека, так как он пригрозил, что в противном случае сделает это сам.

– В порядке. На мне заживает, как на собаке. Давно вас не видел. Уезжали? – Он покачал головой, давая понять подошедшей официантке, что не собирается делать заказ.

– Да, отлучался из города по служебным делам.

Джек помедлил, прежде чем задать следующий вопрос. За окном с криком пронеслась кампания детей, одетых в маскарадные костюмы. Затихающий было дождь ударил по окнам с утроенной силой.

– Как ваше расследование? Слышал: дело Пола закрыли с формулировкой «несчастный случай».

– Да, официально дело закрыто, но у меня еще остались вопросы.

– Остались вопросы? Вы хотите сказать, что продолжаете расследование. Разве это законно? – Джек не знал, может ли он настолько доверять Чаку, чтобы поделиться подозрениями.

– То, чем я занимаюсь вне рабочего времени мое личное дело, понимаешь?

– Но разве шериф позволит вам продолжить?

– Шериф ничего не знает, – он равнодушно посмотрел на Джека. – Даже если ты расскажешь ему, нужно сначала доказать что ты не лжешь.

«Интересно, зачем Бекс говорит все это, хочет подбить на взаимную откровенность? Кто знает, какую игру он ведет?»

Официантка снова подошла, спрашивая, может все-таки что-нибудь принести. Джек заказал крепкий кофе без сахара. Они молчали, искоса поглядывая друг на друга, до тех пор, пока не принесли заказ.

– Детектив, значит, вы убеждены, что та авария не была случайностью?

– Теперь, да, – одними губами ответил коп. Джек мгновенно вспотел, он был прав!

– Вы могли бы мне...

– Нет! – Отрезал Бекс.

– Но вы направите официальный запрос на продолжение расследования?

– Поверь, Джек, если б мог, то уже сделал бы. Все намного серьезнее, чем может показаться.

– Я всегда считал, что смерть человека самое серьезное.

– К сожалению, меня переводят в другое управление, – Бекс будто бы не расслышал реплику Джека. – Я уезжаю из города на следующей неделе.

– Как это переводят? Вы не можете вот так взять и все бросить! Только не теперь...

– А кто сказал, что я собираюсь бросить, – впервые Чак Бекс посмотрел на Джека без ложного притворства. Впервые парень увидел глубокие морщины возле волевого рта, сдвинутые брови, образующие на лбу складку и решительный взгляд человека непривыкшего останавливаться на полпути.

– Почему вы ничего не расскажите, ведь меня тоже втянули в это? Я имею право знать. – Мгновенно пересохло в горле. В голове все время вертелся один и тот же вопрос:

«Зачем детектив рассказывает мне об этом?»

– Ты должен пообещать одну вещь, парень – забыть обо всем и продолжать жить дальше. Я же в свою очередь отвечу: как только распутаю этот клубок, и виновные понесут заслуженное наказание – найду тебя. Договорились? – Он допил шоколад и раздраженно отодвинул от себя кружку.

– Кто изъял и испортил видеозапись из госпиталя, хоть это вы можете сказать?

– Нет! Ты все равно не поймешь.

– О чем это вы? Я, что, похож на идиота? Это шериф, так?

– Джек оставь. Могут сказать одно – это не он. Хотя сэр Гордон – человек, не допускающий огласки и перекрывающий утечку информации на любых уровнях, он относится с большой нелюбовью к репортерам...

– Репортерам? – Перед глазами всплыла бардовая физиономия Гордона, орущего в трубку телефона:

«Если кто-нибудь разнюхает, твоя тощая задница может распрощаться с удобным креслом и со службой вообще. Ты меня знаешь – я слова на ветер не бросаю. Мы справимся своими силами. Нам не нужны здесь эти чертовы федералы, понял? Засунь этому вонючему чистоплюю Грейбсу в задницу его гребаную статью, вместе с его законами...»

Джек вспомнил, откуда слышал о репортере Джонатане Грейбсе – из уст шерифа, в день после аварии...

– Господину шерифу есть что скрывать, – задумчиво протянул коп. – Впрочем, как и нам всем.

– Так значит, сэр, шериф перекрывает утечку информации на любых уровнях, – констатировал Джек, глядя детективу прямо в глаза. – Почему вы говорите мне все это?

Детектив поднял взгляд на Джека, задумался, всматриваясь в его лицо, будто видел впервые.

– Почему разбился самолет на борту которого находился Грейбс – репортер, пообещавший предоставить на пресс конференции сенсационные разоблачения? Разоблачение неких официальных лиц одного из городов штата Орегон... Файерлейка? – Даже не спросил, а констатировал факт Джек, но вместо ответа детектив бросил на стол пять долларов, проигнорировав вопрос.

– Помните, вы говорили о звонке Пола в ту роковую ночь... Вы взяли распечатку с моего телефона? – Джеку безумно захотелось пить, но чашка с кофе была пуста.

– В этом городе твориться черти что! – Буркнул коп. – Да, я взял распечатку, которую ты видел. Но в другой распечатке говорится, что звонок поступил к тебе... лишь через сутки! Джек, только не спрашивай, что это означает. Похоже, ты не обманывал, когда говорил о звонке, но, черт возьми, будь я проклят, если понимаю как такое вообще возможно!

– Другая распечатка? А не мог ли, допустим, некто изменить данные в главном компьютере? – Он с нетерпением ждал ответа. Но Бекс, вытерев губы салфеткой, скомкав, бросил на стол и поднялся.

– Мы договорились. Пока забудь и живи дальше! Это дело не для человека, оканчивающего в этом году школу. Сделаю, что должен и повторяю, найду тебя, когда все будет позади, – он вышел из кафе, быстро пересек улицу и исчез за массивными дверями полицейского управления.

Джек так и остался сидеть с раскрытым ртом, даже не успев попрощаться. Он растерянно смотрел на противоположный конец улицы и на силуэт, исчезающий в здании управления, переваривал только что услышанное, и сердце начинало колотиться быстрее. Вопросы, словно растревоженный рой лесных пчел, возникая один за другим, жалили все сильнее. У него не было ответа даже на один.

– Я был прав, черт возьми! Пола убили. Но за что? Что он сделал или что он видел? Возможно, случайно стал невольным свидетелем? Оказался не в том месте, не в то время? И зачем Бэксу находить меня, когда закончит расследование? Почему именно меня?

Предположим, в аварии замешан шериф, а это, несомненно. Устранить, как Пола, он меня не сможет, ведь Рейчел придется уйти в дом «Плача». Такого Гордон не допустит. А если процессом руководит рыбка намного крупнее шерифа? Тогда на что шериф пойдет ради спасения любимой дочери?

Репортер Грейбс – какое странное совпадение и совпадение ли?! Если предположить, что Джонатан собирался раскрыть информацию об управлении Файерлейка пошел бы Гордон на устранение? Ему есть, что скрывать – так сказал Бекс! – Джек дрожащей рукой вытер вспотевшее лицо.

– Бекс намеренно вставил ключик и завел, провоцируя меня на определенные действия. Он не мог не понимать, что я непременно проглочу наживку и не оставлю дело, пока сам не докопаюсь до истины. Для чего?

Это более чем странно. А перевод детектива в другой штат? Это уже выше компетенции Гордона. Не из-за того ли, что старания в деле Бекса кому-то как кость в горле? Гордону – естественно. Но есть некто, обладающий более влиятельной властью. Наверняка, перевод его рук дело.

«Уважаемому мистеру Гордону есть, что скрывать»!

Что если к этому делу причастен орден? Как глубоки корни организации, ведь я практически ничего о ней не знаю: туманные намеки, брошенные невзначай фразы. Меня словно безропотную овцу ведут на заклятие, а я даже не пытаюсь сопротивляться!

Почему отец Сэмуил и мать Афения твердят, что я должен дождаться совершеннолетия, прежде чем они смогут меня посвятить? Что может измениться тогда? Зачем тянут время, чего выгадывают, что ждут? И почему молчит мать? Чем они могли так напугать ее, что спрашивая об этом, кроме страха, мгновенно вспыхивающего в ее глазах, я ничего не вижу?

Они твердят одно – я не пойму, не смогу принять, не смогу справиться! С чем? Возможно, это касается и Пола? Нет, уж! Я больше не намерен ждать, и когда Керол вернется, заставлю ее рассказать обо всем! – Джек с силой хлопнул по столу рукой, на миг забывая, где находится. Впереди сидящий парень буквально подпрыгнул на месте, недоуменно глянув в его сторону.

– Извините, – бросил Джека.

Полный решимости он поднялся из-за стола, намереваясь сейчас же посоветоваться с ребятами и решить, что делать дальше, а затем до приезда матери, поговорить с отцом Сэмюилом и Афенией. Он бросил мимолетный взгляд в окно на полицейское управление: никто не выходил оттуда. Ливень шел, как из ведра. Холодные струи барабанили по окну, стекая ручьем. Мокрые стены зданий, деревья и даже та фигура человека напротив, казались размытыми из-за серой пелены дождя.

Джек отвернулся, расплачиваясь за кофе. Стоп! Будто пронзило током, все еще не веря глазам, он медленно поднял голову. Старый индеец стоял прямо перед ним за стеклом. Как он мог так быстро перейти дорогу и оказаться перед ним?

Черные глаза горят ненавистью, рот искривлен в презрительной ухмылке, обнажив ряд желтых кривых зубов. Джек узнал его. Он видел незнакомца тогда, в начале сентября, когда возвращался с друзьями с тренировки. Это было еще до смерти Пола. И вот теперь этот странный человек стоит прямо напротив, вызывая бурю эмоций: удивление, смятение, страх... Почему, страх?

Ветер безжалостно трепал цветные перья, но индеец, казалось, не замечает пронизывающего холода и ледяных капель. Он медленно поднял правую руку, ткнув в него указательным пальцем. Парень заметил тоже кольцо, длинные обломанные ногти. Старик с остервенением тыкал в него грязным пальцем, что-то крича через стекло, но из-за шума дождя Джек не мог слышать ни слова.

Он оглянулся, надеясь, что странное видение обращается не к нему, но в пустом зале кроме него и впереди сидящего парня, никого не было. За стойкой одинокий бармен лениво крутил в руках стеклянный бокал, натирая полотенцем и совершенно не обращая ни на кого внимания. Официантка куда-то отлучилась.

Старик явно обращался к нему. И, похоже, индейца кроме него никто не замечал. Джек протянул вперед руки, показывая жестом, что сейчас выйдет, и пусть он его дожидается. В ответ незнакомец сжал руку в кулак и потряс над головой, затем снова ткнул пальцем. Джек в ответ кивнул, и, что есть силы, бросился к дверям, на ходу нечаянно опрокинув стул. Бармен недоуменно поднял на исчезающего в дверях Джека сонные глаза и, пожав плечами, взял новый бокал.

Меньше трех секунд понадобились для того, чтобы оказаться на том самом месте. Джек был поражен и сбит с толку: никакого старика за стеклом не оказалось. Он бросился сначала в одну сторону, затем в другую, пожалев, что не взял машину, как делал всегда, когда шел дождь и, постепенно осознавая тщетность метаний, закричал:

– Да где же ты, черт возьми? Что ты от меня хочешь? Что тебе надо?

Редкие прохожие, прятавшиеся под зонтами, озадаченно поднимали глаза, отыскивая взглядом источник шума, и еще более удивлялись, видя, что этим источником является Джек, который как безумный продолжал метаться по улице.

Как и в тот раз, подтвердить рассказ будет некому. Как и в тот раз, ему не поверят даже друзья. Как и в тот раз, он придет к мысли, что это галлюцинация. Как и в тот раз, подумает, что сходит с ума.

Бармен через окно с интересом наблюдал за метаниями Джека: глянув на опрокинутый стул, пустую чашку на столе, снова уставился на улицу. Через некоторое время он отвернулся,

включил радио, покрутил ручку настройки и, найдя четвертый канал, с интересом стал слушать шоу Бекти Боя: «Что нужно делать, если твоя девушка ушла к твоему другу».

Во-первых, – вещал приятный на слух мужской голос. – Подумайте, нужна ли вам такая девушка. Если все же решили, что жизнь без нее не имеет смысла, попробуйте понять, что есть такого у него, чего нет у вас. Во-вторых: не показывайте, что вы безумно несчастны. Наоборот, старательно делайте вид, что вам прекрасно живется и без нее...

Молодой человек вздохнул. В его мыслях давно жила дочка шерифа, и теперь он представил, как она, обливаясь слезами, просит не бросать ее, ведь Джек для нее – всего лишь мимолетное увлечение...

13

Джек мчался на пикапе по Бруксон-Хилл, значительно превышая скорость. Только что он созвонился с друзьями, прося, чтобы они встретили возле школы, где уже начался бал в честь праздника Хэллоуина. Ночной город мелькал в окне машины сплошным ярким пятном света, но сейчас Джека не трогала его красота, он думал о другом.

Если его не преследуют собственные галлюцинации, чего нельзя исключать с полной уверенностью, то он знал с чего начать. Допустим, это не сработает, тогда он обратится к доктору Снейку за советом. Но ждать и томиться в неизвестности больше нет сил. Следом очередь матери, а затем матушки Афении, которые должны рассказать обо всем, что знают. Быть безропотной игрушкой в чьих-то руках не его судьба. В конечном итоге его жизнь – это только его жизнь, и решать за себя он будет сам. Он найдет старого индейца, и узнает, что тому нужно.

Ударив по тормозам, он остановился на парковке, обдав рядом стоящий минивэн фонтаном воды и грязи. Ну, конечно же – машина Фреда Керлина.

– Ладно, с ним я разберусь напоследок, – зло бросил Джек в сторону автомобиля, словно тот был живым существом и мог его слышать.

Он пересек парковку, еще издали заметив друзей, сидевших в школьной беседке. Грохот музыки раздавался из открытых настежь дверей, перед которыми толпились ребята. Дилет Престон с колпаком звездочета на голове зорко следил за подростками во дворе во избежание употребления более крепких напитков, чем кола. Он то и дело кричал в густые заросли кустов, что все видит и уже набирает телефон родителей, чтобы сообщить, чем занимаются их любимые детки.

Увидев Джека, мистер Престон радостно помахал рукой, показывая в сторону ожидавшей его компании. Джек в приветствии поднял руку и сразу же прошел к беседке, вежливо отклонив предложение немного поболтать. Дэн с Майклом состязались в армрестлинге, причем Майки безнадежно проигрывал. Луис серьезно наблюдал за ребятами, поигрывая прядями темных волос. Подошедший Джек, здороваясь, шлепнул Майкла по плечу, и Дэн тут же опрокинул его руку.

– Спасибо, Джек, из-за тебя я проиграл этому хвостуну, – буркнул он, хмуро глянув на друга и потирая плечо.

– Будто когда-нибудь было иначе, – хмыкнул Луис.

– Ха! А ты даже не захотел со мной бороться. Боишься проиграть публично.

– Разумеется, Майки, чтобы стало бы с моим самолюбием, – хохотал Луис. – Кстати, Джек, Рейчел тебя уже давно разыскивает.

– А меня ждет Кети, – отрезал Майкл, бросив оценивающий взгляд в сторону прошедших мимо девушек, и тут же, опомнившись, торопливо оглянулся по сторонам:

– Девушки, не проходите мимо. Четыре крутых ковбоя желают приятно провести с вами вечер. Выбор за вами, танец за нами...

– Вон и Кети, – бросил Дэн и засмеялся, видя, как Майки испуганно озирается.

– Очень смешно! – Майкл демонстративно надулся. – Иди и заложи меня...

– Дэнни, Луис, Майкл я собираюсь завтра в ГриндБэй, – выпалил Джек без предисловия, тут же увидев недоумение, появившееся на лицах.

– Ты бредишь что ли? На вид вроде не больной...

– Постой, Майкл. Я не ослышался, ты собрался в ГриндБэй? – Нахмурился Луис.

– Ты не ослышался...

– Ну, да, я всегда говорил, что у тебя не все дома! На кой черт тебе понадобился ГриндБэй. Ты что, самоубийца? Учти, самоубийцы вечно гниют в аду, – бросил Майкл.

– Не гниют, а горят, – толкнул его в бок Дэн.

– Я не шучу, – серьезно сказал Джек.

– Подожди, зачем тебе понадобилось ехать в резервацию? Ты же понимаешь – последствия неминуемы! – Дэнни поднялся, вопросительно уставившись на друга. – К тому же одной разбитой физиономией не обойдешься.

– Поэтому я и говорю вам. Мне необходимо поговорить с местными старейшинами и узнать об одном человеке.

– Узнать о человеке? Всего-то? Да ты дальше Овайхи в их сторону и шага не сделаешь, если конечно сможешь даже через реку перебраться. Они же подстрелят тебя словно больного бобра, и дело с концом. Ты «а» сказать не успеешь, как очутишься на небесах, – махнул рукой Майкл. Луис до сих пор не проронивший ни слова, сдвинув брови, наблюдал за Джеком.

– Э, Луи, ты то, что молчишь, – воскликнул Майкл. – Скажи ему, что он самоубийца!

– Понимаю, глупо. Я не говорил, что это будет легко, верно? Поэтому не прошу идти вместе со мной, но хочу, чтобы вы знали, если вдруг... ну, если что...

– Ты сошел с ума. Неужели думаешь, мы отпустим тебя к этим чертям одного, – бросил Дэн. – Керлины против них команда спасения! – Джек побледнел и развернулся, чтобы уйти.

– Просто знайте и все!

– Постой! – Поймал его за руку Луис. – Можешь хотя бы объяснить, зачем туда собрался?

– Всего сказать не могу. Но кое-что... – Джек не знал, как объяснить, чтобы его не посчитали сумасшедшим. – Сегодня я снова видел того индейца-старика, прямо напротив полицейского управления.

– Ты спятил! Индейца, да еще и напротив полицейского участка! Джек, это уже слишком даже для тебя. Индейца в нашем городе? Ты явно кое-кого в маскарадном костюме перепутал, ведь сегодня кого только не встретишь на улицах. Я вот, между прочим, видел Элвиса, – хмыкнул Майкл, поднимаясь вслед.

– Подожди, Майки, – бросил Луис. – Джек давай по порядку. Во-первых: какого индейца?

– Того, которого видел, когда мы все возвращались с тренировки. Ну, когда Майкл с Кети поссорились, в начале сентября. Не помните?

– Не помните? – Прошептал Джек. – Вернее, это я его видел, а вы нет...

Майкл фыркнул, хлопнув руками по бедрам.

– Ну, хорошо, допустим, и что? – Спросил Дэн.

– А то, что я сегодня с ним опять встретился, и он, как и тогда, тыкал в меня пальцем и что-то там кричал, причем довольно сердито.

– Может, твой фанат, – неудачно пошутил Майкл, тут же покраснев, наткнувшись на осуждающий взгляд Луиса.

– Джек, что он тебе говорил?

– В том-то и дело – я ничего не расслышал. Просто зашел выпить кофе и увидел его через витрину. Шел дождь, в кафе играла музыка... в общем, когда я выбежал, его уже не было. Хочу выяснить, что ему от меня нужно. Зачем преследует и прячется всякий раз, когда я пытаюсь с ним поговорить?

– Слушай, встань на наше место. Если бы кто-нибудь тебе сказал, что видел парня из резервации рядом с управлением, ты бы поверил? В нашем городе – ты бы поверил? Это же сущий бред!

– Если это были бы вы, Майки, я бы поверил.

– Да это совсем несерьезно!

– Подожди. Почему ты решил, что он из ГриндБэй?

– Луис, а ты знаешь еще одну резервацию расположенную вблизи нашего города? Я нет.

– Значит, ты хочешь найти его там?

– Он может быть только оттуда, по крайней мере, надеюсь, – Джек устало опустился на скамью. – Понимаете, что-то происходит вокруг меня, что-то непонятное, и я должен знать что. А сидеть и ждать...

– А может это ну... турист!

– Ну да, Майки, индеец-турист в нашем городе. Ты сам себя слышишь! – Махнул рукой Луис.

– Когда мы поедим? – Спросил Дэн.

– Стоп, стоп, подождите! Вы что, мечтаете, чтобы вас перестреляли за нарушение частой территории, словно кроликов? Нужно подумать, как поступить правильно. Нужно придумать план!

– Давай Майки, валяй, предлагай, – подал голос Дэн.

– Да вы не поняли: я отправляюсь в резервацию один. Неужели думаете, я могу просить вас об этом? Просто хотел, чтобы вы знали.

– Да... ты явно где-то перегрелся.

– Думаешь, мы съедим это и отпустим тебя восвояси?

– Джек, мы дружим с детства, – Луис сел рядом, приобняв его за плечи. – Ты же не думал, что мы вот так просто сможем отпустить тебя одного. Если так, мне жаль, что ты о нас такого мнения.

– Нет, я...

– Послушай! Мы отправимся с тобой вдвоем в ГриндБэй послезавтра.

– Вдвоем, Луис, а мы значит, кто?

– Не кипятись, Майки, вы с Дэнном останетесь нас прикрывать, вдруг что-нибудь пойдет не так. Нам нужно обеспечить тыл, так? Где и как мы обговорим позже. Почему не завтра? – Предугадав вопрос Джека, продолжил Луис. – Потому что завтра я сделаю пару звонков. Необходимо прощупать почву, прежде чем сунуться в резервацию. Во мне ведь тоже течет индейская кровь, не забыли? Хотя я и не чинуки, но друзья среди них у меня имеются. Правда они живут не здесь и даже не в нашем штате, но звонок от них может помочь в переговорах, так сказать. Ну что, по рукам, Джек?

– Нет, вы не поняли. Я не обсуждать это пришел, а лишь поставить в известность.

– Ты хочешь, чтобы мы дежурили возле ГриндБэй, ожидая твоего появления? Столько, сколько потребуется? Я лично никуда не спешу. Ты же знаешь, мы теперь это не оставим.

– Джек, подожди до послезавтра. Прошу.

Джек теперь нервно ходил взад-вперед, взвешивая «за» и «против».

– Послезавтра... хорошо! Спасибо.

– Ну, пока еще не за что.

– Просто отлично! Значит, я с Дэнном останусь в городе, отсиживаться словно крыса, а вы поедете в резервацию. И тебе спасибо, Луис! Ты как всегда стратег еще тот.

– Ну, не в городе, Майки, а на реке. Заодно и рыбу половите.

– Здорово! Да, самое трудное всегда мне, – пробубнил Майкл. – Оставаться весь день с Дэнном, это все равно, что сидеть в одной клетке с голодным попугаем.

– Что? – Крикнул Дэн, тут же сжав его в стальных объятьях.

– Вот я и говорю, – прохрипел Майкл. – Нужно взять больше еды...

Словно камень с души свалился! Под конец бала Джек даже повеселел. Майкл пропал куда-то с Кети, Луис расположился с Дэнном на диванчике, попивая коктейли. Дэн бросал несчастные взгляды на Рейчел, которая, кокетничая, танцевала с Джеком и, казалось, не замечала никого вокруг, что совсем на нее непохоже. Она выглядела сногшибательно: шикарное платье, дорогие украшения, возбуждающий аромат духов «Камю», который свел с ума большую часть пришедших на бал парней.

Фред Керлин все время пытался провоцировать Джека, который стойко игнорировал жалкие выпады, чем вызывал еще большую ярость. Розы Стоун пару раз пригласила на танец Луиса, но получив вежливый отказ, разрыдалась и бросилась вон из зала. На вопрос Дэнна, почему он все-таки не потанцует с девушкой, Луис шутливо отвечал, что совершенно не умеет танцевать и боится отдавить Розы ноги. Утром об этом будет знать вся школа, и он не вынесет такого позора. А почему Дэн никого не пригласит, не может быть, чтобы ему никто не нравился? Лицо Дэнна мгновенно покрывалось красными пятнами, он начинал икать, и Луис торопливо менял тему разговора, боясь за душевное состояние друга.

Около двух часов ночи праздник закончился грандиозным фейерверком. Джек и Рейчел, обнявшись, смотрели на огненные цветы, распускающиеся в небе, смеясь и радуясь словно дети. Никто не замечал сопящего от злости Фреда Керлина, бросающего жадные взгляды на девушку. Молодежь разъезжалась по домам под неусыпным взглядом Дилета Престона, учителей и дежуривших полицейских.

Джек подвез Рейчел домой. Они еще долго сидели в машине, разговаривая о городе, победе в игре, о планах после школы. Рейчел постепенно сводила разговор к их отношениям, но Джек сразу уводил его в другую сторону. Полумрак в салоне автомобиля создавал волнующую обстановку, тихая мелодия расслабляла. Впервые за несколько дней, он чувствовал себя спокойно.

Попрощавшись, она склонилась к нему, поцеловав нежно, но требовательно. Джек пытался быть вежливым, но у него всегда выходило не слишком хорошо. Он ощутил вкус миндаля на губах и сладкий запах, исходящий от золотистых волос. Во рту предательски пересохло, дыхание участилось, а сердце застучало громко и быстро. Рейчел была так красива, такая загадочная, такая другая. Неизведанное манило, настойчиво убеждало прикоснуться к бархатистой коже, провести рукой по шелковым волосам.

Теперь Джек целовал ее все более настойчиво, смелее, забываясь, погружаясь в горячие новые ощущения, пока она, смеясь, не оттолкнула его.

– Оказывается ты не такой бесчувственный чурбан, каким хочет казаться, – Рейчел поправила платье, вопросительно приподняв брови. Он только теперь осознал, что рука лежит на ее груди. Поспешно отдернул руку, пытаясь унять предательскую дрожь, он хотел сказать что-то вразумительное, но из горла вырвался хрип. Рейчел засмеялась, откидываясь на сиденье.

В отблеске уличного фонаря длинные волнистые волосы блестели золотом, а кожа казалась бархатной. Она была воплощением совершенства и грации. Теперь уже Джек еле сдерживался от желания снова поцеловать ее, почувствовать мягкость и аромат губ, прикоснуться к нежной коже. Но Рейчел отрезала, что теперь он знает, отчего отказывается, и впредь будет вести себя умнее. Кончиками пальцев, как заправская соблазнительница, она коснулась его щеки, вызвав волну желания и возбудив бурю эмоций. Он потянулся вперед, обняв ее за плечи, но Рейчел отстранила его, дернув ручку двери.

Скрываясь в дверях особняка, она махнула на прощанье рукой, заметив, что об этом моменте он будет помнить всегда. Джек не заметил довольную физиономию сэра Гордона, выглядывающего из-за жалюзи в окне второго этажа.

Он пытался унять дрожь, восстановить дыхание, но не мог успокоиться. Чтобы хоть как-то погасить жар, бушующий в груди, развеяться он решил остановиться возле «Огненного Озера», поразмыслить обо всем произошедшем. Впервые Рейчел подпустила настолько близко. И он с удивлением понял – она взволновала его так, как никто другой. Неужели он и вправду влюбляется в нее? Если бы Рейчел не была такой стервой, все могло быть иначе.

Притормозив вблизи излюбленного места, Джек не торопясь побрел к кратеру. Ощутил горячий ветер, исходивший из бездонных недр, почувствовал запах гари и дыма, увидел голу-

бой, мерцающий купол, вдохнул полной грудью и почувствовал, как дрожь медленно отступает, а сердце начинает биться ровней и тише.

«Озеро» пело, успокаивало, унося в мир грез. Монотонное движение магмы притягивало взгляд, и он не мог его отвести. «Озеро» ухнуло, радуясь его возвращению, и протянуло горящую ладонь. Столб огня на миг осветил ночной пейзаж, и с силой рухнул вниз, приглашая спуститься вместе с ним.

Теперь он мог рассуждать здраво, пытаясь проанализировать свое поведение, с ужасом осознавал – если Рейчел станет вести себя подобным образом, очень скоро добьется чего хочет. Он смирится, ну... или почти смирится.

Джек опустил взгляд на огненную спираль, заметив движение на западном склоне. Теперь он абсолютно уверен, больше сомнений не было: по отвесной стене, опровергая закон тяготения и адский жар, быстро поднималась тень, чернильным пятном молниеносно скользя вверх.

Он всматривался в пятно, пока не заболели глаза, угрожающе склоняясь над обрывом и рискуя сорваться в пропасть. Зрение не обманывает: что-то действительно поднимается вверх, что-то быстрое и невесомое. Легкий, нежный шелест, исходящий из сердцевины магмы, напомнил шорох одеяла, которым мать заботливо укутывала его в детстве, когда, сражаясь во снах с монстрами, он все время сбрасывал его на пол.

– Только не снова! – Отвернулся он, закрывая глаза. – Я не хочу это видеть.

Джек бросился к машине – не оглядываясь, лишь бы скорее покинуть «Огненное озеро».

Лежа дома в кровати и пытаясь уснуть, он заставлял себя думать о Рейчел, внушая, что в «Озере» ничего не было. Раз, за разом прокручивая в уме поцелуй, он пытался разобраться в чувствах, которые вспыхнули в нем.

Так и не придя к определенному выводу, он видимо задремал и проснулся от мелодии, издаваемого мобильником, лежащим рядом на подушке. Джек, с трудом разлепив веки, глянул на часы, в сумраке комнаты разглядев, что только начало четвертого утра. Встряхнув головой, прогоняя остатки сна, он посмотрел на дисплей. Номер Майкла.

– Я понимаю, Майки, ты только что вернулся домой, но ты вообще-то на часы смотрел. Это могло подождать до утра...

– Джек! Джек! – Кричали в трубку.

– Что случилось, – сон как рукой сняло. Джек вскочил с кровати, слыша истеричные нотки в голосе Майкла.

– Джек! Случилось несчастье. Разбилась семья Шелдонов.

– Кто? Какая семья!

– Черт! Джек, Шелдоны – это семья моей тети Дженифер из Миннесоты. Нам позвонили полчаса назад, и сообщили, что они возвращались в Канби после уикенда, когда машина, потеряв управления, вылетела на встречную полосу. Нам сказали, что все кто был в ней, погибли. Господи! Джек, мы еще не знаем ничего, по... – громкий треск и шипение на миг оглушили Джека.

– Майкл, Майкл, где вы сейчас! С тобой все в порядке? – Кричал Джек, охваченный ужасом.

– Мы едем в машине... Сью и Макс у Луиса... я с отцом и матерью... позвоню... Дэн... Луис... – связь прерывалась.

– Майкл, слушай, – пытался перекричать треск Джек. – Как только доберетесь до города, обязательно позвони. Если звонки не будут проходить, пытайся звонить снова и снова, пока не выйдет. Звони на другой телефон, но пробейся ко мне обязательно! Скажи, что понял?

– Дже... пы... Сег... – Телефон напоследок издав душераздирающий скрежет вырубился.

Оглушенный резко наступившей тишиной Джек некоторое время тупо пялился на плакат команды «Балтимор Рейвенс» не зная, что делать дальше.

Держа сотовый в руках, нетвердыми шагами спустился вниз, пытаясь позвонить с домашнего телефона. Как и предполагал, сняв трубку, не услышал ничего, кроме зловещей тишины. Линия не работала. Его будто специально отрезали от остального мира.

Растерянно он посмотрел в темноту за окном. Снова пошел дождь, и капли яростно ударили по стеклу. Это был единственный звук, нарушаемый неестественную тишину, окутавшую словно вакуумом. Будто он надел наушники, из которых раздавалась лишь методичная барабанная дробь.

Джек попробовал включить мобильник, но телефон молчал: ни шума, ни треска. Он тщетно вглядывался в темный дисплей. Все бесполезно. В ярости парень швырнул его на диван.

Эмоции, словно прорванная плотина, затопили разум. Растерянность сменилось неудержимым желанием крушить и ломать все, что попадет под руку. Гнев на мгновение ослепил. Схватив со стола вазу с цветами, он со всего размаху швырнул ее о стену. Осколки, разлетевшиеся по комнате, усыпали пол, оцарапав кожу на левой щеке, где сразу же выступила кровь, которую он небрежно стер тыльной стороной ладони.

– Если с Майклом что-нибудь случится, я себе этого никогда не прощу, – прошипел Джек, с ненавистью смотря на бледное отражение в зеркале.

Он оделся, мрачно оглядев в последний раз гостиную, и прошел к двери: накинул куртку, но, подумав, вернулся, осторожно поднял с дивана мобильный телефон и, задумчиво покрутив в руках, сунул в карман. Затем решительно распахнул дверь и вышел в ночь...

14

Шел четвертый день с отъезда Майкла в Канби. Сотовый Джека молчал. Луис и Дэн созванивались с Майклом ежедневно и без особых проблем, но как только передавали трубку ему, связь глохла, будто попадая в мертвую зону. Джек не понимал, что происходит. В конечном итоге он оставил тщетные попытки поговорить с другом.

Луис рассказывал неутешительные новости о трагедии. Тетка Майкла, ее муж и младшая дочь Кори возвращались домой из Слейтона поздно вечером накануне праздника. Не доезжая до Канби несколько миль, автомобиль, неожиданно потеряв управление, выскочил на встречную полосу, где столкнулся с мчавшимся на большой скорости грузовиком.

От сильного удара машину несколько раз перевернуло и выбросило в кювет. К приезду полиции и скорой помощи все было кончено. Автомобиль походил на смятую консервную банку, и чтобы извлечь тела понадобилось резать искореженный металл по кускам.

Пятнадцатилетнюю девочку выбросило при ударе. Ее нашли в нескольких ярдах от машины со сломанной шеей. Грандам, позвонил местный шериф, сразу же после опознания, сообщив о случившемся. К счастью, старшая дочь Шелдонов осталась дома, свалившись с гриппом, и благодаря чему осталась жива.

Сейчас родители Майкла занимались похоронами и завещанием. Скорее всего, дня через два, уладив формальности, они вернутся домой. Естественно, Гранды хотели забрать девочку с собой, чтобы она окончила школу в Файерлейке и жила со своими родственниками. Но пока не удавалось уговорить ее, что и понятно. У девочки шок, и она не совсем осознает, что произошло и как теперь жить дальше.

Сьюзи и Макс оставались в доме Смол. Доверенные заботливым хозяевам они с нетерпением ожидали возвращения родителей. Луис, как мог, занимал их внимание, и чтобы отвлечь детей от грустных мыслей придумал для каждого занятие. Так Сьюзи возилась в цветнике, состязаясь с Ребеккой в уходе за прекрасными голландскими розами, а Макс изучал устройство «Крайслера», проводя с Луисом по полдня под днищем автомобиля.

Джек занимал все свободное время тренировками и работой. Он не мог оставаться и минуты в покорном ожидании возвращения Майкла и его семьи. Падая без сил, он придумывал для себя новые дела, лишь бы заглушить мучительные мрачные мысли. К недовольству Керол снова поругался с Рейчел, потребовавшей присутствия его на обеде, и когда он наотрез отказался, закатила очередной скандал. К стати сказать, он теперь вовсе не жалел об этом.

Керол прилетела из Сиетла, как только узнала о трагедии семьи Шелдон из новостей, объявив, что больше никуда не уедет, и будет работать в галерее дома, добавив, что впредь не оставит его даже на один день. На протестующий ответ сына, что она вовсе не обязана из-за него упускать такой шанс, отрезала, что тема закрыта, и она больше не намерена к ней возвращаться.

Когда вечером внизу неожиданно ожил после долгого молчания телефон, он был в душе. Сначала Джек решил, что ему показалось. Мать, вернувшись и обнаружив полную изоляцию от мира, так она назвала неработающую телефонную линию, развила бурную деятельность. Джек скептически наблюдал за ее действиями, понимая, что дело вовсе не в неполадках на линии или телефоне, предпочитал помалкивать и пожимать плечами, во избежание ненужных вопросов.

Он услышал, как она радостно взвизгнула:

– Вот, что значит пригрозить судом. Алло, алло!

Джек выбежал из душа, наскоро обмотавшись полотенцем и, оставляя после себя мокрые следы, бросился вниз. Поскользнулся на лестнице, чуть не упал, успев схватиться за перила. Керол из-за угла гостиной отрицательно махала рукой, показывая, что звонят ей.

Почти сразу же заиграла мелодия его сотового в спальне. Джек резво развернулся, бросившись назад в комнату, моля, чтобы звонивший дождался его и не дал отбой.

– Да, слушаю, – даже не посмотрев на входящий номер, крикнул он.

– Эй, потише. Я ведь могу и оглохнуть.

– Майкл, черт возьми, как я рад тебя слышать!

– А уж как я рад. Когда ты, наконец, отремонтируешь свой телефон. Легче президенту страны дозвониться, чем тебе.

– Майки, как же я рад! – Сердце в груди колотилось от радости. – Где вы сейчас? В Канби?

– Ошибаешься, дома. Мы вернулись пять минут назад. Позвонил тебе первым в надежде, что ты уже купил новую мобилу, и мы можем поговорить.

– Я ждал.

– Я знаю.

– Как твоя мать?

– Плачет. Они с сестрой долгое время не общались, уж не знаю по какой причине, и теперь она так жалеет об этом. Я плохо помню тетку, честно говоря, но... Черт, все было просто ужасно!

– Прими мои самые глубокие соболезнования. Передай, пожалуйста, Генриетте и сэру Оушену, что мне очень жаль.

– Хорошо, Джек, передам.

– Сам-то как?

– Держусь...

– Ты можешь подъехать на наше место на «Семи Камнях»?

– Разумеется, буду через час. Ты сообщишь ребятам?

– Конечно! Не прощаемся.

Джек задумчиво крутил в руках телефон, который снова работал, как ни в чем не бывало. Кто-то блокировал связь? Но, как! Ведь, черт возьми, это же просто не реально! Что за шпионские игры? Кому вообще это нужно? Кто настолько ненавидит его, чтобы придумать такое безумие? И... зачем? Он ведь не коп, ни политик, ни вундеркинд, взламывающий системы... он вообще никто. Джек перевернул комнаты вверх дном, отыскивая глушащее устройство и, естественно, ничего не нашел.

От души отлегло. Майкл дома, и с ним все в порядке!

– И будь я проклят, если не докопаюсь до истины! – Бурчал Джек, набирая номер Луиса.

Через пятнадцать минут он уже был на Семи Камнях, нервно расхаживая вокруг пикапа в ожидании ребят. Казалось, время тянется невыносимо медленно. Он периодически подносил руку с часами к глазам удостовериться, что прошла всего лишь минута, после того, как он в последний раз смотрел на циферблат.

В монастыре зазвонил колокол, и Джек автоматически кинул взгляд в его сторону. Таинственный, средневековый замок. Почему-то при виде мрачного сооружения волосы вставали дыбом, словно ты смотришь на замок графа Дракулы. «Войти можно, выйти – нет!»

Черная ворона опустилась напротив и пылливо уставилась прямо на него блестящими пуговками глаз. Джек махнул рукой, прогоняя ее, но птица недовольно каркнув, не сдвинулась с места.

– И ты мне не очень нравишься, – сказал он вслух. Но, вспомнив кровавое пятно на асфальте и стаю кричащих птиц, делящих лакомую добычу, скривился от неприязни.

По шоссе в сторону Семи Камней мчалась машина. Джек узнал БМВ Керлинов.

– Ну, вот только сейчас мне их и не хватало, – сказал он вороне. – Что за манера вечно появляться в самый неподходящий момент!

Машина, проехавшая мимо, резко затормозила, подняв волну пыли, давая задний ход. Тонированное стекло опустилось, и Джек увидел ухмыляющуюся физиономию Фреда.

– Какая приятная встреча! – Промурлыкал он. Через мгновение он вальяжно вышел из БМВ, оставив двери салона открытыми. Чтобы Фред упустил такой случай – да ни за что!

– А мы, что же, здесь совсем одни? Где же твои подтералы? – Он метнул взгляд на стоящий рядом пикап. – Никак бросили тебя в одиночестве... какая жалость!

Джек не ответил, безразлично рассматривая Фреда, словно тот замороженная рыба в лавке Освольда. Из машины показались остальные братья и верзила Билли Корни – здоровяк и еще тот задира.

– А ты, почему такой невежливый? Может, тебе стоит преподать урок хороших манер. Совсем одичал малыш или просто скромничаешь, когда рядом нет твоих горилл. Разучился вести себя в приличном обществе, маугли?

– Когда окажусь в приличном обществе, буду только рад, – отчеканил Джек. – А теперь, проваливайте отсюда! У меня нет ни настроения, ни времени с вами возиться.

– Что? Да он еще и хамит. Да ты самоубийца! – Протянул Фред, медленно обходя Джека сзади. Артур и Генри, смеиваясь, встали по бокам. Билл, демонстративно надев на руку железный кастет, медленно приближался, скалясь во все тридцать два зуба.

Их намерения ясны, как божий день. Фред решил отыграться, отплатить за унижение.

– Что будем делать, Джек? Не думаешь, что рано или поздно приходится платить по счетам, – ехидно протянул Генри, выпуская сигаретный дым ему в лицо.

Джек вздохнул, снял куртку, аккуратно положил на камень и, сжав кулаки, приготовился к нападению. Оглядел соперников, оценивая шансы на победу. Разумеется, они кинуться все сразу, такова тактика Керлинов. Джеку пару раз доводилось испробовать ее на собственной шкуре. Пожалуй, ему достанется, но и Керлинам перепадет.

Несмотря на невысокий рост, Фред был крепышом, с развитой мускулатурой качка. Артур с Генри вдвоем могут доставить массу неприятностей, а вот Билл, не смотря на атлетическое сложение и внушительные бицепсы, являлся слабаком, да еще и наркоманом. Поэтому первым выдохнется он. С него и стоило начать, хотя при этом сильно достанется от других. Он будет открыт для удара с обеих сторон. Но шансы всегда имеются – как говорит Ламар Уокер. Трое против – все же не четверо.

В напряжении никто из них не заметил, как по двести сорок шестому мчатся к плато две машины. Зазвонил телефон, но сейчас Джеку было не до него. Ворона громко закаркал, поднявшись в небо, и теперь кружила над головой.

– Знаешь, никак не могу понять, что Рейчел нашла в твоей смазливой мордашке? – Прошипел Фред.

– Наверное, это как раз то, чего не хватает тебе! – Джека забавляла ситуация, а боли он не боялся. Последние несколько лет он привык жить и существовать неразделимо с ней: душевная куда страшней физической.

Первый удар нанес Фред, но Джек, парировал его, отстранившись назад. Кулак прошел мимо, чиркнув по вороту рубашки. Ворона, опустившая позади на камень, истошно закричала, будто неудовольствованный зритель на гладиаторских боях, и в этот момент Артур, Генри и Билл бросились одновременно с трех сторон.

Джек ударил Корни в солнечное сплетение, отчего тот, взвывая и хватая ртом воздух, повалился на землю. Артур заехал Джеку в ухо и размахнулся для следующего удара. Наполовину оглушенный, Джек отбивался от Генри и Фреда. Артур же бил сзади, пытаясь свалить на землю.

Джеку здорово бы досталось, если б не тяжелый кулак Луиса, сбивший с ног Фреда. На Артура, сзади пыхтя, навалился Майкл, а Джек занялся Генри. Он пару раз стукнул его кулаком по лицу, разбивая нос. Хлынувшая кровь тут же залила рот и шею. Зажав нос руками, скуля от боли, Генри бросился к машине.

– Хватит! Довольно, я сказал! – Крикнул Джек, пытаясь оттащить от Фреда Луиса, Майкл, пнув на последок Артура, нехотя отошел назад. Артур тут же бросился поднимать с земли Билли, который катался на острых камнях, вопя от боли.

– Мы еще разберемся с вами, суки! – Прошипел Фред, сплюнув кровь, и с ненавистью смотря Джеку в лицо. – Запомни, урод, ты подписал себе смертный приговор!

– Вставай в очередь, потому что я его сейчас убью, – крикнул Артур, дернувшийся в сторону Джека, но старший брат успел схватить его за разорванный рукав куртки, показывая глазами на машину.

– Не сейчас, – прошептал он.

Не сводя настороженного взгляда с ребят, они медленно отходили назад. Фред первый залез в минивэн на место водителя и, показав Джеку средний палец, завел мотор. Луис едва успел отскочить в сторону, когда машина рванула с места, иначе крыло БМВ сбило бы его.

– Вот гады, – крикнул Майкл, провожая взглядом петляющий по серпантину автомобиль. – Узнаю старину Джека, которого ни на минуту одного оставить нельзя – сразу лезет в драку.

Он бросился к Джеку с распростертыми руками. Лицо Майкла немного осунулось, и выглядел он растерянным и подавленным, но чувство юмора не пропало. Этого у старины Майкла не отнять! Стараясь держаться непринужденно, друг отчаянно пытался скрыть то, что происходило в его душе. Истерика не лучший способ выхода из депрессии. Уж кому это не знать, как ни Джеку. От этого не станет легче? Уж поверьте!

– Эх ты бродяга! – Прошептал Джек.

Майкл отстранился и внимательно оглядел друга:

– Э, да они тебя все же задели, – он показал на кровь, сочащуюся из правого уха. – Теряешь хватку!

– Ерунда, отвлекся, – отмахнулся Джек, вытирая рукой шею.

– Ха, Билли Корни потерял свой кастет! Видать, здорово ты его приложил, если он забыл про него! – Воскликнул Луис, поднимая его с земли. – Тяжеловат для бедного Билли, не находите? – Парень хмыкнул, зашвырнув его далеко в пропасть.

– А где Дэн?

– Подъедет позже, предупредил, что немного задержится, – махнул рукой Луис.

– Майкл, это ужасно, то, что случилось с твоими родными, – Джек тяжело привалился на рядом стоящий камень, отчищая левую штанину джинсов. В правом ухе звенело. Майкл кивнул, отвернулся, поднял с земли камень и бросил в ворону, которая наконец-то замолчала и теперь молчаливо пялилась на ребят. Птица взмыла вверх, вновь озаряя окрестности истошным криком.

– Ненавижу этих птиц, – пробормотал он, опускаясь рядом с Джеком.

В наступившей тишине слышался постепенно стихающий в дали крик ворона и тихий шорох листьев терновника, растущего у самого обрыва. Легкий ветерок принес с собой пряный запах наступающих сумерек. Багровый горб солнца еще не скрылся за горами, но тусклый рожок полумесяца нечеткими линиями уже проявлялся на быстро темнеющем небосводе. Над склоном, словно густой туман над Овайхи, поплыл печальный звон монастырского колокола, возвращая в неизбежную реальность, а далеко внизу из леса ему вторил плач выпя.

– Позвонили около трех часов ночи. Сквозь сон я услышал, как внизу закричала мама. Не совсем понимая, что происходит, спустился и застал ее плачущей. Отец сказал, чтобы я собирался, будил Сьюзи и Макса, сложил для них кое-какую одежду. Нам нужно срочно выехать в Миннесоту, а дети останутся в это время у Смол. На мой вопрос, что происходит, он ответил, что случилась страшная трагедия: моя тетья Дженифер... ее семья попала в автомобильную аварию... Они все погибли, – Майкл поднял еще один камень.

– Честно говоря, я даже сразу не понял, кто такая тетя Дженифер, так как видел ее всего пару раз, когда был еще ребенком. Мы ездили в Канби к ним в гости много лет назад, и за все прошедшее время они ни разу не приезжали сюда, в Файерлейк. Мама жалела, что не смогла переубедить сестру, – слова давались с трудом, но чем больше он говорил, тем легче становилось на душе. Опустив глаза, он отвел взгляд, только бы не видеть жалость, отражающуюся на лицах, как в зеркале.

– По дороге к аэропорту, я позвонил тебе, – он на миг взглянул на Джека. Зеленые глаза блестели от надвигающихся слез. – У тебя что-то случилось с телефоном, наверное. Не мог к тебе пробиться и связался с Дэнном. Луису вкратце обрисовал ситуацию, когда подвозил Макса и Сьюзи...

В Канби нас встретил помощник шерифа, и отвез к дому тети Дженифер. Рассказав в машине, как все произошло, он сразу же попросил мать заехать на опознание в городской морг. Так полагается, сказал он, – Майкл шмыгнул носом.

– Они возвращались домой из Слейтона, где были на уик-энде у друзей: тетя Дженифер, дядя Билл, Кори. Вайлет, к ее счастью осталась дома, так как недавно переболела гриппом и еще чувствовала себя слабой.

Возле сорок пятой отметки... около пяти миль от города седан выехал на встречную полосу, прямо под колеса многотонного грузовика. В это время тетка разговаривала с Вайлет по сотовому. Она рассказывала, что слышала, как кричала мать: «Билли осторожно, там мальчик!» Хотя шофер грузовика утверждает, что никакого ребенка на дороге не видел, и, скорее всего водитель не справился с управлением. Это так ужасно!

– Машина от удара взорвалась. Тела обгорели, и... и... их хоронили в закрытых гробах, Дженифер, Билл, кроме Кори, которая лежала в гробу как спящий ангел... такая невинная, такая красивая... Господи, как это только выдержала Вайлет? – Майкл крепко сжал камень в дрожащей руке.

– Кроме нас у Ви теперь никого не осталось. Но как только она узнала, что поедет в Файерлейке, у нее случилась истерика. До этого момента она просто молчала. Ни слов, ни криков, словно застыла... А тут. Все горе и отчаянье, которое она пыталась сдерживать после гибели родителей, вырвалось наружу. Вайлет отказалась переезжать в город наотрез. Мы испугались за ее душевное здоровье, думая, что это последствия психологической травмы. Но причина оказалась не только в этом.

Психоаналитик сообщила, что боязнь переезда кроется в более глубоких причинах, чем смена места жительства, былого уклада жизни, вещей, принадлежавших ее семье, и она, к сожалению, не может рассказать обо всем. Но страхи девушки, в связи с ужасной трагедией, вполне обоснованы. Нам предстоит потратить много сил и терпения, чтобы Вайлет смогла, наконец, найти в себе силы справиться с ситуацией и согласиться на переезд.

Когда я смотрю на нее, сердце разрывается на части. Пережить такое страшное горе, но находить в себе силы продолжать жить дальше. Они ведь с сестрой были неразлучными, как две половинки одного целого. Она потеряла не только родного человека, но и самого лучшего друга, а родители... Это... безумие! Мы боимся, что она может сотворить с собой что-нибудь, ну... от отчаянья, понимаете? Стараемся не оставлять ее одну.

Ее родители были успешными людьми. Дядя Билл преуспевающий адвокатом, а тетя Дженифер работала юридической фирме «ЮниксСан». Рассматривается версия об устранении, связанная с родом их деятельности, но подтверждений пока нет. Трасса не была пустыня в момент автокатастрофы. Имеется масса свидетелей, и все как один уверяют, что седан вдруг резко вывернул на встречную полосу, словно водитель пытался уклониться от чего-то...

Комиссия не установила неполадок в автомобиле. Скорее всего, авария несчастный случай, каких тысячи. Может, у дяди сердце схватило или ему действительно показалось, что он видит на дороге ребенка, и чтобы избежать... Господи, мы все равно этого уже не узнаем!

Шелдоны оставили Вайлет состояние: она может учиться в престижном колледже, планировать свою жизнь. Но это ее мало волнует, и... если бы вы ее видели... – Майкл закрыл лицо руками, пытаясь скрыть слезы. Джеку до боли знакомо это чувство. Он сжал плечо друга, не произнося банальных дежурных фраз, типа: время лечит, видна такая у них судьба, нужно крепиться и просто пережить – за что Майкл был ему благодарен. Они сидели в полном молчании, погруженные каждый в свои мысли.

Джек знал, что чувствует девушка, в какую ледяную бездну уходит, и вернуть ее назад будет ой как сложно. Он вспомнил себя после исчезновения Сэма: но у него, по крайней мере, есть мать, а она потеряла всю свою семью. Он чуть не сошел с ума от горя, даже не стараясь сопротивляться депрессии, а она продолжает бороться, каждый час, заставляя себя жить и думать о будущем. Он же давно перестал этого делать, предоставив реке жизни самой решать на какой берег его выбросить... словно пустая щепка на легкой ряби... куда прильет...

Послышался звук подъезжающего автомобиля. Луис пошел по дороге, встречая Дэнна.

– Не понимаю, почему у нее такое предубеждение насчет нашего города? – Пожал плечами Майкл,

– В каком смысле предубеждение?

– Она боится его или нет... не так... не знаю, – вздохнул он. – Когда мы подъезжали, я заметил на ее лице выражение безысходности, покорности что ли... Словно она смирилась с чем-то ужасным. Нет, не со смертью близких – тут другое. Что-то будто решила для себя. Помнишь, как в том фильме про гильотину, на который нас затащил однажды Луис: обреченные медленно поднимаются по ступеням и подходят к адской машине. В глазах пустота, равнодушие. Страх и истерика остались позади. Душа иссушена, как колодец в пустыне, и знаешь почему? Потому как знают, что должно произойдет и этого не изменить. Они смирились, понимаешь, смирились со своей участью...

– Не секрет, Майки, как люди воспринимают наш быт и какие сказки рассказывают о нашем городе. Не забыл, что сказал Грэг перед отъездом? Он думал, здесь живут одни фанатики, а оказалось, нормальные парни, за небольшим исключением конечно. Так и Вайлет. Думаю, до нее просто дошли слухи о нашем городе, о странностях его жителей, об обособленности и неприветливости, но уверяю, когда она поближе познакомится с нами, то перестанет думать о нем, как о вселенском зле. Мы поможем ей в этом. Просто дай ей время для адаптации, старайся как можно меньше оставлять в одиночестве. Понимаешь? Мысли – они ведь тоже могут убивать... более медленно, более изощренно... и более верно...

– Да! Конечно, понимаю. Я постараюсь...

Луис возвращался с Дэнном, который, не дойдя несколько футов до Майкла, сорвался с места, бросившись к нему.

– Простите, что опоздал. Я спешил. Так жаль... Такое страшное горе. Майки, так рад тебя видеть! Я переживал, что просто...

– Дэнни, со мной все нормально. Все уже позади.

– Как же такое могло случиться? Как же так? – Всхлипнул Дэн, и Джек поблагодарил про себя Бога, за то, что впечатлительный Дэнни не слышал рассказа Майкла.

– Теперь, мы снова вместе, Дэнни! Черт, мне так не хватало вас эти четыре дня, увольни!

– Да, теперь, мы вместе. И все нормально, правда. Теперь нормально. Джек, что у тебя с ухом? – Воскликнул он, задержав взгляд на кровоточащем ухе друга.

– Ерунда, важно другое. Ребята, Майки, ты не мог дозвониться, потому что кто-то блокирует мой телефон, – выпалил Джек.

– То есть, все-таки думаешь, это не просто отсутствие связи. Считаешь, такое возможно?

– Как ты объяснишь, что как только я брал в руки сотовый Луиса, он глох, словно... Это избирательная мертвая зона, что ли?

– Черт, это как-то слишком странно, не находишь?

– Возможно Майки, существуют устройства, которые при желании блокируют радиоволны или могут создавать сильные помехи. Из области шпионских игрушек, – кивнул головой Луис. – Да в сети их пруд пруди. Правда, одна загвоздка. Они блокируют связь, но не человека...м... избирательно.

– Постой брат, то есть ты хочешь сказать, тот, кто проделывает такое с Джеком находится здесь рядом с нами, в этом богом забытом городке? Да зачем все это? К чему такие сложности? – Пожал плечами Майкл. – При всем уважении Джек, но что с тебя взять-то? Будь ты крупной шишкой, например, политиком, министром, сыном министра, наконец, я бы понял, но для чего ты нужен кому-то?

Джек и сам об этом недавно думал.

– Кто-то, готовый разыграть спектакль, а затем полюбоваться произведенным эффектом. Но зачем? – Пожал плечами Дэнни. – Я согласен, как-то не логично, тратить средства и силы только для того, чтобы насладиться лишь игрой. Нелогично и бессмысленно! И к тому же не забывайте, у Джека не работал и городской телефон тоже, хотя его мать, куда только не обращалась – нарушений не выявлено. Это как объяснить? Вся проводка в порядке. С сотовым понятно, а городской?

– А как ты объяснишь звонок Пола через сутки после его смерти? Это логично? Я думаю, в наш век всякое можно устроить. Создать голограмму Тупака, который пожмет тебе руку, и ты не усомнишься, что он настоящий. К тому же не забывайте о старом индейце... Стоп! – Крикнул Джек, смотря куда-то вверх головы Дэнна, который от неожиданности подпрыгнул и недоуменно оглянулся, проследив за взглядом друга.

Он смотрел на двух жирных ворон, сидящих прямо на дороге. Джек облизнул мигом пересохшие губы. Нахлынуло смутное ощущение закономерности происходящего: он видел впереди неясную тень и теперь отчаянно пытался дотянуться до нее.

– Этот загадочный индеец! Индеец, который в принципе не мог появиться у нас в городе, не боясь быть посаженным в клетку Гордона за грубое нарушение давнего соглашения. Старый индеец, которого я видел перед гибелью Пола, а затем перед маскарадом на празднике всех святых, когда ночью ты, Майкл, узнал о трагедии с твоими родными. Это что, тоже простое совпадение, или... Почему индеец с такой ненавистью показывал на меня пальцем? Для чего выбирал момент, когда его никто не видит? И снова «несчастный случай»?

– Ты думаешь, кто-то из резервации причастен к этому? – Хмуро поинтересовался Луис. – Пришло время для мести, так Джек? – Лоб пересекла глубокая морщина.

– Не знаю, но не стану исключать и такое. Понимаю, тебя это задевает и неприятно даже говорить об этом, но подумай сам, Луис. Периодически происходящая случайность – это уже закономерность. Не так ли?

– Рано делать выводы на основании двух случаев, – упрямо заявил Луис. – Зачем им это нужно? Больше века люди из резервации не вмешиваются в дела города. Для чего им понадобилось запугивать не имеющего никакого отношения ко всему произошедшему много лет назад парня? Уж лучше прижучить Гордона или Рона Керлина? Ты-то тут при чем?

– Так уж не имеющего? А ты не забыл про орден, и посвящение в день моего рождения? Может как раз дело в этом? В том, к чему меня готовят?

– Но, ты ведь ничего не знаешь?

– Вот именно, ничего! А ты уверен, что они не знают о том, о чем я даже представления не имею? Что произойдет летом, какой ритуал я должен пережить, прежде чем понять?

Луис нервно заходил между Майклом и Джеком.

– Это просто бред. Что может случиться, если человек вступит в какой-то там клуб.

– Орден, – тихо поправил его Дэн.

– Ну, орден, смысл от этого меняется? Все эти легенды об «озере», его хранителей – это же просто легенды: как о Геракле или Самсоне, или Тристане и Тесее. Ну, кто в здравом уме будет в серьез считать общество по интересам, созданное на основе старых поверий, опасным и представляющим угрозу для других людей?

– В это общество – как ты его называешь, Луис, никто не может вступить по своей воле и выйти из него тоже, а полномочия передаются в нем только при рождении наследников первых, как они это называют. Этому обществу, Луис, более четырехсот лет, и прихода истинно первого, как говорит матушка Афения, в нем давно ждут. Который, плюс ко всему прочему, связан туманными обязательствами с самого рождения, не имея возможности выбрать другую дорогу, как бы ему этого не хотелось, – мрачно изрек Джек, думая о Рейчел и дальнейших перспективах.

Луис, Майкл и Дэн, как по команде, уставились на него: под смуглой кожей скул заходили желваки, а руки непроизвольно сжались в кулаки. Луис заметил разбитые костяшки и засыхающую на них кровь.

– Бред, – сказал Луис. – Все равно не верю, какие бы доводы вы не приводили. Легенды остаются легендами. Лишь люди дают им жизнь. Всегда хочется верить в существование фей, волшебников, ангелов и демонов. Только вымысел не становится от этого явью. Верно?

– Да, – устало протянул Джек. Он не желал продолжение спора. Это ни к чему не приведет. – Луис, просто давай пока не будем делать выводы. Думаю, многое может проясниться, когда я поговорю со старейшинами чинуки.

– Ну, опять, – вздохнул Майкл.

– Думаю, в ближайшее время это сделать не получится, – отрезал Луис.

– Отчего?

– Только не кипятись, ладно? Старейшины категорически отказались от переговоров, более того, они запрещают нам даже приближаться к резервации, иначе ответственность мы будем нести сами. А последствия неминуемы. Мы может развернуть такую войну!

– Что они сделают?

– Могут, Дэнни, подстрелить за нарушение частной территории и пренебрежением к официальному запрету. Даже шериф ничего не сможет сделать. Явившись без приглашения, мы нарушим соглашение между ГриндБэй и городом, и тем самым развязываем им руки.

– Это все, что передали твои знакомые? – Луис в нерешительности замялся.

– Да говори уже...

– Нет, не все, – наконец процедил он сквозь зубы. – Они сказали именно тебе, Джек, если жить не надоело, не стоит и близко подходить к резервации.

– Да? Это почему же? – Зло бросил Джек. Игра «Кто кого» порядком надоела.

– Потому что, чинуки мечтают разделаться с тобой с тех самых пор, как ты появился на свет, – отчеканил Луис.

На миг воцарилось молчание.

– Что за ерунду несешь? – Процедил Майкл сквозь зубы.

– Похоже, они тоже когда-то создали легенду, чтобы поверить в нее.

– Какую еще легенду?

– Понятия не имею, – беззаботно бросил Луис, отворачиваясь. Но Джек успел заметить выражение, появившееся на лице друга. Луис предпочел не говорить ему всего, что узнал.

– И что будем делать? – Спросил Майкл.

– Ждать, – удивил всех Джек.

Не стоит впутывать ребят в его разборки с чинуки. Он сделает все сам. Никто не должен нести ответственность за него. Кто-то играет не против Луиса, Дэнна или Майкла, а против него. Было ошибкой рассказать о планах друзьям. Впредь он обязан думать, что говорить им.

– Слушай, Джек, – Дэнни переминался с ноги на ногу. – Что если кто-то решил занять твое место в этом... ордене, и все это – часть хитроумного плана!

– Это просто глупо, – отрезал Луис, не дав открыть Джеку рот.

– Почему? – Не отставал Дэн.

– Потому что такого не может быть, и не спрашивай снова почему...

***

Солнце опустилось за горизонт, когда они разъехались по домам, договорившись встретиться завтра на игре в бейсбол. Джек долго не мог заснуть, ворочаясь на кровати с боку на бок. Казалось, он лежит на неотесанных досках на лесопилке Йетсов.

Ночь выдалась душной, и, не смотря на распахнутое настежь окно, долгожданная прохлада не наступала. Мысли о походе в ГриндБэй не оставляли ни на минуту. Даже задремав, он продолжал обдумывать и разрабатывать план похода. Играть в бейсбол Джек вовсе не собирался. Эта всего лишь попытка очередной раз усмирить чрезмерную подозрительность Луиса, только и всего.

Ждать больше не имело смысла: чем больше Джек размышлял, тем сильнее крепла уверенность – пришло время действовать. Пока не начались занятия в школе, и в запасе пара тройка часов он обязан использовать их по максимуму. Поговорив со старейшинами, он поймет что делать дальше, но сначала нужно решить две главные задачи: там ли прячется старик и почему преследует его?

Промучившись больше часа и не найдя спасительного умиротворения во сне, Джек решил немного пройтись. Керол давно уснула, свернувшись калачиком на диване в гостиной: на полу книга и полная пепельница окурков. Он на цыпочках прошел мимо и открыл дверь. Ноги сами привели к кратеру. Наслаждаясь ночной прохладой, вслушиваясь в «голос» «Красного Озера», его мерное дыхание далеко внизу, не слыша других звуков, он закрыл глаза, вздохнув полной грудью.

Завораживающее перемещение по спирали к центру плазмы сопровождалось тихим шипением, легким всплеском и свистом. Ветер стих, и темные силуэты деревьев замерли, словно застывшие на посту великаны. Луна ярко освещала аллею. Взглянув на небо, он увидел миллиарды ярких звезд, блестящих крохотными искорками в неизмеримой черноте бесконечности. Он опустил взгляд, и озеро вновь приковало внимание – растворяя в огромном огненном глазу, словно змея, гипнотизируя жертву, парализуя волю, прежде чем...

Поддавшись импульсу, Джек перелез через ограждение. Несколько камней с шипением сорвались в пропасть. Ноги скользили по обугленной земле, пришлось крепко схватиться за поручни, чтобы не сорваться вниз. Его привлекло движение на горящем склоне далеко внизу: тень молниеносно поднималась вверх, прямо к нему. Рискуя свалиться, он склонился еще ниже, стараясь разглядеть размытое очертания, тут же ощутив горячее зловоние, исходящее от плазмы, задохнувшись на миг от разъедающего легкие смрада.

Грубый и резкий толчок в спину, лишил опоры. Пытаясь сохранить равновесия, Джек взмахнул руками, стараясь ухватиться за спасительную перекладину ограждения. Но пальцы прошли в дюйме от железной стойки. С ужасом осознал, что начинает заваливаться назад, теряя ногами опору.

Страх парализовал, сдавил горло мертвой хваткой, и готовый сорваться крик превратился в тихий хрип. Жар обжог. Гарь мешала сделать даже вдох. Протестующие легкие пронзило острой болью. Он молниеносно падал в пропасть, беспомощно размахивая руками, как выпавший из гнезда птенец, цепляясь за острые выступы и камни, мелькавшие перед глазами, и каждый раз мокрые от крови изрезанные ладони соскальзывали. Джек камнем летел вниз, как подбитая индейской стрелой птица...

В последнем рывке удалось зацепиться за большой выступ из пемзы, и он повис в нескольких ярдах от горящей бездны. Мелкие камешки сыпались из-под ног, которыми он пытался

найти опору, и «Озеро» с шипением и жадностью поглощало их, как обезумевший от голода зверь добычу, нежданно свалившуюся с неба. Не насытившись, оно снова распахнуло кровавую пасть в ожидании очередного куска плоти.

Не дожدهшься! Из последних сил Джек подтянулся на руках, ухватившись за выступ выше. Кровь сочилась из многочисленных порезов, делая ладони скользкими. От боли он не чувствовал их, будто они перекрученные в мясорубке культы. Раз за разом, очень медленно, он поднимался выше, задыхаясь от исходящего снизу смрада. Камни выскользывали из-под рук, падая на лицо. Глаза резало от земляной пыли и пепла. Он почти ничего не видел.

Зато слышал: радостный вздох «Озера», проглатывающую очередную порцию еды и тут же маниакально требующую еще. Ему чудилось, что магма ускорила движение, и теперь спираль плазмы превращается в воронку, в водоворот, засасывающий все, что находится поблизости. Гул усилился, сливаясь в сплошную какофонию. От этого звука кровь стыла в жилах.

Джек попытался закричать, позвать на помощь. Но из горла вырвался тихий стон. Грудь сжало раскаленным воздухом, и он испугался, что от нехватки кислорода потеряет сознание. Раздирая кожу на пальцах, он ухватился за очередной валун и подтянулся.

Но неожиданно ослеп, будто на глаза накинули черную вуаль. Призрачная тень, быстро поднимающаяся по склону, настигла, накрыв, словно гигантское цунами. Окутало нестерпимым холодом, и после жара «Озера», контрастность оказалась настолько велика, тут же превратив тело в бесчувственный камень. Он будто заглянул в глаза Горгоне и застыл, лишившись всех органов чувств.

Джек силился распахнуть глаза, словно это бы помогло. Но пришло еще одно ощущение... непроницаемая тишина: даже звук собственного сердца растворился в тягучей массе. Будто ты оказался в вакууме: исчез шум кратера, звук свистящего судорожного дыхания, ты стал бестелесным существом, парившем где-то в глубинах космоса, куда не мог проникнуть ни шорох, ни луч света, ни шепот. Джек замер, не ощущая опоры, своего тела, не чувствуя рук. Может, такое и испытывает человек, когда умирает. Может, я уже мертв? И только сознание не хочет признавать очевидное?

Руки безнадежно соскальзывали, и если он сейчас не поднимется выше, то неминуемо упадет. Но Джек не видел, за что цепляться. Он вообще ничего не видел. Он даже не понимал, что все еще продолжает судорожно хвататься за острые края, балансируя над горящей пастью.

Казалось, все вокруг мертво. От жуткого холода свело тело, и судорога пробежала по мышцам раскаленной рекой. Чувство нереальности неправдоподобности происходящего захлестнуло с новой силой: ты должен встряхнуться, прийти в себя! Ты не должен безропотно сдаваться!

Черную завесу разорвали две крохотные горящие точки – огоньки, которые медленно приближались. Они набухали, росли, пока не слились в одно яркое золотое пятно, ослепившее, полоснувшее по глазам адской болью. Казалось, глазные яблоки сейчас взорвутся. Джек застыл, закрывая веки, но даже сквозь них ощущал яркий, приносящий мучения свет.

Тень исчезла, так же молниеносно, как и появилась, а вместе с ней холодный свет и давящая тишина. Джек вздрогнул от нахлынувшего жара «Озера». Валун под руками опасно накренился, медленно проседая и соскальзывая в пропасть. Перед глазами до сих пор плясало яркое пятно, дезориентируя, не позволяя понять, что делать дальше. Он потряс головой, судорожно дотягиваясь до следующего камня, который вслед за первым также оседал под тяжестью его тела. До края обрыва оставалось совсем чуть-чуть. Он уже видел спасательную перекладину: выше, еще выше. Он протянул к ней руку, но не удержался. Израненные ладони соскользнули, и Джек камнем сорвался вниз.

В предвкушении добычи «Озеро» злорадно зашипело, выбросив мощную струю огня, обжигая ноги. В последней попытке спастись, он отчаянно хватался за пролетающие мимо выступы, разрезая кожу, ломая кости. Тщетно: камни, обогранные кровью, тут же срывались

под весом тела. Он слышал, как они с хлюпающим тошнотворным звуком погружаются в плазму.

Бездна приближается. Джек чувствует, как одежда и волосы вспыхивают, а огонь начинает пожирать плоть. Адская боль лишает рассудка, последней здравой мысли, лишь инстинкт самосохранения заставляет с животным остервенением бороться за уже проигранную жизнь. Огромная жадная пасть огня раскрыта и готова принять его. Последнее, что он слышит – детский счастливый смех откуда-то сверху. С каждой минутой смех удалялся все дальше и дальше...

***

Джек закричал, тут же просыпаясь. Господи! Сердце колотилось с такой силой, что казалось еще немного и грудь взорвется, не выдержав колоссального давления. Он вытер вспотевшее лицо, взъерошил прилипшую ко лбу челку и глянул на часы. Прошло всего пятнадцать минут с тех пор, как он уснул, казалось же, что минуло, как минимум, часов пять.

Джек прошел в ванную. Из зеркала на него глядело белое лицо незнакомца, с темными кругами под глазами и испуганным бегающим взглядом. Из уха опять пошла кровь. Он вытер ее вафельным полотенцем и зашвырнул в корзину для грязного белья. Спать больше не хотелось, и оставаться в душевной комнате он не мог.

Надев джинсы и гавайскую рубашку, он осторожно, чтобы не разбудить мать, спустился со второго этажа. Джек судорожно сглотнул: Керол спала не в своей комнате, а на диване в гостиной. Возле нее на полу неизменная книга и полная пепельница окурком.

– Дежа-вю, твою мать, – прошептал он, открывая парадную дверь.

Спасительная прохлада немного охладила жар, принесла облегчение. Он побрел по пустынному ночному городу в сторону аллеи к «Озеру». Набежавшие тучи скрыли луну, и тусклый свет уличных фонарей едва освещал узкий тротуар.

Гулкий звук шагов стал единственным звуком, раздавшимся посреди ночи, но чем ближе кратер, тем отчетливее слышался другой, более живой и настойчивый: рев многотонного чудовища, заключенного в каменную клетку. «Озеро» встречало тяжелым, но радостным стоном, яростным шипеньем распахнутого коварного объятия, сулившего забытие и удовлетворение.

Находясь все еще во власти кошмарного сна, Джек настороженно подходил к краю кратера. С каждым последующим шагом сердце теряло ритм, начиная биться все быстрее, а жажда становилась невыносимой. Легкая полупрозрачная дымка окутывала свод, словно ночной колпак лысую голову старика. Голубое металлическое сияние нависало пульсирующей живой массой. По мере приближения туман отступал, и Джек уже мог разглядеть массивное ограждение. Преследуемый недавно пережитым видением, он нерешительно остановился, не дойдя до него несколько шагов.

«Озеро» шептало, молило подойти ближе. Джек сделал еще один шаг. Взметнувшийся вверх столб огня осветил тоненькую фигурку, стоящую у самого обрыва. Туман сделал ее очертания расплывчатыми и нереальными. Джек закрыл глаза, молясь про себя и будучи уверенным, что когда откроет их, то никого не увидит: хватит на него сегодня видений! Он глубоко вздохнул, медленно открывая глаза.

Фигура осталась на месте. Она не шевелилась, и казалось застывшей, как кусок пемзы, спаянный огнем над обрывом. Сердце билось в грудной клетке, словно обреченное. Джек был уверен, громкие удары можно услышать даже на другом конце кратера.

– Только призраков наяву мне и не хватало, – прошептал он, с силой ушибнув себя за руку. – Дерьмо... чертовски больно. Все эти сны, видения, кошмары, все это происходит только в моей голове, и никто больше ничего не видит, – прошептал он, подумав о Сэме, индейце и Поле. – А значит, это лишь иллюзия и ничего такого не существует.

– Сэм, – тихо позвал Джек вопреки своим же доводам. В голосе столько боли, тоски и надежды, что поражает, как душа выдерживает, не теряя себя, не сгорая, как сгорит брошенный вниз камень или упавшее в эту бездонную пропасть тело.

Фигура не исчезла, лишь слегка пошевелилась. Джек вытер слезы, стирая с глаз пелену, и нерешительно сделал шаг вперед. С каждым последующим шагом призрак начинал приобретать все более четкие очертания хрупкой девичьей фигурки.

Длинные темные волосы колыхались от горячего дыхания «Озера», волнистым каскадом спадая по плечам. Девушка была одета в джинсы и легкую светлую куртку. Джек не видел лица. Она не повернулась даже тогда, когда под его ногами предательски хрустнула ветка.

Страх растаял. Удивление, пришедшее вслед, застало врасплох. Как кто-то посмел прийти к его излюбленному месту, куда под покровом ночи мог сбежать лишь он, в его убежище? Он ляпнул первую, пришедшую на ум, фразу, причем далеко не дружелюбным тоном.

– В это время суток возле «Озера» находиться небезопасно, особенно девушке. Даже если она фея, не значит, что с ней ничего не может случиться.

Незнакомка молчала, никак не отреагировав на него. Даже не повернулась, давая понять, что услышала или была напугана неожиданным появлением. Казалось, она вообще не удивлена, встретив кого-то около трех часов ночи в этом, даже днем безлюдном месте. Будто знала, что он придет, или ждала его. А может просто не обращала внимания на увольня, задающего дурацкие вопросы. Джек уже думал она не ответит, когда услышал тихий голос:

– К большому огорчению я не фея.

Голос оказался настолько нежным и мелодичным, словно звучала флейта под пальцами необыкновенно талантливого музыканта.

– Отчего же: к большому огорчению?

– Тогда бы я могла многое изменить...

– Может это и правильно... что мы не можем менять то, что хотим. А возможно, вы не желаете меня напугать? Не каждый день, знаете ли, встретишься со сверхъестественным. Но это место... оно и в самом деле сверхъестественно, и ночь... можно поверить во что угодно, – Джек ждал ответа, но девушка молчала.

– Не стоит приходить сюда одной. Это даже не смелость, а безрассудство... даже если вы действительно фея.

Отчего-то безумно хотелось посмотреть на незнакомку, которая заинтриговала таинственностью. Что-то мистическое было в ситуации – туман, отблески металлического сияния кратера, ночь, тишина и застывшая хрупкая фигурка. Джек осторожно, боясь напугать ее, подошел и встал рядом. Волосы скрывали лицо, обращенное к шипящей магме, и он уловил лишь нежный аромат лилии. Он хорошо знал этот запах. Отец всегда дарил матери огромные букеты этих нежных цветов. На миг, его будто бы отбросило на много лет назад. Джек прикрыл глаза, возвращаясь в настоящее.

Девушка держалась за перекладину ограждения и не сменила позы, даже ощутив его присутствие рядом. Он разглядел лишь серебряный перстень с темным камнем на среднем пальце левой руки.

– Никогда не случится то, чего не должно произойти, – сказала она. Джек не знал, что на это ответить, посмотрев в сторону взмывшего вверх огня пламени.

– Значит, вы верите в судьбу? Невесело, если учесть мою перспективу в дальнейшем.

– Нет... всего лишь в закономерность.

– Это... интересно.

– Это печально.

– Вы находите? Отчего такой пессимизм. Вы ведь не из тех, кто говорит, что стакан наполовину пуст?

– Вы правы. Я не из тех, кто обсуждает очевидное.

Джек удивленно глянул на нее. По завиткам волос пробегали огненные блики, отражающиеся от выпущенной в небо стрелы магмы.

– Вы одна из приехавших сегодня туристов?

– Можно сказать и так.

– Наш разговор более чем странный?

Девушка лишь пожала плечами.

– Простите, а вам и, правда, не страшно находиться здесь совсем одной в незнакомом месте, в чужом городе? – Джек услышал тихий вздох. – В любом месте найдется подонок, который э... может повести себя не по-джентельменски.

– Нет, не страшно, – и помолчав, добавила. – Всегда найдется альтернатива.

– Э...?

– Я много читала о феномене «Красного» или «Огненного», как его еще называют, «Озера» в центре города. В такое невозможно поверить, не увидев своими глазами. Фотографии и рисунки не передают всего великолепия. Оно действительно прекрасно! Кратер завораживает. Чем дольше любишь смертоносным великолепием, тем сильнее тянешься к нему и тем более осознаешь мощь и многообразие чудес, на которые способна природа. По сравнению с ним я крохотная песчинка на дне океана, не способная до конца осознать и понять те таинства и значения, что происходят рядом.

– Удивительно...

– Хочется бесконечно долго смотреть на живое движение магмы, вечное, как сама жизнь, забыв обо всем. Словно погрузиться в транс, и не хотеть просыпаться.

Джека поразили ее слова, в которых проскальзывала грусть и тоска, но ведь и он тоже так думает, находясь здесь в полном одиночестве, в темноте ночи, сбежав от всех. Растаять и раствориться в горячем дыхании, слиться с огнем, существовать нераздельно, наблюдая, как протекает, бежит время, словно горная река. Наблюдать, быть не здесь, не в этом мире, не сейчас.

Девушка казалась такой необычной, такой загадочной. Ему так хотелось взглянуть на нее и он сделал еще один шаг, теперь находясь от нее на расстоянии вытянутой руки, но она и сейчас не повернулась.

– Это одно из лучших мест в мире, – сказал Джек. – В нашем городе, есть и другие прекрасные и необычные места. Когда вы их увидите, то, поймете – таких красот больше не найти. Вот хотя бы плато Семи Камней – каменные валуны, расположенные по кругу, напоминают застывшие человеческие фигуры в длинных балахонах, которые преклонили колени. Им тысячи лет! Неразгаданная тайна времени, как Стоунхендж, Мачу-Пикчу или Пуно-пункто и сотни других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.